

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 1 (71), Том 10
Весна 2004**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Роланд М. Тимербаев
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Издатель

ПИР-Центр политических исследований:

Владимир З. Дворкин, генерал-майор, старший советник
Томас Дитерс, стажер

Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник

Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета

Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер

Андрей В. Гребенщиков, стажер

Даниил О. Кобяков, научный сотрудник

Ирина А. Котова, помощник директора

Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам

Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, старший советник

Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета

Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета

Юлия Н. Орлова, секретарь

Елена Д. Полидва, помощник директора

Роман Е. Попов, стажер

Галина Д. Рассказова, бухгалтер

Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Константин А. Сириков, специалист по распространению

Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол,

председатель Совета и консультант

Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета

Андрей Л. Фролов, научный сотрудник

Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор

образовательных проектов

Анна В. Шувалова, координатор образовательных проектов,

библиотекарь

Дмитрий Д. Яхушкин, член Совета

№ 1 (71), Том 10
Весна 2004

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор

[orlov@pircenter.org]

Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор

[frolov@pircenter.org]

Елена Д. Полидва, администратор проекта

[info@pircenter.org]

Даниил О. Кобяков, корреспондент

[kobyakov@pircenter.org]

Наталья С. Котовщикова, технический редактор

Екатерина В. Мышева, литературный редактор

Маргарита М. Крючкова, корректор

Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:

Россия, 123001, Москва,

Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б

Редакция *Ядерного Контроля*

Телефон редакции:

+7-095-234-0525 (многоканальный)

Факс: +7-095-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>

Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушер и др.

Подписка и распространение (подробнее см. стр. 189)

В России:

• «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280

• «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу:

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел: +7-095-764-98-96

За рубежом:

• Swets Blackwell: тел: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; web: www.swetsblackwell.com

• East View Publications, Представительство в России, тел: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; web: www.eastview.com

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 11 февраля 2004 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2004

Р Е Д А К Ц И О Н Н А Я С Т А Т Ь Я

7 **Что означает явка с повинной полковника Каддафи**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Мохамед Эльбарадей: «Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена» – Роланд Тимербаев** – В интервью председателю Совета ПИР-Центра Роланду Тимербаеву Генеральный директор МАГАТЭ говорит о современных недостатках и вызовах режиму нераспространения, достижениях Агентства за 2003 г., а также о возможной роли МАГАТЭ в реализации программы Глобального партнерства.

- 15 **Александр Румянцев: «Атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров» – Владимир Орлов** – В интервью главному редактору журнала *Ядерный Контроль* Владимиру Орлову министр по атомной энергии Российской Федерации подробно останавливается на вопросах будущего мировой атомной энергетики, перспективах развития атомной энергетики в России и российско-американского сотрудничества в области утилизации оружейного плутония, а также на различных аспектах экспорта продукции отечественной атомной промышленности.

А Н А Л И З

- 25 **На пути к стратегической стабильности – Игорь Сергеев** – В статье анализируются современные аспекты международной безопасности. Автор отмечает, что ядерное сдерживание сегодня не служит основой стратегических межгосударственных взаимоотношений. Поддержка эффективности режима нераспространения, по мнению И.Д. Сергеева, не может быть прерогативой одного государства и должна осуществляться исключительно легитимными мерами.

- 31 **Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов – Юрий Балуевский** – Автор дает оценку роли и места политики ядерного сдерживания в современном мире, а также рассматривает перспективы ее практического применения, в том числе на примере российско-американского Договора СНП. Говоря о роли ядерного оружия, автор приходит к выводу, что ядерный фактор, который долгое время являлся элементом напряженности в мировой политике, сегодня продолжает играть сдерживающую роль.
- 37 **Центры силы: прогноз геополитической ситуации после иракской войны – Евгений Сатановский** – В статье представлен анализ стратегии основных силовых центров современного мира. Автор полагает, что они станут источником политических и военных инициатив, которые в конечном счете определяют иерархическое устройство мира в ближайшем будущем.

П О Л Е М И К А

- 65 **Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски – Геннадий Евстафьев** – В статье анализируются успехи и неудачи режима нераспространения в 2003 г., а также возможные вызовы режиму в будущем. Рассматриваются вопросы легитимности применения силы и развязывания превентивной войны; угрозы применения «грязных бомб» и иных суррогатных устройств на базе ОМУ и самых разнообразных средств их доставки террористическими организациями.
- 73 **ДНЯО и концепция НАТО по «совместному управлению» ядерным оружием – Анатолий Анин** – Автор анализирует совместимость концепции с буквой и духом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), проблемы присутствия американского ядерного оружия в Европе и ядерную политику НАТО в целом. По мнению автора, эта концепция использует лазейки в ДНЯО, которыми могут воспользоваться и другие государства.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 81 **Роль МАГАТЭ в решении актуальных проблем нераспространения ядерного оружия – Владимир Хлебников** – В статье рассматриваются причины возрастания политической роли МАГАТЭ за последние годы, причем не только в области нераспространения, но и в рамках сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, дается оценка практическому осуществлению основных функций Агентства – контроля и сотрудничества. Отдельно рассматривается работа МАГАТЭ в «проблемных» странах: Ираке, Северной Корее и Иране.

- 97 **Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ – Виктор Личаев** – В статье рассматривается реакция арабских стран и мирового сообщества на решение Ливии отказаться от программ разработки ОМУ. Автор отмечает, что, несмотря на сложность и запутанность возникшей ситуации, в целом решение Ливии явилось знаковым для мирового сообщества и несет в себе позитивный импульс.

О Б З О Р

- 107 **Россия и страны Скандинавии – расширение программы Глобального партнерства – Анна Абаева** – Присоединение Норвегии, Швеции и Финляндии к программе Глобального партнерства является заметным событием в ходе реализации совместных проектов по утилизации ОМУ и средств доставки в России. На основе широкого круга источников, включая личные интервью с ее участниками, автор исследует историю и перспективы российско-скандинавского сотрудничества в данной области.
- 131 **ВТС России со странами Ближнего и Среднего Востока – Марат Кенжетаев** – В статье приводится анализ рынка вооружений Ближнего и Среднего Востока, подробно рассмотрены основные региональные импортеры российских вооружений. Автор дает оценку российским перспективам на данном рынке вооружений, отмечая, что регион является очень важным для России с точки зрения диверсификации оружейного экспорта и дополнительных валютных поступлений.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 165 **Первая атомная подводная лодка на Дальнем Востоке – Ремос Калинин** – Непростой путь строительства на Дальнем Востоке первой АПЛ «К-45» до сих остается малоизвестной страницей истории отечественного флота. В статье приводятся интересные факты из истории развития атомного подводного флота в СССР, а также воспоминания участников создания и испытаний «К-45».

Б И Б Л И О Т Е К А

- 173 **Контроль над вооружениями – Роланд Тимербаев** – На суд читателей представлена «энциклопедия» по вопросам контроля над вооружениями, подготовленная к изданию И. Гольдблатом. В книге дается не только анализ практической реализации подписанных соглашений, но и делается попытка спрогнозировать будущее контроля над вооружениями.
- 175 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

177 S U M M A R Y

181 О Б А В Т О Р А Х

185 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

189 О П О Д П И С К Е

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

после
с. 80

ПИР-Центр и журнал *Ядерный Контроль* публикуют очередной выпуск бюллетеня. В *Вестнике* представлены эксклюзивный репортаж о подписании соглашения между Россией и Польшей по химическому разоружению, таблица с последними данными о международном содействии России в деле утилизации АПЛ, отчет о заседании Совета по устойчивому партнерству для России, новости о ходе реализации программы Глобального партнерства.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ЯВКА С ПОВИННОЙ ПОЛКОВНИКА КАДДАФИ

19 декабря 2003 г., после десяти месяцев секретных переговоров с США и Великобританией, Ливия объявила, что отказывается от стремления к обладанию оружием массового уничтожения (ОМУ), включая ядерное, и приступает к уничтожению имеющихся у нее компонентов ОМУ, а также средств его доставки с дальностью, превышающей 300 км.

На следующий день Ливия начала переговоры с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Они привели к посещению Ливии Генеральным директором МАГАТЭ М. Эльбарадеем (его эксклюзивное интервью журналу *Ядерный Контроль* см. в этом номере на с. 11) и к решению Ливии подписать Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.

«Теперь Ливия будет играть свою международную роль в построении нового мира, свободного от оружия массового уничтожения и всех видов терроризма», – заявил лидер этой страны 61-летний М. Каддафи. «У нас нет ОМУ. Знаете, вокруг нас так много различных слухов, пропаганды, в то время как нам просто нечего прятать. В мире так много стран, которые обладают ядерными программами, но на самом деле лишь у некоторых есть ОМУ. Эти страны раскрывают свои ядерные программы. Так что я просто последовал их примеру», – уточнил М. Каддафи. По его словам, Ливия «станет всего второй страной, после Южной Африки, которая разоружается добровольно».

Ливия ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1975 г. В 1980 г. она подписала Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Страна входит в зону, свободную от ядерного оружия в Африке (Договор Пелиндаба). Ливия также является участником Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО). В то же время на протяжении трех последних десятилетий Ливийская Джамахирия неоднократно фигурировала в западных официальных и неофициальных экспертных списках государств, вызывающих обеспокоенность с точки зрения рисков распространения ОМУ и средств его доставки. Подчас для этого имелись серьезные основания.

Так, во второй половине 1970-х гг. Ливия, располагавшая тогда крупными запасами нефтедолларов, пыталась с помощью советских организаций создать полный ядерный топливный цикл, включавший и тяжеловодный реактор на природном уране, и установку по производству тяжелой воды. Хотя руководители советского правительства и атомного ведомства были готовы пойти на сделку (ливийцы предлагали сумму порядка 10 млрд долл.), МИД заявил тогда о своем несогласии, и в конце концов разумный подход к ситуации со стороны Советского Союза возобладал. Ливия проявляла интерес к ядерному оружию, имевшемуся в Пакистане, стремилась развивать ядерное сотрудничество с Бельгией, Аргентиной, Бразилией, часто преследуя сомнительные цели. (Подробнее об этом см. в текущем номере журнала *Ядерный Контроль* в статье В.И. Личаева «Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ» на с. 97)

Участие в КБТО не помешало Ливии продвинуться в работе над биологическим оружием. По свидетельствам представителей американского и британского разведсообществ, М. Каддафи предъявил им «биологические агенты двойного применения, которые могут использоваться как законно (в гражданских), так и в военных целях».

Но в чем Ливия действительно преуспела, так это в создании химического оружия. Не будучи участницей Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), Ливия на заводе «Рабта» произвела около 100 т отравляющих веществ, возможно, сохранив до настоящего времени около 80 т иприта: по крайней мере, познакомившиеся с ливийским ХО американцы и англичане говорят о «десятках и десятках тонн», правда, производства «десятилетней давности». В отличие от ядерной программы, наличие в Ливии продвинутой программы ХО не стало для экспертов новостью.

Наконец, Ливия проявляла интерес к повышению дальности собственных средств доставки, сотрудничая, среди прочих, с КНДР, Индией, Ираном, КНР и Сербией.

Если декабрьские заявления о намерениях со стороны Ливии обретут форму конкретных договоренностей по демонтажу имеющихся и создававшихся арсеналов – а похоже, для этого сейчас нет препятствий, – то мы станем свидетелями беспрецедентного шага, когда государство прекратит все свои военные программы в области ОМУ и средств доставки, поставит их демонтаж под международный контроль.

Конечно, сравнение с Южной Африкой не вполне корректно: она добровольно уничтожила ядерные боеприпасы, отказавшись от статуса пусть и незаявленной, но все же ядерной державы. М. Каддафи расстался с несравнимо более скромными наработками.

В отличие от химической, ядерная программа Ливии на момент заявления М. Каддафи о явке с повинной находилась на самой начальной стадии. М. Эльбарадей считает, что Ливия была на «расстоянии» от трех до семи лет до момента обладания собственным ядерным взрывным устройством. Инспекторы МАГАТЭ не увидели ни обогащенного урана, ни готовой промышленной установки по обогащению. (А по свидетельству одного из побывавших в Ливии американцев, «их центрифуги работали и делали обогащенный уран».)

Не исключено, что инспекторов МАГАТЭ могут ожидать новые открытия, связанные либо с давним сотрудничеством Ливии с другими государствами, либо с недавними закупками Триполи уже на черном рынке. По словам сотрудников МАГАТЭ, уже увиденного ими в Ливии достаточно, чтобы у них открылись глаза на низкую эффективность международной системы экспортного контроля и на масштабы ядерного *черного рынка*.

Действительно, уже по тем скудным данным, которыми мы обладаем сейчас, можно судить, как отдельные государства, прежде всего Пакистан, минуя международное давление и барьеры, поставляли Ливии центрифужное и иное оборудование. На отдельных компонентах могло значиться «сделано в Малайзии». Переправлялось оборудование через Дубай, уже давно ставший местом, свободным не только от пошлин, но и от ответственности для контрабандистов крупного калибра.

Степень вовлеченности отдельных государств, а также цепочек, состоящих из государств и негосударственных игроков, в ОМУ- и ракетные программы Ливии еще предстоит скрупулезно изучить. Это, несомненно, лучше поможет понять, какие (видимо, по-прежнему широкие) возможности открываются перед теми, кто всерьез настроен на обладание ОМУ и средствами его доставки.

Каковы были мотивы полковника М. Каддафи? Прежде всего, он настроен на плавную передачу власти сыну С. уль-Исламу, и чтобы избежать потрясений и внешнего давления, он выбрал – еще в 1988 г. – стратегический союз с Западом. В декабре ушедшего года этот поворот просто получил логическое завершение. С. уль-Ислам ясно формулирует новую политику – свою и отца: «Этот шаг проложит путь к нормализации наших политических отношений с США и с Западом, а также ликвидирует какую-либо угрозу в от-

ношении Ливии со стороны Запада и США в частности». Особо заметим, что Ливия вступила в переговоры с США и Великобританией еще до начала войны в Ираке.

Будучи седьмым крупнейшим производителем нефти в мире и, скорее всего, находясь на одном и первых мест по ее запасам, Ливия *возвращается в капитализм*, открывая двери для испанских, итальянских, французских, а теперь британских и американских компаний. Дружба с СССР (никогда, впрочем, не бывшая устойчивой) – в далекой истории. Попытки сыграть первую скрипку в арабском мире у М. Каддафи провалились и вызвали его настолько глубокое разочарование, что развернули в сторону Черной Африки. В этой стороне можно было много чего найти, но только не источник для экономического процветания. Поэтому *возвращение на Запад* было почти неизбежным. Президент США откликнулся на шаг М. Каддафи именно так, как и ожидали в Триполи: «Ее (Ливии) добросовестность будет вознаграждена».

Какие международные последствия может иметь ливийское добровольное разоружение?

Во-первых, и это главное, благодаря ливийскому прецеденту подчеркнуты преимущества дипломатического решения вопросов, связанных с распространением. Мы видим, что у дипломатии (пусть на начальном этапе и тайной) серьезные возможности. С ее помощью лучше удастся вскрывать программы ОМУ в странах, вызывающих обеспокоенность, нежели с помощью военных операций. (По этому поводу см. полемическую статью Г.М. Евстафьева «Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски» в этом номере *Ядерного Контроля* на с. 65)

Во-вторых, решение Ливии демонстрирует эффективность санкций ООН как инструмента против государств, поощряющих терроризм или развивающих секретные программы в области ОМУ. Ведь крутой поворот в ливийской политике наметился под воздействием международных санкций и во многом был вызван именно ими. Нам представляется симптоматичным, что передовица *The New York Times* наутро после объявления решения М. Каддафи отметила «ценность санкций ООН» против Ливии для принятия этой страной *нераспространенческого* выбора.

В-третьих, ситуация с Ливией должна означать большее вовлечение МАГАТЭ, ОЗХО, возможно, и других международных организаций. Примечательно и отрадно, что это уже происходит. Так, Ливия присоединилась к ОЗХО. Лидерство МАГАТЭ в демонтаже ливийской военной ядерной программы и в обеспечении контроля над полным и необратимым уничтожением всех ее компонентов должно быть неоспоримым.

В-четвертых, ливийское решение – это сигнал для тех государств в регионе Ближнего и Среднего Востока и в мире, которые все еще рассчитывают опереться на не афишируемые ими программы в области ОМУ. Причем это в равной степени сигнал и для Сирии, которая теперь оказывается перед жестким и срочным выбором в отношении своей военной химической программы; и для Северной Кореи, которая ведет ядерные и ракетные игры с Соединенными Штатами и международным сообществом *на грани фолы*; и для Израиля, который благодаря протекции со стороны США почему-то оказался выведен за рамки критики, а вместе с тем не должен являться исключением, и его ядерное оружие и военная ядерная программа, как недавно отметило МАГАТЭ, должны быть поставлены под контроль и затем демонтированы, вероятно, имея в виду в качестве промежуточного решения формирование зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке.

В-пятых, говоря «Ливия», мы теперь трижды должны подумать: «Пакистан».

Пакистан – это главное на сегодняшний день государство-распространитель в мире. Следы от его ядерных технологий видны в Северной Корее, Иране, теперь в Ливии. Кому советовали его *ядерные умы* – еще предстоит разобраться. Последние поставки Пакистана в Ливию, судя по всему, имели место уже после 11 сентября 2001 г., когда США предупредили президента А. Мушаррафа о том, что недопустимо *делиться* ядерными технологиями, и получили от него соответствующее обещание. Пакистан – государство

нестабильное, слабое, где центральное правительство не контролирует значительные территории и где международные террористические организации встречают сочувствие. Можно ли и дальше международному сообществу мириться с ядерным Пакистаном-пролиферантом?

И, наконец, *в-шестых*, решение Ливии, точнее то, как она пришла к нему, – это урок и для России.

Россия не может оставаться в стороне от решения насущных, конкретных вопросов борьбы с распространением ОМУ в мире. Это противоречило бы ее заявленной внешне-политической линии. Россия должна активнее использовать все остающиеся у нее традиционные связи, рычаги влияния. Удачным примером вовлечения России в решение острых вопросов распространения явилась кропотливая работа с Ираном в последние годы и особенно месяцы, во многом благодаря Москве и уже затем Берлину, Парижу и Лондону увенчавшаяся подписанием Ираном Дополнительного протокола в те же дни декабря, когда Ливия открывала данные о своей ядерной программе.

России нет смысла самоустраняться от диалога с такими традиционными партнерами, как, в частности, Сирия.

Но если в некоторых случаях России лучше действовать самостоятельно, то в большинстве направлений она могла бы более плотно работать *совместно* с Соединенными Штатами. Наиболее удачным примером такого конкретного сотрудничества последних месяцев является вывоз облученного ядерного топлива с исследовательских реакторов государств Центральной и Восточной Европы (Сербия, Болгария, Румыния). География такого сотрудничества сейчас расширяется на государства бывшего СССР (об этом см. в эксклюзивном интервью министра по атомной энергии России А.Ю. Румянцева журналу *Ядерный Контроль* на с. 15).

Может быть, если потребуются вывозить ядерные компоненты из таких государств, как Ливия, Россия и США могли бы сделать это совместно, под эгидой МАГАТЭ? А некоторое смягчение интонаций по поводу Ирана в Вашингтоне позволяет заглянуть далеко вперед и – пусть сегодня это покажется фантазией – предложить поразмышлять о совместных проектах России и США по развитию мирной ядерной энергетики в Иране. Именно такое сотрудничество могло бы стать гарантией и от взаимного недоверия, и от риска возникновения тайных военных ядерных программ.

Генеральный директор МАГАТЭ М.Эльбарадей ответил на вопросы председателя Совета ПИР-Центра Роланда Тимербаева.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда в 1960-х гг. прошлого века был создан международный режим ядерного нераспространения, опирающийся на систему гарантий МАГАТЭ, стало ясно, что ввиду невсеобъемлющего характера этого режима (существование государств, обладающих и не обладающих ядерным оружием, недостатки имевшейся тогда системы гарантий и т. д.) мировому сообществу предстоит столкнуться со многими проблемами в противодействии риску ядерного распространения и что существует реальная опасность выхода последнего из-под контроля. Считаете ли вы, что мировое сообщество в целом располагает прочным в своей основе режимом нераспространения, обладающим возможностью дальнейшего совершенствования? А если нет, нуждается ли этот режим в радикальной реформе?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Я думаю, справедливо будет сказать, что Договор о нераспространении ядерного оружия 1970 г. (ДНЯО) и режим ядерного нераспространения, который он поддерживает, в большинстве своих аспектов являются выдающимся достижением. В рамках договоренности, зафиксированной в ДНЯО, подавляющее большинство государств отказалось от обладания ядерным оружием в обмен на помощь в развитии ядерных технологий для мирного применения, а также на обязательство пяти государств, признанных обладающими ядерным оружием, стремиться к ядерному разоружению. Проводимая Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) проверка играет важнейшую роль в успешном осуществлении этого режима.

Но также верно, что порой недостатки этого режима становятся очевидными. Ясно, что сейчас он переживает трудные времена. Я не разделяю точку зрения, согласно которой мы должны были предвидеть все эти источники трудностей уже в конце 60-х гг. прошлого столетия, т. е. во время установления этого режима. Напротив, на мой взгляд, будет логичным для сохранения эффективности каждый такой режим время от времени приспособлять к условиям новых реальностей и возникающих угроз.

В 1990-х гг. мы провели одно такого рода «приспособление». Информация о скрытой программе создания ядерного оружия в Ираке наряду с установлением МАГАТЭ факта отказа КНДР осуществлять ее соглашение о гарантиях подчеркнули важность укрепления системы гарантий МАГАТЭ. Это привело к созданию нового механизма, называемого Дополнительным протоколом, в соответствии с которым государства предоставили Агентству более широкие права доступа к установкам и информации, с тем чтобы оно могло обеспечивать уверенность не только в непереклещении заявленного ядерного материала на военные цели, но также и в отсутствии каких-либо *незаявленных* ядерных

материалов и деятельности. Заключение этого Дополнительного протокола с МАГАТЭ является обязанностью каждого государства–участника ДНЯО.

Тем не менее и эта укрепленная система гарантий далеко не универсальна. Так, из 189 государств–участников ДНЯО 47 государств до сих пор не имеют действующих соглашений о всеобъемлющих гарантиях, а Дополнительные протоколы вступили в силу только в отношении 37 государств. Это явно неприемлемо. МАГАТЭ будет в состоянии выполнять свои обязанности только тогда, когда оно получит все соответствующие полномочия.

Любые случаи осуществления государствами–участниками ДНЯО скрытых ядерных программ, безусловно, вызывают серьезную озабоченность у всех стран. В связи с этим для международного сообщества, включая Совет Безопасности ООН, важно принимать эффективные меры в отношении любых нарушителей, причем наглядность этих мер должна быть очевидна. Помимо этого, в центре международной озабоченности находится отсутствие прогресса в отношении поддающегося международному контролю ядерного разоружения, а также влияние этого на восприятие договоренностей ДНЯО. Таким образом, по моему мнению, для всех участников ДНЯО – как для государств, обладающих ядерным оружием, так и для государств, не обладающих ядерным оружием, – одинаково важно соблюдать букву и дух их обязательств. А международное сообщество, несомненно, желает также наблюдать прогресс в том, чтобы склонить три остающиеся вне рамок ДНЯО страны – Израиль, Индию и Пакистан – присоединиться к всеобщим усилиям по борьбе с распространением и двигаться по пути ядерного разоружения.

Поскольку такого рода озабоченности ясно указывают на то, что необходимы реформы и изменения подхода, я думаю, что многие элементы этого режима по сути являются правильными и надежными, и поэтому нам следует сохранить основу ДНЯО и развивать ее. Кроме того, единодушно признается необходимость более активного приспособления режима к существующим реальностям. Например, мы вновь рассматриваем вопрос о возможности ограничения мест осуществления определенных «чувствительных» операций топливного цикла, таких как выделение плутония и обогащение урана, международными центрами, находящимися под межнациональным контролем, – с тем чтобы в большей мере контролировать доступ к ядерному материалу, непосредственно используемому в ядерном оружии. Эти и другие идеи следует рассматривать с точки зрения того, что это поможет укреплению режима нераспространения, обеспечивая в то же время возможность применения ядерных технологий для мирных целей.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Почему присоединение государств к Дополнительному протоколу к соглашениям о гарантиях происходит столь медленными темпами и что, по вашему мнению, требуется для ускорения этого процесса?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Как я уже упомянул, столь медленные темпы вступления в силу соглашений о гарантиях и Дополнительных протоколов вызывают разочарование. В частности, на 70 государствах, осуществляющих значительную ядерную деятельность, и в особенности на тех, возможности которых охватывают весь ядерный топливный цикл, лежит особая ответственность в отношении вступления этих соглашений в силу, обеспечения транспарентности и, на основе проверки МАГАТЭ, уверенности в том, что их ядерная деятельность носит мирный характер.

МАГАТЭ провело анализ препятствий, которые могут вызывать задержку в принятии государствами мер по заключению Дополнительных протоколов. В отношении некоторых развивающихся стран, осуществляющих незначительную ядерную деятельность или вообще не осуществляющих ее, препятствием может служить недостаточная информированность о роли укрепленных гарантий в деле ядерного нераспространения и международной безопасности. В то же время для ряда стран, имеющих весьма развитый топливный цикл, политические соображения могут являться задержкой в принятии условий более интрузивной системы проверки, предусмотренной в рамках Дополнительного протокола. Есть еще и другие случаи, в которых задержки вызваны техническими или даже административными факторами.

Как МАГАТЭ, так и многие отдельные государства–члены ускорили свою информационно-просветительскую работу с целью помочь государствам преодолеть такого рода препятствия. В течение прошлого года мы явились свидетелями некоторого увеличения числа государств, заключивших Дополнительные протоколы. Я по-прежнему надеюсь, что эти темпы будут ускоряться, поскольку необходимость универсального присоединения к режиму укрепленных гарантий приобретает все большее международное значение.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Среди многих экспертов по-прежнему существуют глубокие разногласия в отношении путей дальнейшего развития ядерной энергии, использования МОХ-топлива, обращения с отходами и т. п. Это было подчеркнуто в недавно проведенном междисциплинарном исследовании Массачусетского технологического института «Будущее ядерной энергетики». В то же время широко признается, что ядерная энергия является важным источником удовлетворения будущих энергетических потребностей без выбросов двуокиси углерода и других атмосферных загрязнителей. Может ли МАГАТЭ играть роль координационного центра, объединяющего различные подходы в интересах формирования общей международной политики при осуществлении ядерно-энергетического варианта на основе улучшенных экономических показателей, существенно повышенного уровня безопасности, успешного во всех отношениях обращения с отходами и низкого или нулевого риска распространения?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Ваш вопрос включает в себя две проблемы, и мне придется отвечать на него последовательно. Конечно, в деятельность МАГАТЭ входит функция служить в качестве координационного центра для обсуждений, обмена информацией и принятия конкретных мер в области ядерной энергии. Мы стремимся обеспечить широкое понимание преимуществ ядерной энергии с точки зрения экологии перед другими видами энергетических источников, при этом важно, чтобы подобные сравнения источников энергии были беспристрастными и сбалансированными. Мы также содействуем технологическим инновациям – в рамках нашего Международного проекта по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (ИНПРО) и других проектов – с целью повышения уровня безопасности, сдерживания риска распространения, уменьшения объема отходов и улучшения экономической конкурентоспособности. Мы полны решимости на основе этих усилий обеспечить то, чтобы ядерная энергия и в будущем оставалась жизнеспособным источником производства энергии для тех государств, которые предпочитают ее использовать.

Тем не менее также очевидно, что мнения международного сообщества, равно как и государств–членов МАГАТЭ, относительно преимуществ ядерной энергии расходятся. В роль Агентства не входит навязывание ядерной энергетики или любой другой ядерной технологии государствам, которые не стремятся к этому. Наша роль заключается в том, чтобы помочь тем государствам, которые приняли решение использовать мирные ядерные технологии, путем содействия им в таких вопросах, как обеспечение качества, ядерная безопасность, физическая безопасность и т. п. Мы, однако, стремимся к более активному диалогу по ядерным проблемам с руководителями в правительствах, неправительственными организациями и широкой общественностью, поскольку считаем, что посредством повышения уровня информированности относительно преимуществ ядерных технологий – как ядерной энергетики, так и других применений – мы можем повысить эффективность коллективного поиска решений некоторых из проблем, стоящих перед нашей планетой (экологических и иных). Недавний пример может явиться идеей, о которой я говорил ранее, – вновь рассмотреть преимущества постановки определенных чувствительных стадий топливного цикла под международный контроль.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какую роль могло бы играть МАГАТЭ в оказании помощи и продвижении программы Глобального партнерства против распространения оружия массового уничтожения, выдвинутой «Большой восьмеркой»?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Прежде всего, сама программа Глобального партнерства должна решать, предложить ли МАГАТЭ осуществлять какую-либо дополнительную деятельность

или нет. Мы, несомненно, были бы готовы помочь в сфере нашей компетенции. Некоторые возможные области участия могли бы быть следующими:

- «Большая восьмерка» могла бы просить МАГАТЭ содействовать осуществлению в рамках конкретных сфер его компетенции миссий по проверке тех или иных объектов, по вопросам безопасности и/или миссий по вопросам охраны окружающей среды.
- «Большая восьмерка» могла бы предоставить дополнительное финансирование и другую поддержку тем программам МАГАТЭ, которые согласуются с ее собственными целями, такими, как наши программы по повышению сохранности ядерных материалов и опасных радиоактивных материалов, по разработке и содействию принятию общих норм в области физической и ядерной безопасности, а также помощи государствам в определении уязвимости их ядерных объектов и принятии соответствующих корректирующих мер. «Большая восьмерка» могла бы также предложить прямое финансирование государствам, которым необходимы дополнительные ресурсы для надлежащей защиты их ядерных активов и повышения эффективности применения гарантий.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как Генеральный директор оценивает результаты и постановления последней сессии Генеральной конференции МАГАТЭ?

ЭЛЬБАРАДЕЙ: Могу сказать, что я был весьма удовлетворен мнениями, которые были выражены государствами-членами на Генеральной конференции. Это был явно напряженный год, особенно в области ядерного нераспространения, и работа МАГАТЭ в определенной степени оказалась в центре международного внимания. Подавляющее большинство государств-членов выразили свою признательность и поддержку усилиям Агентства. Одним из проявлений доверия организации было утверждение увеличения общего бюджета МАГАТЭ приблизительно на 10%, и это в то время, когда бюджеты многих международных организаций резко сокращаются. Лично для меня заслуживающим внимания явилось то, что, несмотря на сложность некоторых ситуаций в области ядерных гарантий, государства-члены МАГАТЭ сохраняют приверженность коллективной работе при поиске решений этих проблем, а также сохраняют единство в вопросе своей поддержки прочного и эффективного режима гарантий МАГАТЭ.

Мне также было приятно убедиться в том, что, хотя потребности и приоритеты государств-членов МАГАТЭ весьма различны, была оказана широкая поддержка не только деятельности в области гарантий, но и всем другим областям нашей деятельности. Государства-члены решительно одобрили упомянутый мной ранее проект ИНПРО, а также усилия МАГАТЭ по повышению безопасности ядерных установок и усилия, способствующие всеобщему принятию единых норм ядерной и радиационной безопасности. Кроме того, было поддержано продолжение наших усилий по содействию государствам-членам в повышении уровня физической и ядерной безопасности, включая физическую защиту ядерных материалов и установок, обнаружение случаев незаконного оборота и контроль радиоактивных источников. Многие отметили усилия МАГАТЭ, направленные на оказание государствам-членам помощи в использовании ядерных технологий для решения широкого спектра вопросов развития, относящихся, например, к областям здоровья человека, управления водными ресурсами, продовольственной безопасности и производительности сельского хозяйства.

Министр по атомной энергии РФ А.Ю. Румянцев ответил на вопросы главного редактора журнала Ядерный Контроль Владимира Орлова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В одном из своих интервью вы заявили о том, что атомная энергетика должна лечь в основу построения мировой энергетической системы. Что собой представляет эта система?

РУМЯНЦЕВ: Атомная энергетика с реакторами на быстрых нейтронах практически не имеет ограничений по ресурсам топлива и может обеспечить человечество энергией. Кроме того, быстрые реакторы нового поколения решают и проблему радиоактивных отходов, минимизируя их количество и активность. Если к этому добавить организацию международных центров ядерного топливного цикла, то снимается и острота проблемы нераспространения. Все вышесказанное позволяет говорить о возможности построения мировой энергетической системы, в основе которой будет находиться атомная энергетика.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы перспективы атомной энергетике в России? Как планируется ее развивать? Какова роль Минатома в реализации Энергетической стратегии России?

РУМЯНЦЕВ: Перспективы развития атомной энергетике в России обозначены Энергетической стратегией России на период до 2020 г., утвержденной Правительством России в августе 2003 г.

В Энергетической стратегии определено, что «[...] увеличение потребности экономики страны в электроэнергии целесообразно в значительной степени покрывать за счет роста выработки электроэнергии атомными электростанциями (в основном в европейской части страны). Потребность в электроэнергии должна возрасти при оптимистическом и благоприятном вариантах развития со 140 млрд кВт/ч в 2002 г. до 195 млрд кВт/ч в 2010 г. и 300 млрд кВт/ч в 2020 г. Кроме того, предусматривается развитие производства тепловой энергии от атомных энергоисточников до 30 млн Гкал/год». При умеренном варианте развития выработка на АЭС должна составить 230 млрд кВт/ч в 2020 г., а с учетом производства тепловой энергии – до 270 млрд кВт/ч. Вот такие параметры предусмотрены для развития атомной энергетике.

Обеспечивать выполнение данных параметров атомная отрасль будет за счет:

- продления срока службы действующих АЭС I и II поколения (Нововоронежская АЭС, Кольская АЭС, Балаковская АЭС, Ленинградская АЭС и т.д.);

- достройки и ввода в эксплуатацию блоков высокой готовности (Калининская АЭС – блок 3, Ростовская АЭС – блок 2, Курская АЭС – блок 5, Балаковская АЭС – блоки 5 и 6);
- сооружения новых блоков на освоенных площадках (Ленинградская, Нововоронежская, Курская, Башкирская, Смоленская и т.д.).

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько сильна конкуренция между представителями «традиционной» энергетики и «атомщиками» в России? Как складываются взаимоотношения Минатома и РАО ЕЭС?

РУМЯНЦЕВ: Конкуренция – это неотъемлемая часть рыночной экономики, и по мере реализации реформы электроэнергетики она будет только усиливаться. Между прочим, первые торги на свободном секторе оптового рынка электроэнергии показали снижение оптовой цены на электроэнергию по сравнению с регулируемым сектором, так что рыночная конкуренция приносит конкретную пользу. А что касается взаимоотношений с РАО ЕЭС, то они нормальные, рабочие. Мы постоянно поддерживаем деловой диалог с руководителями РАО ЕЭС, и еще не было случая, чтобы мы не договорились по наиболее важным вопросам.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каков, на ваш взгляд, общий экспортный потенциал Минатома? Как могут на нем сказаться результаты тендера на строительство АЭС в Финляндии?

РУМЯНЦЕВ: В числе приоритетных отраслевых задач Минатома – динамичное развитие, неуклонное наращивание экспортного потенциала, расширение его географии и совершенствование структуры.

Внешнеэкономическое сотрудничество Минатома России, безусловно, осуществляется в строгом соответствии с действующим законодательством, регламентировано межгосударственными, межправительственными, межведомственными соглашениями, а также обязательствами в рамках конкретных контрактов, исполняемых подведомственными предприятиями.

В последние годы налицо тенденция ежегодного увеличения объемов отраслевого экспорта. О его масштабах можно судить по имеющимся экспертным оценкам, согласно которым атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров, входящим в первую «пятерку» по объемам экспортируемой продукции.

Что касается тендера на сооружение АЭС в Финляндии, то из проигрыша надо сделать правильные выводы и активно работать на этом рынке.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Можете ли вы оценить уровень конкуренции на международном рынке ядерных технологий, особенно в области строительства АЭС?

РУМЯНЦЕВ: Прежде всего, необходимо особо подчеркнуть, что одной из важнейших характеристик экспортируемой продукции является ее исключительная наукоемкость.

Дело в том, что производство конкурентоспособной продукции в атомной отрасли всегда определялось и в значительной степени определяется успехами в области интеллектуального производства: результаты научных исследований, материализуясь, например, в новых технологиях и товарах, существенно влияют на их конкурентоспособность и, следовательно, увеличивают экспортный потенциал отдельных предприятий и отрасли в целом.

Вместе с тем известно, что в 1990-е гг. условия внешнеэкономической деятельности в этой области складывались для отраслевых производителей не самым лучшим образом. Ведущие западные компании при активной государственной поддержке активно вытесняли российских поставщиков с традиционных для нас мировых рынков, прежде всего Восточной и Центральной Европы.

Противостоять экспансии западных конкурентов можно только путем проведения сбалансированной и взвешенной политики, а также предоставления заказчикам полного пакета услуг по всей цепочке жизненного цикла экспортируемого продукта. В подтверждение сказанного назову также разработку новых перспективных топливных циклов и ядерного топлива, обеспечение высокого качества поставляемой продукции, поддержание конкурентных цен на топливо и услуги.

Достигнутый уровень качества отечественной твэльно-топливной продукции характеризуется, в частности, следующим показателем – количество негерметичных твэлов не превышает 2 на 100 000 штук.

Весьма значительным резервом развития машинно-технического экспорта является техническое содействие в строительстве объектов за рубежом. И здесь возможности отрасли в значительной степени определяются накопленным научно-техническим потенциалом, а также имеющимся опытом сооружения зарубежных ядерных научных и энергетических объектов. Расширение такого рода сотрудничества оказывает благоприятное воздействие на развитие не только собственно подведомственных предприятий и научных организаций, но и многих предприятий смежных отраслей.

Серьезной проблемой, сдерживающей дальнейшее участие России в сооружении АЭС за рубежом, является недостаточный масштаб их строительства в России. Это естественным образом приводит к снижению возможностей отечественной промышленности в сфере производства надежного и качественного атомного энергетического оборудования, что, в свою очередь, увеличивает шансы наших конкурентов на рынке строительства АЭС или вынуждает нас идти на предоставление зарубежным заказчикам наиболее выгодных условий, иногда в ущерб собственным экономическим интересам.

В этом секторе внешнеэкономического сотрудничества наши крупнейшие партнеры – Китай, Иран и Индия.

Сегодня представляется необходимым занимать более активную позицию с тем, чтобы не допустить вытеснения России с этих перспективных и емких рынков.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы перспективы России в деле получения контрактов на строительство новых энергоблоков в Китае, Индии и Иране? Повлияет ли каким-либо образом на российско-иранское сотрудничество ноябрьская резолюция Совета управляющих МАГАТЭ по Ирану? Какие усилия могла бы предпринять Россия для преодоления объективных препятствий с целью расширения сотрудничества с Индией?

РУМЯНЦЕВ: Россия давно работает на международном рынке строительства АЭС и пользуется солидной репутацией надежного партнера. Безусловно, мы заинтересованы не только сохранить, но и укрепить свои позиции. Для этого у нас есть все основания. Хорошо известно, что российские технологии в этой области ни в чем не уступают западным, а в некоторых случаях и превосходят их.

Сейчас мы строим два блока АЭС в Китае и рассчитываем на то, что в случае принятия китайским руководством решения о сооружении двух дополнительных блоков Тяньваньской АЭС и по результатам строительства двух первых блоков России поступит официальное предложение об участии в соответствующем тендере. Как представляется, шансы одержать победу в этом тендере у нас есть.

Еще два блока мы строим в Индии. Какое-либо расширение российско-индийского взаимодействия в ядерной области сегодня ограничивается международными обязательствами России в рамках Группы ядерных поставщиков.

В Иране, как вы знаете, мы сооружаем один блок. АЭС в Бушере по своему характеру является сложным и уникальным объектом, строительство которого требует масштабных усилий, неординарных решений и нестандартного подхода.

Российско-иранское сотрудничество в ядерной области легитимно, прозрачно и соответствует международным обязательствам России в области нераспространения. У нас нет других намерений и целей этого сотрудничества, кроме заявленных. Оно полностью было, есть и будет подконтрольно МАГАТЭ и осуществляется исключительно в области мирного использования атомной энергии.

С моей точки зрения, российско-иранское сотрудничество в ядерной области — это образец прозрачности, предсказуемости, ответственности и, я бы сказал, взвешенности.

Приверженность своим обязательствам в рамках обоюдного соблюдения международных норм по нераспространению — вот основа для конструктивного продвижения на пути решения иранской ядерной проблемы, как она сегодня поставлена.

Хочу напомнить, что Иран подписал с МАГАТЭ Дополнительный протокол. Этот шаг, который мы приветствуем, послужит дальнейшему расширению транспарентности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие новые перспективные экспортные направления Минатома вы могли бы отметить? Насколько велик интерес за рубежом к российскому проекту по строительству плавучих АЭС?

РУМЯНЦЕВ: Безусловно, в структуре отраслевого экспорта доминирует продукция ядерно-топливного цикла (до 85%), т.е. уран (природный и обогащенный), услуги по его обогащению и ядерное топливо. Но тем не менее «палитра» отраслевого экспорта значительно ярче и включает, кроме того, сооружение объектов за рубежом, поставки научно-технической и изотопной продукции, электроэнергии и так далее.

Так, например, поставки стабильных изотопов покрывают 30% потребностей мирового рынка, радиоизотопной продукции – 3–3,5%, металлического кальция – 15%.

У нас объективно есть что предложить нашим зарубежным партнерам и в области научно-технического сотрудничества, и это предложение встречает самый активный спрос. Потребителями наших технологий в ядерной области являются США, Франция, Германия, Китай.

В настоящее время интерес к российскому проекту по строительству плавучих АЭС проявили КНР, Индонезия и Австралия.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Могут ли иметь место совместные с ведущими развитыми странами проекты по строительству ядерных объектов в третьих странах?

РУМЯНЦЕВ: На практике такие проекты осуществляются. Например, АЭС «Моховцы» в Словакии построена консорциумом в составе Атомстройэкспорта (РФ), Фраматом (Франция), «Сименс» (Германия). Этот же консорциум осуществлял модернизацию АЭС «Козлодуй».

«Сименс» участвует в строительстве Тяньваньской АЭС (Китай). Однако здесь участие этой фирмы заключается лишь в поставках отдельных систем и оборудования для АЭС.

Один из двух вариантов российского предложения, представленного на тендер по строительству АЭС в Финляндии, состоял из проекта, в котором ядерный остров был российского производства, поставщик машинного зала – фирма «Альстом» (Франция) и АСУ ТП – фирма «Шнайдер» (Франция).

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Реально ли участие в какой-либо форме некоторых развитых стран в строительстве АЭС на территории России?

РУМЯНЦЕВ: Минатом России предлагал Европейскому сообществу осуществить строительство на территории России нового европейского реактора EPR на условиях кредита с дальнейшим его погашением поставками электричества в Европу. Аналогичное предложение делалось французам и канадцам относительно строительства АЭС на

Дальнем Востоке. Однако представители ЕС заявили, что эти предложения могут быть приняты к рассмотрению только при условии досрочного закрытия российских блоков АЭС первого поколения, что для российской стороны абсолютно неприемлемо.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы основные элементы стратегии РФ в области поставок ядерного топлива за границу, прежде всего на Украину, а также какова ваша оценка положения дел, скажем, ОАО «ТВЭЛ»?

РУМЯНЦЕВ: Украинские АЭС (4 действующих АЭС – 13 энергоблоков советского проекта с установленной электрической мощностью 11,1 Гвт) играют ключевую роль в топливно-энергетическом балансе Украины, обеспечивая производство около 50% электроэнергии. В разрабатываемом проекте стратегии развития ядерной энергетики Украины на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу предусматривается строительство 7–11 энергоблоков. По существу, от эффективности и безопасности работы ядерного энергокомплекса Украины зависит будущее ее экономики в целом. Кроме того, Украина обладает потенциальной сырьевой базой (уран, цирконий) и производит целый ряд атомно-энергетического оборудования.

Минатом России заинтересован в развитии российско-украинского сотрудничества в ядерной энергетике и углублении интеграционных процессов. В силу значительного (примерно в 6–8 раз) превышения объемов экспорта продукции российской ядерной отрасли на Украину над объемами импорта (для предприятий Минатома России) ядерная энергетика Украины представляет собой важный рынок сбыта, сохранение которого необходимо для функционирования и развития наших промышленных предприятий.

Первоочередные задачи российско-украинского сотрудничества, пути их решения и сроки исполнения определяются ежегодно подписываемым Протоколом рабочего совещания министра Российской Федерации по атомной энергии и министра топлива и энергетики Украины о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

В соответствии с контрактными обязательствами открытое акционерное общество (ОАО) «ТВЭЛ» в 2003 г. осуществило поставки ядерного топлива в полном объеме на все 13 энергоблоков АЭС Украины, в том числе одну поставку тепловыделяющих сборок (ТВС) новой модификации (ТВСА).

ОАО «ТВЭЛ» и государственным предприятием Национальная атомная энергогенерирующая компания «Энергоатом» подготовлены контрактные документы, предусматривающие оплату украинской стороной первоначальных загрузок свежим ядерным топливом энергоблоков № 2 Хмельницкой АЭС и № 4 Ровенской АЭС. При этом для первоначальной загрузки энергоблока № 2 Хмельницкой АЭС ОАО «ТВЭЛ» поставит ТВС новой модификации – ТВСА.

Объем поставок свежего топлива в 2004 г. превысит 300 млн долл. США, включая и топливо, изготавливаемое ОАО «ТВЭЛ» с использованием украинского уранового концентрата.

В рамках Соглашения между Правительством Республики Казахстан, Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о содействии в развитии и деятельности закрытого акционерного общества «Совместное украинско-казахстанско-российское предприятие по производству ядерного топлива» от 13 мая 2003 г. функционирует закрытое акционерное общество «СП УКРТВС».

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие, на ваш взгляд, российско-американские проекты в ядерной области наиболее успешны?

РУМЯНЦЕВ: Хорошим примером совместной работы в ядерной области, на мой взгляд, является так называемое Соглашение ВОУ–НОУ.

В настоящее время Россия является единственной в мире ядерной державой, применяющей на практике такую универсальную меру ядерного разоружения, как необратимая утилизация оружейных материалов, полученных в результате демонтажа ядерного оружия.

На сегодня необратимо уничтожено и превращено в ядерное топливо более 170 т ВΟΥ. Это означает, что человечество избавлено от более чем 6500 ядерных боеголовок и получило взамен 2 млрд мегаватт-часов электроэнергии.

Благодаря рыночной ориентированности данной программы отсутствуют значимые затраты на ее администрирование. Это значит, что все получаемые средства – около 3,5 млрд долл. США, поступивших с 1994 г., работают в реальном секторе российской экономики, инвестируются из бюджета страны в научные исследования, конверсию оборонных производств, повышение безопасности, решение экологических проблем.

В рамках Программы совместного уменьшения угрозы среди наиболее успешных российско-американских проектов могут отметить программу сотрудничества в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов. Взаимодействие по этому направлению осуществляется в соответствии с двусторонним межправительственным Соглашением от 2 октября 1999 г. Исполнительными органами по реализации данного Соглашения определены Минатом России и Министерство энергетики США, однако этот проект решает задачи многих российских ведомств, имеющих ядерные материалы или участвующих в противодействии незаконному обороту ядерных материалов, а это и Минатом, и Минобороны, и МВД, и Госатомнадзор, и Государственный таможенный комитет.

В рамках этого Соглашения США оказывает финансовое содействие российским предприятиям в деле модернизации и совершенствования систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов, а также повышения безопасности транспортировки ядерных материалов.

Хочу особо отметить, что в рамках совместного проекта Минатома России и Минобороны США завершено строительство на ПО «Маяк» в г. Озерске безопасного, защищенного и экологически надежного хранилища делящихся материалов (ХДМ), полученных в результате уничтожения ядерного оружия.

Американская сторона финансировала проектные, изыскательские, строительно-монтажные работы, закупку строительной техники, изготовление 25 тыс. контейнеров для хранения делящихся материалов, соответствующее оборудование.

В декабре 2003 г. Государственная комиссия под руководством заместителя министра Российской Федерации по атомной энергии И.М. Каменских подписала акт приемки ХДМ.

Сотрудничество с американской стороной в отношении реакторов, производящих плутоний, началось еще в 1998 г. Стояла задача прекращения наработки оружейного плутония. В США таких реакторов было 14, и они все выведены из эксплуатации. В России осталось три промышленных реактора, нарабатывающих плутоний.

Был проработан вариант модификации этих реакторов, но он оказался сложным и дорогим. Был выбран вариант остановки промышленных реакторов, нарабатывающих плутоний, и выведения их из эксплуатации. Но дело в том, что эти реакторы также решают проблему обеспечения теплом и электроснабжения в городах Железногорск Красноярского края и Северск Томской области. Мы не можем оставить людей без тепла и света, поэтому сейчас решается задача строительства замещающих реакторы мощностей – теплоэлектростанций на органическом топливе. Все работы будут вести российские специалисты при финансовой поддержке американской стороны. Думаю, что это – наиболее яркие примеры сотрудничества с американской стороной в ядерной области.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Последнее время общественность регулярно получает информацию о состоянии программы ВОО–НОУ. В «тени», однако, остаются российско-американские договоренности в области утилизации плутония. Каково состояние программы на данный момент?

РУМЯНЦЕВ: Сотрудничество по обращению с плутонием, изъятым из ядерных военных программ, до 23 июля 2003 г. осуществлялось в рамках двух соглашений: межправительственного Соглашения от июля 1998 г. о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятым из ядерных военных программ (Соглашение 1998 г.), и межправительственного Соглашения от сентября 2000 г. об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области (Соглашение 2000 г.).

Соглашение 1998 г., действовавшее на протяжении последних пяти лет, позволило выработать обоснования и технические подходы к российской и американской программам утилизации избыточного оружейного плутония. Срок действия Соглашения 1998 г. истек 23 июля 2003 г. К сожалению, американская сторона отказалась от продления данного Соглашения на последующий пятилетний период, как это предполагалось ранее. Причиной послужили расхождения позиций России и США по вопросам освобождения доноров от гражданской ответственности за ущерб.

Российская сторона исходит из того, что вопросы освобождения от материальной ответственности за ущерб должны решаться на основе международно признанных принципов, закрепленных в соответствующих международных соглашениях в ядерной сфере. Учитывая высокую значимость Соглашения 2000 г., необходимо продолжить скорейший поиск взаимоприемлемой юридической формулы по данной проблеме.

Важнейшим вопросом реализации Соглашения 2000 г. является финансирование российской программы утилизации 34 т оружейного плутония и создание необходимого для этого механизма. Этот вопрос может быть решен только на основе международно-го финансирования.

В течение 2001–2002 гг. проводились консультации на уровне экспертов стран «восьмерки» по вопросам выработки механизма международного финансирования российской программы утилизации плутония. На саммите «восьмерки» в Канаде в июне 2002 г. были достигнуты политические договоренности о Глобальном партнерстве в области нераспространения, предусматривающие выделение России финансовых средств, в том числе и на программы утилизации делящихся материалов, включая оружейный плутоний. Однако на сегодня суммарный объявленный вклад доноров в российскую программу составляет немногим более 800 млн долл. США, тогда как по уточненным оценкам стоимость программы составит 2,1–2,3 млрд долл. США.

В настоящее время продолжаются многосторонние переговоры по выработке проекта соглашения о механизме финансирования российской программы утилизации 34 т избыточного оружейного плутония в России. Выбраны сценарий программы, площадка для строительства завода по производству смешанного уран-плутониевого топлива (МОКС-топлива), принято решение об использовании французской технологии изготовления МОКС-топлива.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Сенсацией стало известие о совместной российско-американской инициативе по вывозу ОЯТ с исследовательских реакторов из стран СНГ. Не могли бы вы прокомментировать состояние инициативы?

РУМЯНЦЕВ: Прежде всего хочу подчеркнуть, что ОЯТ с исследовательских реакторов из стран СНГ не вывозилось. Консультации Минатома России и МИДа России с Министерством энергетики и Государственным департаментом США при участии МАГАТЭ по изучению возможности сотрудничества в области ввоза в Россию топлива исследовательских реакторов советского/российского производства начались в 1999 г., а регу-

лярно проводились с сентября 2001 г. Базируясь на достигнутых предварительных договоренностях, в августе 2002 г. в Россию было доставлено свежее высокообогащенное ядерное топливо из Института ядерных наук «Винча», г. Белград, Сербия, общим весом более 817 кг. В сентябре 2003 г. было вывезено свежее высокообогащенное топливо из Института ядерных исследований, г. Петешти, Румыния, общим весом 190 кг.

В декабре 2003 г. было ввезено в Россию топливо исследовательского реактора из Института ядерных исследований и ядерной энергии Болгарской академии наук, г. София, общим весом около 99 кг.

Во всех случаях в вывозе топлива в Россию принимали участие предприятия Минатома. Финансирование осуществлялось американской стороной напрямую или через МАГАТЭ.

В качестве страны, из которой могла бы быть осуществлена «пилотная» транспортировка облученного топлива, был определен Узбекистан. С американской и узбекской сторонами были согласованы основные технические и экономические аспекты данной операции. Сейчас мы занимаемся подготовкой к проведению экологической и других государственных экспертиз проекта ввоза, которые требуются в соответствии с российским законодательством.

7 ноября 2003 г. совместно с министром энергетики США С. Абрахамом мы сделали заявление о сотрудничестве с целью перемещения высокообогащенного уранового топлива исследовательских реакторов российского производства в Российскую Федерацию, которое явилось первым официальным документом о взаимодействии в данной области, подписанным Минатомом России и Министерством энергетики США. В заявлении раскрываются некоторые направления, а также принципы сотрудничества и говорится о завершении подготовки соответствующего межправительственного соглашения. Проект данного соглашения был согласован с американской стороной и содержит наряду с прочими следующие принципиальные положения:

- В Российскую Федерацию ввозится свежее и облученное топливо, содержащее как ВОУ, так и НОУ.
- Россия не несет никаких финансовых затрат, связанных с ввозом топлива.
- Ввоз топлива осуществляется в соответствии с российским законодательством.
- Целью сотрудничества является уменьшение и, по возможности, исключение использования ВОУ в гражданской деятельности. Вместе с тем переход к использованию НОУ возможен только после создания соответствующих условий.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: На протяжении десятилетия российско-иранское сотрудничество является камнем преткновения в российско-американских отношениях. Насколько сейчас сильно негативное влияние «иранского фактора» на сотрудничество Минатома РФ и Минэнерго США? Существуют ли проекты, реализация которых напрямую увязывается США с отказом России от сотрудничества с Ираном?

РУМЯНЦЕВ: С декабря 1998 г. сложилась парадоксальная ситуация – после истечения срока действия межправительственного соглашения от 1 июня 1990 г., которое регулировало российско-американское сотрудничество в области мирного использования атомной энергии, у России и США нет юридической базы для полномасштабного сотрудничества в этой области.

Закончился срок действия меморандумов о сотрудничестве в таких областях, как восстановление окружающей среды и обращение с радиоактивными отходами; управляемый термоядерный синтез с магнитным удержанием плазмы; исследования фундаментальных свойств материи. Действительно, до сих пор американская сторона увязывает

вает возможность продления сотрудничества в этих областях с решением «иранского вопроса».

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какова ситуация в сфере контактов между Россией и мировым сообществом в рамках программы Глобального партнерства? Не могли бы вы подробнее рассказать о международном сотрудничестве России в области повышения безопасности ядерных материалов?

РУМЯНЦЕВ: На сегодняшний день наблюдается значительная позитивная динамика в развитии инициативы «Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

В 2003 г. были подписаны межправительственные соглашения с Великобританией и Италией, а также межведомственные соглашения с ФРГ и Японией. Они позволили приступить к практическому выполнению работ.

С германской стороны было подписано соглашение по созданию на базе судоремонтного завода «Нерпа» и в губе «Сайда» (Мурманская область) комплекса по подготовке одноотсечных реакторных блоков утилизированных атомных подводных лодок, их транспортировке и длительному хранению. Кроме того, на физическую защиту, учет и контроль ядерных материалов германской стороной в 2003 г. было выделено более 4,5 млн евро. С Великобританией и Норвегией подписаны контракты на утилизацию четырех АПЛ (по две с каждой из сторон), с Японией – одной АПЛ. С США были подписаны контракты на утилизацию трех АПЛ, а также на изготовление 12 контейнеров для транспортировки и хранения ОЯТ АПЛ и на строительство специальных вагонов для перевозки контейнеров с ОЯТ. Помимо этого, проводились работы по расширению площадок хранения контейнеров с ОЯТ и физической защите, учету и контролю ядерных материалов.

Всего же в 2003 г. было заключено контрактов, направленных на утилизацию АПЛ, реабилитацию и повышение ядерно-радиационной безопасности, на сумму около 66 млн долл. США.

Вместе с тем требуется продолжить работу по расширению юридической основы сотрудничества, созданию эффективных схем реализации международных проектов. В настоящее время ведется подготовка мероприятий, связанных с юридическим обеспечением оказания содействия по вопросам физической защиты, учету и контролю ядерных материалов и трудоустройству специалистов-атомщиков.

Вопросы повышения безопасности ядерных материалов весьма актуальны в современной ситуации. В этом контексте всемерной поддержки заслуживает деятельность МАГАТЭ по осуществлению программы по противодействию ядерному терроризму. Укрепление физической защиты ядерных материалов и установок, предотвращение незаконного оборота ядерных материалов, совершенствование национальных систем учета и контроля ядерных материалов, обеспечение безопасности и сохранности источников ионизирующего излучения – это те меры, которые должны предприниматься всеми государствами при активном содействии Агентства для того, чтобы исключить возможность актов ядерного терроризма.

Продолжается сотрудничество с МАГАТЭ в таких областях, как учет и контроль, физическая защита ядерных материалов, организация обучения персонала, координация и предоставление помощи, организация международного сотрудничества в области обеспечения соответствующим специальным оборудованием.

Деятельность в области физической защиты Агентство активизировало с 1994 г., когда была принята Программа по противодействию незаконному обороту ядерных материалов (НОЯМ). В настоящее время продолжается работа в связи с реализацией плана Агентства по защите от ядерного терроризма. Программа предусматривает конкретные

меры по усилению национальных систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов.

Из отдельных направлений можно выделить следующие:

- ❑ На базе Межотраслевого специального учебного центра в Обнинске на регулярной основе проводятся международные курсы МАГАТЭ «Эксплуатация комплекса технических средств физической защиты», ориентированные на технических специалистов с установок, использующих в системах физической защиты технические средства российского (советского) производства.
- ❑ Специалисты Минатома России участвуют в миссиях Международной консультационной службы по физической защите, для оценки состояния физической защиты, организуемых МАГАТЭ по запросу государств.
- ❑ Участие в программе Агентства по формированию и ведению базы данных по НОЯМ. В программе в настоящее время задействована 71 страна. Россия заявила о вступлении в программу и участвует в обмене информацией.
- ❑ Участие в работе по укреплению Конвенции о физической защите ядерных материалов. Конвенция является действенным инструментом режима физической защиты ядерных материалов в мире. Крайне важно присоединение к Конвенции как можно большего количества стран.

Минатом России осуществляет сотрудничество, направленное на укрепление физической защиты ядерноопасных объектов. Сотрудничество ведется преимущественно на двусторонней основе. Наиболее продвинутые отношения в этой области Россия имеет с США, Германией и Францией. Сотрудничество реализуется преимущественно на основе контрактов, заключаемых в рамках соответствующих двусторонних соглашений. Основные направления – модернизация систем физической защиты объектов, оснащение современными техническими средствами, разработка документации (в том числе нормативных документов), обмен информацией.

По мере того как становятся яснее основные направления структурных изменений существующего миропорядка, вопросы обеспечения его безопасности занимают все более заметное место в международных отношениях и во внутривнутриполитической деятельности государств.

В сегодняшнем мире экономическая независимость стран и глобальное противоборство уступили место глобализации и отсутствию жесткого противостояния при сохранении ядерного сдерживания как надежного способа обеспечения стратегической стабильности.

Ядерное сдерживание сегодня не служит основой стратегических межгосударственных взаимоотношений. У большинства стран существуют другие резоны и взаимные интересы. В мировом сообществе широко распространены и поддерживаются идеи недопустимости и нецелесообразности применения ядерного оружия в вооруженных конфликтах. Ядерное оружие причислено к неизбирательному средству массового поражения гражданского населения, и мировая общественность через различные миротворческие организации и движения добивается его полного запрета и уничтожения. В то же время существуют и другие мнения, основанные на прагматическом подходе к ядерному оружию и касающиеся тенденций его развития.

С момента создания отношение к ядерному оружию и его роли подвергалось постоянным изменениям. Сфера влияния ядерного фактора становилась все более широкой. Представление о ядерном оружии как оружии поля боя дополнилось его использованием как инструмента достижения политических целей. К настоящему времени сложился определенный стереотип восприятия ядерного оружия. После 1945 г. ни в одном вооруженном конфликте ядерное оружие не применялось. Мир в какой-то мере свыкся с опасностью его существования. На фоне экологических катастроф и других глобальных угроз эта опасность не выглядит особо тревожной. Но в то же время было бы ошибочно не принимать во внимание новые акценты, расставляемые в мире. Допустимость «ограниченного» применения ядерного оружия и принятые в США программные установки о нанесении ядерного удара по местам хранения оружия массового уничтожения (ОМУ) в случае угрозы безопасности США вместе с задержкой ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) способны быстро изменить «благополучную картину» глобальной стратегической стабильности. Подход к ядерному оружию как к практически используемому высокоэффективному средству в вооруженных конфликтах – это на первый взгляд легкий и быстрый путь решения военно-стратегических задач. Однако за такую точку зрения сейчас в дальнейшем придется платить не только инициаторам, но и всему человечеству.

Во второй половине XX века и начале нынешнего тысячелетия значительное число глобальных международных проблем имеет ядерный подтекст. Проблемы экологии, космоса, разоружения, терроризма в большой степени связаны с ядерным фактором и в свою очередь оказывают влияние на него. Понимание «несовременности» опоры на принципы гарантированного уничтожения способствует поиску теоретических обоснований их замены или модификации. Существует целый ряд различных концептуальных подходов, направленных на модернизацию общих теоретических положений ядерного сдерживания. Неизменным остается главное – ядерный потенциал продолжает рассматриваться как единственная постоянная гарантия безопасности в условиях высокой неопределенности и динамичности военно-политической обстановки и межгосударственных отношений.

Ядерное сдерживание не находится сегодня в центре внимания. Вместе с тем ядерное измерение служит определенным фоном межгосударственных отношений и является составной частью процесса принятия политических решений.

В исторической ретроспективе ядерное сдерживание было продуктом советско-американского противостояния и служило фундаментом глобальной международной безопасности второй половины XX века. Именно благодаря ядерным арсеналам сверхуничтожения двух стран, по мнению большинства исследователей, удавалось оказывать сдерживающее воздействие на внешнюю и военную политику крупных держав и союзников. Несмотря на идеологические противоречия СССР и США, в тот период у обеих держав сложилось единое понимание и, в определенной степени, общее видение угроз безопасности. И специалисты, и политические деятели говорили на одном терминологическом языке в рамках концептуальных подходов к стратегической стабильности. Все это позволило осознать бесперспективность гонки ядерных вооружений и осуществить продвижение по пути реального сокращения ядерных вооружений. Не абсолютизируя ядерный фактор, можно говорить о том, что во многом благодаря ядерному сдерживанию мир вот уже более полувека живет без мировых войн.

Эффективность ядерного сдерживания часто подвергается сомнению. Этот вопрос широко обсуждался, поскольку случаи успешного предотвращения начала вооруженных столкновений и удержания государств от нежелательных действий, как правило, не привлекали всеобщего внимания и зачастую не афишировались, кроме общеизвестных масштабных событий. Не вызывает сомнений, что ядерное оружие не является абсолютным гарантом безопасности, годным для любой ситуации, но его опосредованное влияние проявляется во многих вооруженных конфликтах, включая региональные и внутренние. Мир без ядерного оружия является желанной, но неизвестной на сегодня величиной. Несмотря на все отрицательные последствия опоры на ядерное сдерживание, пока не выработаны другие реальные механизмы предотвращения крупномасштабных вооруженных конфликтов, и следует, очевидно, говорить о перспективах исчезновения ядерного сдерживания как о деле отдаленного будущего.

Для сегодняшнего восприятия безопасности характерно то, что все меньше остается тех, кто рассматривает ядерное сдерживание как ведущий элемент во взаимоотношениях России и США. Складывается совершенно иная ситуация в области двустороннего стратегического взаимодействия.

Двустороннее ядерное сдерживание, предполагающее гарантированное уничтожение каждой из сторон, большинством экспертов сегодня рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, как объективно существующее и страшное наследие холодной войны, во-вторых, как «стратегический бронепоезд на запасном пути» и, в-третьих, как модель в военно-стратегических расчетах и ядерном планировании. В свою очередь, стратегическая стабильность в ее традиционном понимании, основанная в двустороннем ядерном сдерживании, уступает место глобальной стратегической стабильности, связанной с глобальными вызовами безопасности.

Очевидно, что отсутствие коренных противоречий, совместные интересы в различных сферах, продолжение диалога в области стратегических вооружений способствуют пе-

реводу в виртуальную плоскость сценариев ядерной войны и прямой угрозы применения военной силы. Прагматичность подходов становится главным направлением российско-американского взаимодействия. Хотелось бы верить, что сегодняшнее отступление ядерного сдерживания на второй план – не временное явление, а устойчивая тенденция.

Вместе с тем следует отметить, что пока в тени общей повестки дня остаются многие приоритетные российские интересы в условиях реализации американского глобального лидерства. По общему заключению, не преодолена до конца тенденция к утрате определенной степени взаимопонимания в стратегической сфере. Конец Договора по ПРО 1972 г., американское видение и отношение к международно-правовой базе контроля над вооружениями в целом мешает по-настоящему конструктивным решениям.

Нынешний уровень российско-американских отношений часто характеризуется как ограниченное партнерство. В употреблении находятся и такие определения, как стратегическое партнерство, зрелое, реальное, привилегированное, продвинутое и др. Обилие эпитетов говорит о трудноосязаемых результатах такого партнерства. Отмечаются элементы декларативного характера отношений, проблемы восприятия США равноправности отношений и соблюдения принципа взаимности. В конечном итоге – отсутствие надлежащего стремления к достижению обоюдного интереса. Это вызывает некоторые ненужные сложности перевода наработанного позитивного потенциала двустороннего взаимодействия в области ядерных вооружений в практическое русло.

Не углубляясь в весь комплекс проблем, можно выделить главное – за последние десятилетия удалось значительно понизить уровень ядерного противостояния. Россия и США выполнили условия Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1), сократив свои стратегические силы в общей сложности примерно в два раза, и продолжают придерживаться положений Договора.

В то же время существует мнение, что потенциал Договора СНВ-1 не был до конца использован. Невостребованным оказался предусмотренный создателями Договора механизм его адаптации к новым реалиям в интересах обеих сторон. Возможно, разработка взаимовыгодных поправок к Договору СНВ-1 позволила бы решить многие текущие и будущие проблемы в стратегической сфере, включая интересы сторон по модернизации своих стратегических вооружений.

Сегодня новый Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор о СНП) между Россией и США вступил в силу; им предусматривается сокращение ядерных боезарядов до 1700–2200 единиц, то есть примерно в три раза по сравнению с предельным уровнем Договора СНВ-1. В этих условиях, при рациональных структурах стратегических сил, стратегическая стабильность, в традиционном ее понимании, должна укрепляться. Оценивая московский Договор как очередной шаг в сохранении и развитии российско-американских отношений в стратегической сфере, следует обратить внимание на ряд принципиальных моментов.

В отличие от других действующих соглашений Договор о СНП допускает широкое толкование содержательной части. Пока не достигнуто общее понимание по ключевым его положениям. Неясны объекты сокращений, не определена терминологическая база Договора, в том числе ее основные понятия – «стратегические наступательные потенциалы» и «стратегический ядерный боезаряд». Конкретизация Договора о СНП – существенное условие обеспечения эффективности и жизнеспособности этого соглашения, требующее совместных экспертных решений.

Другая серьезная проблема – верификация новых договоренностей. Для того чтобы выполнение Договора не свелось к односторонним понижениям боевой готовности стратегических сил, требуется наличие верификационного механизма. Это же предполагают и кодифицированные Договором принципы ядерного сдерживания. Без достоверной информации о возможностях сторон сдерживание не обладает надежностью, поэтому опора исключительно на меры транспарентности не может быть признана верной. Одна-

ко текст Договора о СНП не содержит инструментов проверки его условий, а использование для этих целей процедур контроля Договора СНВ-1 явно недостаточно. Система контроля Договора СНВ-1 разрабатывалась в совершенно иных геополитических условиях и сама нуждается в корректировке. Следует также иметь в виду, что после окончания срока действия Договора СНВ-1 в 2009 г. вместе с ним будет прекращена и предусматриваемая им контрольная деятельность, что не позволит с достаточной достоверностью судить о ходе реализации и выполнении обязательств по Договору о СНП.

С учетом этого в основу верификации Договора о СНП может быть положен не только контрольный механизм Договора СНВ-1. С этой целью могут использоваться элементы других имеющихся договоренностей в стратегической сфере, например Соглашения о взаимных заблаговременных уведомлениях о крупных стратегических учениях 1989 г. и Соглашения об обмене данными по стратегическим вооружениям 1994 г. При этом повышение результативности контрольных функций Договора СНВ-1 в отношении ядерных боезарядов возможно без правки самого текста Договора СНВ-1, достаточно лишь соответствующих изменений протоколов о переоборудовании и инспекциях в рамках Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям Договора СНВ-1.

Эти и другие варианты усиления действенности Договора о СНП могут быть предметом совместного рассмотрения. Диалог, взаимные обязательства, ответственность и доверие всегда были основой любого взаимодействия государств, а для тонкой сферы стратегических взаимоотношений это имеет первостепенное значение. Сейчас важно не изменять ситуацию, когда взаимные контакты по концептуальным проблемам в ядерной сфере становятся регулярными и разнообразными по форме и содержанию.

В поле зрения долгосрочных взаимных интересов России и США – это отмечено в Совместной декларации о новых стратегических отношениях – среди других направлений сотрудничества названы вопросы ПРО, совместные действия по борьбе с новыми глобальными вызовами XXI века, включая терроризм, распространение ОМУ и др.

Здесь важны приоритеты. С практической точки зрения серьезным и дальновидным вкладом в обеспечение международной безопасности стало бы укрепление международно-правовой базы безопасности, создававшейся совместными усилиями государств на протяжении последних десятилетий. Во многом этому препятствует негативное отношение США к большинству режимов и соглашений в области контроля над вооружениями, деятельности ООН и других институтов многосторонней безопасности. Однако американская политика максимальной выгоды, ориентированная на сиюминутный результат, плохо согласуется с практикой сотрудничества в сфере безопасности, в значительной степени снижая его эффективность.

Вполне понятно, что, имея схожие позиции по широкому спектру международных проблем, национальные интересы наших стран не могут полностью совпадать. У нас различные взгляды на пути сохранения стратегической стабильности, средства и методы ее обеспечения, поэтому разумным условием сотрудничества служило бы понимание и непротиводействие интересам друг друга, разрешение противоречий в неконфронтационном духе, и вероятность такого развития событий имеется.

В недавнем прошлом советско-американское ядерное сдерживание заслоняло другие ядерные проблемы, в том числе проблему нераспространения ядерного оружия. Сегодня принято отмечать особую остроту проблемы нераспространения ядерного оружия, ее новизну и сложность. Наверное, это не совсем точно. Проблема нераспространения существовала с самого начала, с момента появления ядерного оружия. И одним из наиболее сложных ее этапов был неядерный выбор, осуществленный ранее большинством стран и закрепленный в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Те же из стран, которые подозреваются в обладании ядерным оружием или намерении стать таким обладателем, двигались этим курсом давно, и это общеизвестно.

На нынешнем этапе в повестке, в общем-то, рутинные вопросы – укрепление ДНЯО и всего существующего режима нераспространения. При этом окончательную универса-

лизацию режима, скорее всего, так же как и немедленную, полную ликвидацию ядерного оружия придется отложить. Это не конец ДНЯО, а информация к размышлению и выработке мировым сообществом дальнейшей стратегии.

В этом плане наиболее важным на сегодня является поведение мировых лидеров, их последовательные действия по расширению международной базы нераспространения и опоре на нее при устранении военно-политических стимулов к приобретению ядерного оружия.

В этой области действительно существуют проблемы. Претензии можно предъявить всем ядерным державам. Практически у всех ядерных государств в стратегических концепциях и планах присутствует принцип применения первыми ядерного оружия. Наличие двойных стандартов, попыток использования лозунга нераспространения в эгоистических национальных целях не способствует укреплению режима. Миной замедленного действия может стать использование контрраспространения для реанимации политики силы, реализация которой оказывает благоприятное воздействие на амбициозные планы ряда региональных лидеров.

Нераспространение, как и борьба с терроризмом, не должно стать самоцелью или текущим видением какого-либо одного государства. В интересах всего мирового сообщества – не допустить возникающие угрозы, но это должны быть легитимные меры, а цель общих усилий – безопасность всех стран.

Очевидно также, что идеи нанесения превентивных ударов, от какого бы государства они ни исходили, без согласия на то мирового сообщества разрушают основы существующего миропорядка. Законность, равенство всех перед законом и необходимость в правовом поле на внутригосударственном уровне не вызывают ни тени сомнения у законопослушных граждан. Рецидивы, уголовные и другие преступления при этом полностью не исключаются, но никто не собирается из-за этого ликвидировать правовые основы существования государств. Почему же должны быть сомнения в целесообразности аналогичного поведения на международной арене? Обеспечение глобальной стратегической стабильности предполагает осуществление взвешенных подходов, излишняя спешка и попытки действовать вне системы международных договоров здесь контрпродуктивны.

Несколько слов относительно того, насколько реальны и неизбежны угрозы ядерного распространения.

Представители американской администрации говорят об абсолютной неуправляемости международного режима нераспространения. Перспективы ядерного шантажа ограничиваются ими лишь временными рамками. В своих мемуарах М. Тэтчер пишет о том, что процесс распространения ОМУ фактически не прекращается. Реальная проблема – сохранить преимущество над конкурентами, и в конечном итоге, по ее мнению, ядерное оружие будет использовано.

Это излишне пессимистическая картина. Она была бы полезной, если бы находилась в конструктивном русле эффективного преодоления имеющихся трудностей. Однако это не совсем так.

Пока налицо реализация метода проб и ошибок (Югославия, Ирак, Северная Корея), поступательного движения мало. В большей степени заметны разрушительные тенденции и создание препятствий на пути реорганизации существующих механизмов нераспространения.

В то же время, по общему мнению экспертов, собравшихся на состоявшейся в сентябре 2003 г. Второй Московской международной конференции по проблемам нераспространения, этот процесс не является фатальным, а иранская и северокорейская проблемы, а также вопрос об израильском оружии и ситуация с Индией и Пакистаном вполне разрешимы.

Сложнее обстоит дело с возможностью использования ядерного оружия террористическими организациями из-за ее большой неопределенности и слабого уровня разработки методов противодействия на международном уровне.

Не исключая вероятности попадания определенных технологий и расщепляющихся материалов в руки экстремистских сил вообще, следует считать, что применение полноценных ядерных боеприпасов террористическими группами для достижения своих целей – практически малодостоверное событие, а так называемые «грязные бомбы» отнести к ОМУ можно с большой натяжкой. Интересующие террористов компоненты ОМУ можно найти на территории многих стран, а база данных МАГАТЭ ежегодно пополняется сведениями о незаконном обороте ядерных и других радиоактивных материалов. И все-таки, учитывая известные трудности доступа к ядерным компонентам и технологические сложности, террористические организации, скорее всего, будут ориентироваться на другие виды ОМУ.

Нынешний период осмысления ядерной проблемы и роли ядерного оружия проходит в условиях процесса перестройки мирового соотношения сил. Тенденция к встраиванию ядерного фактора в формирующийся мировой порядок, к его адаптации в новой обстановке проявляется все отчетливее. Эти процессы требуют не только учета, но и активного влияния на них с целью обеспечения безопасности государства и глобальной стратегической стабильности. У России сегодня есть все, чтобы закрепить свои позиции как активного участника создания нового миропорядка и усилить свою роль среди ведущих государств. Страна сделала стратегический выбор в пользу полномасштабной интеграции в мировую экономическую систему, и нам, конечно же, далеко не безразлично, в каких международных условиях мы окажемся в ближайшие годы и десятилетия.

В последнее время активизировалась дискуссия по вопросам, связанным с оценкой роли и места политики ядерного сдерживания в современном мире, а также с определением перспектив ее применения, в том числе – в российско-американских отношениях.

Новый всплеск этой дискуссии стимулировала подготовка, а затем и подписание российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП).

Пока делегации России и США работали над текстом Договора, выверяли его положения, искали точки соприкосновения и взаимоприемлемые компромиссы, экспертное сообщество активно формировало собственные варианты Договора, оценивало перспективы дальнейшего развития стратегических вооружений России и США, определяло их возможные количественные и качественные параметры. Острота подобных изысканий усугублялась рядом существенных факторов. С одной стороны – объявлением США о выходе из Договора по ПРО 1972 г. и о реализации планов широкомасштабного развертывания противоракетных систем уже в ближайшей перспективе – до 2004–2005 гг., а также попыткой реализовать не реальные, а «виртуальные» сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) посредством принятия концепции «оперативно развернутых ядерных боезарядов». С другой – сложным экономическим положением России, трудностями и проблемами ее Вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса.

Было высказано множество мнений, зачастую прямо противоположных. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что вопросы сокращения стратегических вооружений и развертывания системы противоракетной обороны являются очень важными и интересуют широкую общественность.

Полагаем, что сегодня мы являемся участниками своеобразного «качественного скачка» в теории и политике ядерного сдерживания. Появляются новые виды ядерного сдерживания, например сдерживание угрозой не применения, а только лишь приобретения ядерного оружия. При этом проводится сдерживание не столько прямыми военными действиями, сколько политического и экономического давления.

Это позволяет сделать следующий вывод: и в обозримом будущем мы не расстанемся с ядерным оружием. Придется жить с ним, **но жить по жестким правилам**, выработанным всем мировым сообществом совместно.

Именно этому и служит, на наш взгляд, российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Его подписание решило самую главную задачу – показало всему миру необходимость наличия твердых правил поведения в сфе-

ре ядерных вооружений, постоянства и преемственности политики ведущих ядерных держав в этой области.

Конечно, проблемы в сфере сокращения и ограничения стратегических вооружений сразу не исчезнут. Нам придется еще достаточно долго работать в направлении понижения ядерной опасности. Но, скорее всего, одним из наиболее существенных моментов этого процесса будет уход от понятия «количественный паритет ядерных сил». Мы сможем избавиться от необходимости поштучно считать боеголовки и носители ядерного оружия, скрупулезно сравнивать забрасываемые массы и дальность полета ракет.

Мы поняли, что на безопасность государства работают не только горы оружия (кстати, стремительно устаревающего в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса с его практически ежедневными прорывами в той или иной сфере), но и весь потенциал государства, все его ресурсы.

Поэтому, оставаясь важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности государства, ядерное оружие все же, на наш взгляд, перестает быть единственным ее гарантом. Человечеству уже есть что терять в огне ядерной войны. Слишком сложным и взаимозависимым стал современный мир для того, чтобы подобный, пусть даже локальный ядерный конфликт не отразился практически на всех странах и народах. Экономические, экологические, гуманитарные и многие другие потери вследствие подобного конфликта любой разумный политик признает однозначно неприемлемыми. Тем более, что гораздо менее масштабные по своим последствиям и качественно различные катастрофы и кризисы позволяют привести множество примеров подобной неприемлемости. Это и экономический кризис конца 1990-х гг. в Юго-Восточной Азии, и авария на Чернобыльской АЭС, и эпидемия атипичной пневмонии. Да и террористические акты 11 сентября 2001 г. также выявили всю опасность и глубину последствий подобных действий.

Сегодня очевидным стал тот факт, что укрепление стратегической стабильности не должно отождествляться с укреплением и усилением политики ядерного сдерживания. Наоборот, снижение роли ядерного фактора в обеспечении безопасности могло произойти только вследствие замещения его другими, в первую очередь несиловыми, невоенными факторами. Такое снижение стало возможным только вследствие коренного изменения всего характера международных отношений, пересмотра ядерными державами, в первую очередь Россией и США, ряда ключевых позиций своего общеполитического курса.

Сегодня много говорится о необходимости ухода от концепции ядерного сдерживания в российско-американских отношениях. Это объясняется тем, что подобная концепция принадлежит временам холодной войны и поэтому должна быть отброшена.

Однако давайте подумаем, можно ли отбросить эту концепцию, то есть можно ли реально исключить из нашей жизни страх перед ядерным оружием?

Такой страх пропадет только вместе с уничтожением ядерного оружия. Но можно ли сегодня говорить о том, что ядерное оружие сможет навсегда исчезнуть из жизни человечества? Что, достигнув высокого уровня развития, мы откажемся от ядерного оружия, что больше никто, никакой террорист или диктатор не захочет создать такое оружие заново для того, чтобы с его помощью диктовать свои условия миру?

Вряд ли это возможно. Скорее всего, мы вынуждены будем сохранять какой-то минимальный уровень ядерных вооружений подобно тому, как мы сохраняем штаммы болезнетворных бактерий и вирусов типа сибирской язвы и натуральной оспы. Без таких коллекций невозможно создавать эффективную вакцину против этой опасности и новых им подобных.

Это тем более важно, поскольку мы сегодня с тревогой наблюдаем за своеобразным возрождением ядерного фактора мировой политики, его возвращением на авансцену мировых процессов.

Это и попытки Соединенных Штатов в период подготовки ко второй войне в Ираке легитимизировать варианты применения тактического ядерного оружия как, по их мнению, неизбежного, хотя и крайнего способа борьбы с такими врагами, как У. бен Ладен или С. Хусейн. Это и попытки Северной Кореи провести своеобразный ядерный шантаж мирового сообщества в стремлении обеспечить свою безопасность и сохранность существующего там режима. При этом своеобразном «ядерном сдерживании на корейский манер» угрозу представляет не столько применение реально существующего ядерного оружия, сколько возможность его создания в той или иной перспективе.

В то же время многие другие неядерные страны, глядя на то, какими методами Соединенные Штаты пытаются достичь своих целей в отношениях с ними, и на то, как фактически изменился тон разговора американцев с Индией и Пакистаном после приобретения последними ядерного статуса, начинают задумываться о собственном вступлении в «ядерный клуб». При этом формы вступления в него, как показывает пример Северной Кореи, могут быть различными.

Говоря о будущем политики ядерного сдерживания в российско-американских отношениях, можно, конечно, использовать множество уже привычных специфических терминов, ссылаться на работы ученых и выступления политических деятелей, цитировать «классиков ядерной эпохи». Такой разговор, однако, скорее всего будет понятен лишь сравнительно узкому кругу специалистов, не нуждающихся в подобном разъяснении. В то же время какая-либо достаточно простая аналогия может гораздо проще разъяснить очень сложный вопрос.

Образно говоря, мы уже вышли из «ядерного тупика» и продолжаем двигаться по новой дороге. При этом существующая на сегодняшний день система договоров в сфере ограничения и сокращения стратегических вооружений, своеобразная, если позволить подобное сравнение, «дорожная карта» ядерной политики показывает, что «ядерная полоса движения» на этой дороге стала несколько уже и не является приоритетной для участников движения. В то же время хорошее качество покрытия этой полосы, четкая разметка и понятные правила движения по ней не дают возможности неумелым или чересчур азартным водителям съехать с общей дороги в кювет или совершить аварию, в том числе с катастрофическими для всех или большинства участников движения последствиями. Таким образом, помимо того, что «ядерная полоса» является надежным апробированным путем к обеспечению собственной безопасности, она подает хороший пример строителям и ремонтникам всех других полос движения для аналогичного укрепления дорожного покрытия и выработки понятных и приемлемых для всех правил движения.

Этими факторами и определяется значение ядерного оружия в жизни современного мира. При этом сегодня следует ясно понимать, что ядерное оружие вряд ли исчезнет с лица земли, по крайней мере в обозримом будущем. Поэтому не исчезнет возможность и угроза его применения, а следовательно, и тот естественный страх, который оно вызывает. Таким образом, ядерное сдерживание, основанное на взаимном устрашении, также никуда не исчезнет.

В то же время мы имеем своеобразный парадокс. Ядерный фактор, который долгое время приводил к конфронтации, к ухудшению отношений, к подозрительности и недоверию, сегодня работает в прямо противоположном направлении, и в первую очередь не только в отношениях между странами-членами «ядерного клуба», но и странами, стремящимися и де-факто, и де-юре в этот клуб попасть.

Угрозы и опасности существуют до тех пор, пока и отдельный человек, и страна, и человечество в целом их ощущают и боятся. Страх – очень сильное и опасное чувство, которое только усугубляется незнанием или непониманием происходящих вокруг процессов.

Пока в том или ином процессе или системе вооружений мы чувствуем для себя угрозу, хотя бы потенциальную, мы их опасаемся. Поэтому даже оборонительное оружие, тем

более такое, которое обеспечивает не только защиту обладающего им государства от внешнего нападения, но и определенную «безнаказанность» в случае тех или иных действий, не может не вызывать вполне естественных опасений.

Слишком многое здесь зависит от субъективных факторов, от конкретных лидеров государств и их взаимоотношений. Как справедливо заметил бывший министр обороны США Р. Макнамара, «ни один хорошо информированный, хладнокровно мыслящий политический или военный руководитель, скорее всего, не прибегнет первым к ядерному оружию. Но политические и военные руководители в моменты острых кризисов не являются ни хорошо информированными, ни хладнокровно мыслящими».

Таким образом, лучше всего не доводить дело до подобных конфликтов. Наилучший способ для этого – переговоры, диалог, разъяснение партнером своей позиции и стремление понять чужую. А наличие конкретных, юридически обязывающих договоренностей – своеобразная гарантия предотвращения многих опасностей и угроз.

В то же время любой договор, родившийся в результате сложных переговоров, не может не быть взаимным компромиссом, так что вполне естественно, что в Договоре о СНП не удалось отразить все возможные вопросы, которые имеют отношение к стратегической стабильности и которые уже длительное время обсуждаются в российском обществе. Это, например, вопросы, связанные с космическим оружием, противолодочной деятельностью, высокоточным оружием, и некоторые другие. Однако все эти вопросы находятся в нашем поле зрения, и диалог по ним будет продолжаться, в частности, в рамках создаваемой сторонами Консультативной группы по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и обороны, о чем говорится в Декларации о новых стратегических отношениях.

Одним из наиболее важных аспектов этого Договора является то, что он по своей сути представляет новый тип договора, договора «эпохи после окончания холодной войны».

В процессе российско-американских переговоров была фактически выработана **новая модель переговорного процесса**, новые принципы переговорной деятельности, которые могут послужить примером и основой для формирования отношений России с другими государствами, в первую очередь – ядерными. Эта модель направлена на **решение в конкретные сроки конкретной задачи, поставленной политическим руководством**, она не отягчена такими негативными моментами, как зашоренность взглядов, взаимное недоверие и устаревшие подходы.

Ориентируясь на отход от принципов холодной войны, мы не стремились к какому бы то ни было «торгу» и увязыванию принятия партнерами по переговорам наших позиций в одной сфере отношений с уступками в другой, а строили свои подходы на уважении позиций друг друга. Учитывая многолетний опыт переговоров в области сокращения СНВ, мы прекрасно понимали, что старая практика переговорного процесса, основанная на выдвижении сторонами заведомо завышенных требований с постепенным их снижением до уровня обоюдной приемлемости, если и приведет к положительному результату, то с большим трудом и за очень долгое время.

Ясно осознавая, что достижение успеха в такой важной сфере позволит нам и в других вопросах значительно быстрее продвигаться вперед, мы твердо взяли курс на обязательное достижение положительного результата.

Мы ушли от принципа «количественного паритета стратегических вооружений», поставив во главу угла новый качественный параметр мощи государства – стратегический наступательный потенциал, означающий средства, запасы, возможности, которые могут быть использованы для решения определенных стратегических задач.

Этот термин появился в названии Договора вследствие компромисса, достигнутого сторонами в ходе переговоров в процессе выработки единой концепции сокращений. Он объединяет, с точки зрения Договора СНП, и боезаряды, и носители, и все то, что опре-

деляет способность стратегических наступательных вооружений решать те или иные задачи. Конечно, этот термин дает возможность достаточно широкой и неоднозначной трактовки духа и буквы Договора. Но, с другой стороны, он также дает возможность каждой из стран показать и доказать свою приверженность радикальным и необратимым сокращениям стратегических вооружений. Таким образом, мы нашли взаимоприемлемый компромисс, дающий нам возможность продолжить процесс снижения ядерной угрозы, поскольку само название документа, в котором впервые появился термин «стратегические наступательные потенциалы», позволяет нам выделить общее в наших подходах и перенести решение частных вопросов на более поздний срок, определив их в ведение создаваемой Двусторонней комиссии по выполнению Договора.

Ядерное оружие всегда являлось, является и останется стратегическим оружием. Стратегическим в том смысле, что с его помощью решаются соответствующие задачи, задачи государственного уровня, достигаются цели войн в целом, обеспечивается стратегическая стабильность.

Поэтому особенностью нового Договора СНП является то, что он дает ответы **на основные вопросы**, связанные с перспективами развития стратегических вооружений – определяет уровень и сроки дальнейшего сокращения ядерных сил сторон. При этом практически все механизмы сокращения СНВ и контроля за ними сохраняются в прежнем виде, как они записаны в Договоре СНВ-1. Это реальный договор, обеспечивающий продолжение и преемственность процессов ограничения стратегических наступательных вооружений.

В то же время его формат, отличающийся от форматов предыдущих Договоров СНВ-1 и СНВ-2, определяется современным состоянием отношений России и США и военно-политической обстановки в мире в целом, а также всей историей развития переговорного процесса в данной области, начавшегося 30 лет назад с «Временного соглашения между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений» (Договора ОСВ-1) и остановившего количественное наращивание СНВ сторон уровнем, достигнутым на 1 июля 1972 г. Затем были другие соглашения и договоры – ОСВ-2, СНВ-1, СНВ-2, которые позволили нашим странам значительно снизить уровень ядерного противостояния. За эти годы мы прошли большой путь, связанный не только с разработкой механизмов и процедур сокращений, но и с осознанием роли и места ядерного оружия в наших отношениях, в обеспечении стратегической стабильности в мире. Правда, были и потери: Договор СНВ-2, который, на наш взгляд, стал и в России, и в США предметом политического торга, за девять лет после подписания «оброс» массой условий и требований и тихо «скончался» под грузом осознания его бесполезности для обоих государств. Таким образом, **новый формат договора** является естественным следствием пройденного нашими государствами пути, а также современного состояния отношений России и США и понимания ими путей дальнейших сокращений ядерного оружия.

Что же касается отсутствия конкретных количественных показателей и этапности промежуточных сокращений, то с учетом сегодняшних реалий это является, по нашему мнению, не недостатком, а достоинством документа. Такое положение позволяет обеим странам выбирать **оптимальные** для них, в первую очередь с экономической точки зрения, варианты сокращений. Подобный подход, на наш взгляд, очень важен не только с точки зрения данного Договора, но и в плане всего процесса сокращения и ограничения вооружений, который, надеемся, обе наши страны искренне хотят продолжать и углублять, тем более что позиции руководителей наших стран дают для этого все основания.

Очень важно также, что новый Договор о СНП позволяет нам сокращать свои стратегические ядерные силы до уровня **минимальной достаточности**, без опасений за свою безопасность. Президент России В.В. Путин неоднократно заявлял о готовности нашей страны сократить свой ядерный арсенал до уровня гораздо меньшего, чем предусмотрено в подписанном Договоре, – 1500 боезарядов и даже ниже. Думается, что сегодня, а также и в перспективе этого вполне достаточно для обеспечения нашей национальной

безопасности. Такой уровень укладывается в то самое понятие минимальной достаточности, о котором в последнее время так много говорится. Надеемся, что эта позиция России будет понята, одобрена и поддержана мировым сообществом.

И, наконец, одним из главных последствий заключения Договора является то, что сегодня мы имеем **возможность продолжать диалог** не только по стратегическим наступательным, но и по оборонительным вооружениям с учетом их взаимосвязи и взаимовлияния. Такой диалог необходимо вести не только по вопросам определения дальнейших направлений снижения ядерной угрозы в мире, сокращения ядерных сил, но и по проблемным вопросам противоракетной обороны. При этом мы полагаем, что к обсуждению этих вопросов необходимо привлечь и другие страны, в том числе – европейские страны НАТО.

Все животные равны. Но некоторые животные
равны более, чем другие.

Джордж Оруэлл, «Скотный двор»

Бог создал людей сильными и слабыми,
а полковник Кольт сделал их равными.

Эпитафия на могиле Сэмюэля Кольта

Какие бы события ни развернулись в течение ближайших лет на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), они будут так или иначе связаны с реализацией интересов нескольких силовых центров современного мира. Неоднородные по уровню экономического развития, политической консолидации и возможностям влияния на внешний мир, центры эти станут источником политических и военных инициатив, которые, в конечном счете, определяют иерархическое устройство мира ближайшего будущего. Иракская война может быть взята в качестве исходной точки для описания текущего состояния этих центров, равно как стран и регионов, являющихся объектом их воздействия и оказывающих на них ответное воздействие. Итоговая картина неизбежно упрощена, но для первичного прогнозирования достаточна.

США

США – ведущее государство мира, и в этом одновременно сила и слабость Америки. Лидирующее положение автоматически вызывает общемировую неприязнь к Соединенным Штатам. Их партнеры одновременно являются их соперниками. Внутриполитическая система США, построенная на принципах конкуренции, позволяет использовать лоббистские группы, действующие в интересах политических и финансово-промышленных объединений, зачастую связанных с противниками Америки, подобно саудовскому лобби в сегодняшнем Вашингтоне. Прямолинейность внешней политики – источник проблем страны в не меньшей мере, чем попытка сочетать имперские амбиции с демократическими традициями. Ближневосточная политика США стоит на нескольких «китах»:

- Внешняя политика США больше зависит от внутренней, чем политика России, Китая или стран исламского мира.

- ❑ Ряд американских политиков, в том числе из окружения действующего президента, полагают теорию перманентной войны оптимальным способом решения внутренних экономических и политических проблем США.
- ❑ США, взяв на себя ответственность за ближневосточное урегулирование, следуют не интересам арабов или Израиля, как это часто предполагают сторонние наблюдатели, но исключительно собственному видению региона.
- ❑ В американской политике значительное влияние на принятие решений оказывают не только политические и экономические интересы, но и конфессиональные лоббистские группы. При этом в интересах Израиля действует не столько еврейское, сколько протестантское лобби, имеющее влияние на Конгресс и Сенат США, а также на часть американского ВПК. Арабское лобби относительно слабо по сравнению с Западной Европой и опирается на нефтяной сектор, часть американского ВПК и традиционную поддержку арабистов из Государственного департамента.
- ❑ Политика США зависит от мифологии, создаваемой СМИ, в неменьшей степени, чем от реальной ситуации «на местах».
- ❑ Видение США внешнего мира американоцентрично, поэтому внешняя американская политика есть сочетание идеальных тактических операций со стратегическими провалами.
- ❑ Американское стратегическое прогнозирование часто ошибочно, ибо базируется на неверных исходных постулатах, приписывая типичные для американцев подходы к людям и обществам, имеющим другие, не учитываемые, а зачастую и не осознаваемые США приоритеты. В этом ключ понимания ошибок американской политики в преддверии распада СССР и в ходе ближневосточного урегулирования.
- ❑ Американская политика в той ее части, в которой она является политикой Конгресса, Сената и президентской администрации, приоритеты которых ограничены сроком следующих выборов, является политикой сиюминутных популистских шагов.
- ❑ Существенной составляющей ближневосточной американской политики является противостояние Министерства обороны («ястребы», израильское лобби) и Государственного департамента («голуби», арабское лобби).
- ❑ Американской политике свойственно пытаться разрешить в кратчайшие сроки простыми методами сложные проблемы, требующие многолетней кропотливой деятельности.
- ❑ В течение десятилетий военно-политическая и идеологическая машина США готовилась к противостоянию на Ближнем Востоке с СССР и его сателлитами. Столкнувшись с новыми вызовами со стороны исламских террористов, вчерашних союзников Америки, она по инерции задействует имеющиеся «домашние заготовки», не столько добиваясь реальных успехов в борьбе с террором, сколько расчищая ему дорогу.

Насколько можно судить, антитеррористическая деятельность США не носит превентивный характер. Проблемы решаются по мере их возникновения. Подходы к решению проблем зачастую носят дилетантский характер. Это в полной мере проявляется в настоящее время в поиске «позитивного имиджа» США в арабском мире. Попытка «исправить впечатление об Америке» массовым «десантом» на «историческую родину» американцев арабского происхождения в качестве учителей, дипломатов и посланцев доброй воли более всего напоминает девиз «Комсомольцы, на целину!». Эксперимент такого рода скорее способен породить в их собственных рядах «пятую колонну», увлеченную традиционными исламскими ценностями в наиболее консервативном варианте, чем убедить арабов в преимуществах американского образа жизни.

Главной проблемой американской политики на Ближнем Востоке является проблема психологическая. Старейшая демократия Запада не может признать, что единственные формы власти, приемлемые для региона – это монархия, диктатура или оккупация. К роли оккупанта Америка не готова. Наиболее эффективная и устойчивая форма ближневосточного светского режима была признана злом и – в лице С. Хусейна – свергнута. Демократия же, которая по идее должна была скопировать американскую систему, немедленно выродилась в эскалацию диверсионно-террористической деятельности на территории всего Ирака и политическую анархию при явно выраженной тенденции превращения страны в антизападную теократию. Последнее чем дальше, тем вероятнее, тем более что демократические выборы в Ираке после ареста С. Хусейна, единственного человека, которого местные исламисты опасались, неизбежно приведут к власти фундаменталистов крайнего толка. Отметим, впрочем, что исламизация общества идет в настоящее время на всем Ближнем Востоке, в том числе в умеренных ближневосточных монархиях.

США в ближайшее время предстоит принять ряд стратегически важных решений, в итоге которых определится не только будущее Ирака, но и то, какие именно шаги предпримет американская политика и американская армия в регионе. В первую очередь это касается американской политики в отношении Ирана, Саудовской Аравии, а также палестино-израильского конфликта. При этом выработка действенной стратегии противостояния исламскому терроризму – врагу не потенциальному, а реальному – еще впереди. Ни афганская «репетиция», ни тем более иракская «генеральная репетиция» не привели к ослаблению угрозы глобальной террористической атаки против Соединенных Штатов как центра мировой глобализации. Теракты на пространстве от Марокко до Индонезии показывают это более чем ясно.

Вопрос вопросов – удастся ли Америке привлечь на свою сторону не только Великобританию и группу «микросоюзников», но и создать устойчивую коалицию, включающую, в частности, Россию. Это возможно при условии, что США перестанут учитывать только собственные интересы, превратившись из доминирующего игрока мирового сообщества, подавляющего даже членов собственной «команды», в лидера, способного эту «команду» вести. В противном случае Америка может столкнуться с классической проблемой распыления сил, ведя войну одновременно на нескольких фронтах, постоянно побеждая своих противников, но не будучи в состоянии закрепить победу. Следует отметить, однако, что контролируемый временной администрацией процесс распределения международных контрактов по восстановлению иракской экономики не дает поводов для оптимизма в этом вопросе.

Ближневосточная политика США, равно как и действия Америки в Закавказье и Средней Азии не учитывают российские интересы, однако крах политики США будет иметь катастрофические последствия для региональной стабильности. Россия заинтересована в сотрудничестве с США на основе партнерства в экономике, совместной борьбы с терроризмом и наркоторговлей, развития связей с соотечественниками, живущими в этой стране, а также выстраивания действенного российского лобби в Вашингтоне.

КАНАДА

Следуя в целом в фарватере американской политики, это государство является значительно более «европейским» в вопросе палестино-израильского конфликта. В интеллектуальной элите и политическом истеблишменте сильны проарабские настроения. В стране живет значительная община выходцев из стран БСВ. В настоящий период возможности для открытой деятельности исламистов в Канаде значительно шире, чем в США, ибо она является потенциальным плацдармом для их масштабного проникновения на территорию Америки.

Интересы России в Канаде связаны с возможностями расширения экономического сотрудничества с этой страной и налаживания связей с соотечественниками, живущими в Канаде.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Традиционная зона американского влияния, политически и экономически нестабильная, с рядом неурегулированных в течение десятилетий внутренних военных конфликтов. В регионе проживают значительные ассимилированные общины выходцев из стран БСВ, представленные в том числе в верхних эшелонах общества. Страны Латинской Америки могут быть использованы исламистами как источник сырья для производства оружия массового уничтожения (ОМУ) и финансирования, а также как тренировочная база для подготовки антиамериканских операций. Иракская война не оказала значительного влияния на страны континента, так как военные операции США по свержению местных режимов являются привычной частью латиноамериканской политической реальности на протяжении полутора сотен лет.

Россия заинтересована в увеличении уровня экономического сотрудничества со странами региона, в том числе в сфере ВТС.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

Европа была расколота иракской войной, и хотя раскол этот не слишком замедлил процесс европейской интеграции, сам этот факт будет сказываться на европейской политике на протяжении длительного времени. Раскол Европы можно считать как следствием естественных процессов соперничества в ЕС, где некоторые из равных оказались «равнее» других, так и итогом реализации американского плана «осаживания» главного экономического конкурента. Победа над Ираком не принесла однозначного успеха даже главному союзнику США – Великобритании. Шквальная критика, которой подвергся после победы британский премьер-министр, напомнила о судьбе его предшественников, У. Черчилля и М. Тэтчер, в итоге победоносных войн поплатившихся своими постами.

Более всех в Европе потеряла Франция, главный противник операции «Шок и трепет», традиционно поддерживавшая тесные связи с бывшими колониями на Ближнем Востоке. Она лишилась не только своей доли иракской нефти, но и статуса «покровителя арабского мира», «потеряв лицо». Восстановление ее влияния в регионе в принципе возможно, но займет не один год и будет успешным только там, где ее политика не будет противоречить политике США. Рост влияния арабской части населения Франции грозит ей дестабилизацией внутривнутриполитической ситуации в случае дальнейшего продвижения армии США по странам БСВ, но серьезное развитие ее конфликта с Америкой маловероятно при любом соотношении сил на внутривнутриполитической арене.

Потери Германии не столь чувствительны, как у Франции, да и современный немецкий ислам – турецкого и курдского, а не арабского происхождения. Наиболее вероятные тенденции в немецкой политике после иракской войны в долгосрочной перспективе могут быть связаны с попытками усиления позиции этой страны в ЕС (за счет Франции) и ООН, а также получения доступа к ядерному оружию. Чрезвычайно важной в среднесрочной перспективе является франко-германская инициатива по созданию общих ВС, потенциально способных заменить на европейском театре военных действий (ТВД) войска НАТО.

Поддержка антииракского курса США со стороны стран Восточной Европы и бывших республик СССР легко объяснима необходимостью в американском политическом «зонтике» и инвестициях. Более примечательна проамериканская позиция стран Южной Европы, традиционно поддерживающих тесные связи с арабским Магрибом. Ряд экспертов полагают, что она отчасти является следствием нелегальной арабской иммиграции, вызвавшей обратную по сравнению с Францией реакцию местной элиты. При этом США в долгосрочной перспективе нуждаются в поддержке основных европейских держав на Ближнем Востоке в случае расширения своей экспансии в регионе.

Европейский демографический кризис и зависимость от энергоносителей БСВ привели к тому, что Западная Европа в настоящее время является наиболее активно исламизируемым и арабизируемым регионом мира. При этом иммигранты конца XX века не асси-

милируются в Европе, а создают национальные анклав, в которых практически не действуют местные обычаи и традиции. Практикуемые европейскими политиками в погоне за голосами избирателей-мусульман двойные стандарты способствуют возрождению европейского антисемитизма на антиизраильской основе. Возможен несанкционированный отток через Европу в «пороговые» страны БСВ технологий и материалов, необходимых для производства ОМУ. Это касается не только Франции, но и Великобритании, на территории которой действует разветвленная сеть исламских структур, тесно связанная с консервативными монархиями Персидского залива.

Активная антиизраильская (по палестинскому) и антироссийская (по чеченскому вопросу) политика европейских парламентариев и правительств, ведущаяся под либерально-демократическими лозунгами, препятствует созданию эффективной системы сотрудничества России, Израиля и стран ЕС по борьбе с исламскими экстремистскими и террористическими группировками, базирующимися на территории Западной Европы. Ситуация усугубляется экономической и политической дискриминацией России в «Общеввропейском доме». Аналогичная политика де-факто проводится странами ЕС по отношению к Турции. В перспективе не исключен раздел ЕС на «Старую» и «Новую Европу», включающую новых членов ЕС из Восточной Европы и Балтии, по скорректированной в соответствии с геополитическими реалиями сегодняшнего дня линии «цивилизационного разлома» Хантингтона.

Российские интересы в Европе связаны с максимальным расширением экономического сотрудничества, в том числе в сфере инвестиций в российскую экономику, налаживания равноправного политического партнерства со странами ЕС, снижения уровня влияния политиков Европы, негативно настроенных в отношении России, а также достижения безвизового режима с ЕС. Значимую роль в этом потенциально могут сыграть выходцы из республик бывшего СССР, проживающие в Германии, а также русскоязычная диаспора Великобритании, сформировавшаяся в 1990-е гг.

БАЛКАНЫ

Балканский полуостров после «демократизации» Югославии полностью вошел в сферу военно-политического контроля НАТО и экономического ЕС. При этом государства Балкан и их северной периферии (Венгрия, Румыния) сохранили многочисленные взаимные пограничные и этноконфессиональные претензии друг к другу. Часть республик бывшей Югославии политически нестабильны, гражданская война на их территории «заморожена» под внешним давлением. Албания и Косовский край являются легализованным де-факто Западом европейским плацдармом политического исламизма, входящим в систему «зеленого Интернационала». Албанские исламисты – последняя «армия джихада», организованная и поддерживаемая Западом. Наряду с мусульманскими иммигрантами Западной Европы они являются основной внутренней угрозой европейской стабильности. Иракская война на первом этапе своего развития продемонстрировала политикам полуострова абсолютное военное превосходство Запада и его готовность к превентивному подавлению очагов потенциального «беспокойства», однако дальнейшее развитие событий в Ираке показало уязвимость оккупационных сил Запада в столкновениях с диверсантами и партизанами. В среднесрочной перспективе не исключено возрождение в регионе масштабных конфликтов, тем более что Балканы обладают значительным террористическим потенциалом, а их мусульманские анклав – тесными организационными, финансовыми и политическими связями с консервативным ядром исламского мира.

Россия заинтересована в установлении полноценных экономических связей с регионом, при дистанцировании от его политических проблем.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И СТРАНЫ БАЛТИИ

Ориентируются на Запад, лавируя между ЕС и США. Не имеют ни значительного собственного мусульманского населения, ни общин выходцев с Ближнего и Среднего Востока. В по-

ставках энергоносителей зависят от России. Возможно «растворение» на их территории части иракской элиты, использующей связи, созданные в 1970–1990-е гг. Могут быть использованы исламистами как транзитный коридор при перемещении из стран БСВ на Запад. Россия заинтересована в восстановлении своего экономического и политического влияния в регионе, а также в сохранении связей с русскоязычным населением стран Балтии.

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕСПУБЛИКИ СНГ

Элиты Украины и Молдовы лавируют между Западом и Россией, в то время как их экономика полностью зависит от отношений с Россией. Беларусь зависит от России во всех сферах. Отношения украинской элиты со странами БСВ аналогичны российским. Антизападная Беларусь поддерживает отношения и с Израилем, и с исламскими странами БСВ, хотя временное закрытие по экономическим причинам посольства Израиля в Минске ослабило израильско-белорусские связи. Молдова не имеет определенной ближневосточной политики, за исключением связей с Израилем, поддерживаемых выходцами из этой республики.

Все три страны не имеют ни значительного собственного мусульманского населения, ни общин выходцев с Ближнего и Среднего Востока. В поставках энергоносителей зависят от России. Возможно «растворение» на их территории, в первую очередь в Беларуси, части иракской элиты, использующей связи, созданные в 1970–1990-е гг. Украина, Беларусь и Молдова могут быть использованы исламистами как транзитный коридор при перемещении из стран БСВ на Запад, возможно, с использованием в качестве базы арабских студенческих землячеств. Из Украины и Беларуси возможен несанкционированный отток в «пороговые» страны БСВ технологий и материалов, необходимых для производства ОМУ.

Россия заинтересована в сохранении и усилении своего влияния в регионе, являющемся исторической зоной российских геополитических интересов.

РОССИЯ

Страна, преодолевая последствия распада СССР, эволюционирует от анархического волюнтаризма к политике государственного прагматизма. Задача обустройства окружающего геополитического пространства и реалии борьбы с терроризмом и сепаратизмом в Чечне, поддерживаемым странами исламского мира, обуславливают для России сотрудничество с Израилем и США. Экономические и политические интересы требуют «равноудаления» от США, Европы и Китая. Наличие значительного коренного мусульманского населения требует плюрализма в вопросах внутривнутриполитической и конфессиональной жизни. Мусульмане России – один из главных резервов расширения влияния консервативных монархий исламского мира. На территории России существуют крупные общины выходцев из стран БСВ, а также постсоветских республик Закавказья и Центральной Азии, правовой статус которых не урегулирован. Часть их играет активную роль в наркоторговле, а также служит базой для распространения политического исламизма во всех формах, от «мягкого ислама» до терроризма. Юг страны является одним из основных фронтов мирового джихада, опирающегося на чеченский сепаратизм. Внешнеполитические традиции СССР заставляют РФ поддерживать тесное сотрудничество с исламским миром, включая сферу обмена ядерными технологиями и ВТС. Российская элита по отношению к происходящему на Ближнем Востоке расколота. Часть ее поддерживает антиглобалистские и антиамериканские настроения, в диапазоне от западноевропейской до арабской позиции, часть – американско-израильскую позицию, незначительное меньшинство пытается выработать курс, опирающийся на реальные национальные интересы. Иракская война стала серьезным испытанием для российской политики. В ее итоге ясными стали несколько фундаментальных постулатов:

- Россия до сих пор де-факто является одним из значимых субъектов мировой политики.

- В проведении внешней политики для России целесообразно лавировать между Европой, США и исламским миром, не примыкая ни к одной из сторон. Поддержка исламским миром кавказского терроризма и сепаратизма, а странами Европы антироссийских резолюций по чеченскому вопросу в рамках ОБСЕ, одновременно с попытками вовлечь Россию в противостояние с США из-за Ирака, доказывает это.
- Военное противостояние России и Запада в неядерной сфере на сегодняшнем этапе невозможно. Перестройка российской армии должна учитывать опыт иракской войны.
- Главные внешние вызовы для России, США и Израиля на сегодняшнем этапе совпадают. При этом примером для российской политики может служить политическая практика США, действующих в собственных интересах, игнорируя давление «мирового сообщества», а в противостоянии с террористами определяющим является опыт Израиля.
- В интересах России, сохраняя тесные отношения со всеми соседями, не вступать в открытое противостояние с США. В случае конфликта интересов оптимальной для России является роль посредника. При этом реальный уровень антиамериканизма населения невысок.
- Доминирующей политической линией современной внешней российской политики является политика президента страны и его администрации. Прочие организации и ведомства, включая МИД, играют вспомогательную роль. Личный контакт российского лидера с главами европейских стран и США является основным гарантом отношений России с Западом.
- Обострение угрозы с юга и масштабная дестабилизация БСВ требуют создания буферного пояса на постсоветском пространстве и присутствия там России. В этой связи зоной российских интересов являются Закавказье и Центральная Азия. Присутствие там США часто расценивается как часть экономической и политической конкуренции, но в борьбе с распространением политизированного ислама, терроризмом и наркоторговлей Америка является естественным союзником России.

Существенным испытанием для России в ближайшее время будет иранский кризис. Дестабилизация Ирана нарушит политическое равновесие всего Прикаспия. Главной задачей российской внешней политики может стать налаживание американо-иранских отношений при сохранении существующего уровня собственных отношений с Ираном и повышенном уровне контроля над программами в сфере ядерных технологий. Утечка из России материалов и технологий, необходимых для создания ОМУ, маловероятна. Не исключена возможность «растворения» на территории страны части иракской элиты, а также использование России исламистами как транзитного коридора при перемещении из стран БСВ на Запад.

ЗАКАВКАЗЬЕ

Политические элиты республик Закавказья в долгосрочной перспективе ориентируются на США и Европу, поддерживают отношения с Турцией и Ираном, а азербайджанская – и с другими странами исламского мира, но экономическое выживание их населения зависит от уровня связей с Россией. Кавказ по уровню конфликтной ситуации в этноконфессиональной сфере сравним с Балканами. Высока вероятность закрепления на неопределенный срок фактического территориального распада Грузии, а также статус-кво на армяно-азербайджанской границе, сложившегося в ходе конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Элиты Армении и местных автономий Грузии на современном этапе заинтересованы в сохранении присутствия в регионе России, а правительство Грузии – в ее вытеснении. Официальный Азербайджан стремится к тому, чтобы Россия была посте-

пенно замещена США, однако без конфликта с Москвой. При этом процесс смены верховной власти в Грузии провоцирует столкновение интересов России и США в Закавказье, в отличие от Азербайджана, где эти интересы сравнительно близки.

Закавказье – мост для проникновения на российскую территорию исламистов, база подготовки антироссийских операций и размещения тренировочных лагерей террористов. Иракская война увеличила возможность американского присутствия в регионе. США являются не только конкурентом России в Закавказье в сфере транспортировки каспийских энергоносителей на мировой рынок, но и ее союзником в борьбе с исламистами. Предсказывавшееся рядом экспертов масштабное проникновение через страны Закавказья в российскую Чечню в рядах наемников, бывших военнослужащих и сотрудников спецслужб саддамовского Ирака, до настоящего момента не отмечено, хотя вероятность его не исключена.

Россия заинтересована в сохранении и усилении своего влияния в регионе во всех сферах, предотвращении проникновения через Закавказье террористов на российскую территорию и восстановлении влияния на местную элиту. Сближение грузинских автономий с Россией проходит в рамках конфликта их лидеров с Тбилиси, однако их формальное вхождение в состав РФ вероятно лишь в отсутствие жесткого противодействия со стороны США.

СТРАНЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАН

Регион является зоной активной наркоторговли и военного давления со стороны исламских группировок, опирающихся на поддержку консервативных монархий исламского мира и стремящихся закрепиться в сфере религиозного образования и благотворительности. Возможен отток материалов, необходимых для производства ОМУ, с предприятий добывающей промышленности региона в «пороговые» страны БСВ.

США являются прямым конкурентом России в сфере разработки природных ресурсов Средней Азии и Казахстана, в первую очередь энергоносителей. Местная элита ориентирована на Запад и, за исключением Таджикистана, влияние России на нее невелико, однако исламисты составляют оппозицию правящим режимам и подавляются ими.

Иракская война, с одной стороны, закрепила американскую ориентацию стран Средней Азии, в первую очередь в Узбекистане, за счет России, с другой – заложила основу потенциального американо-российского регионального сотрудничества в противостоянии исламскому экстремизму.

Интересы России связаны с восстановлением своего экономического, политического и военного влияния в регионе, усилением связей с местной элитой, а также проживающим там русскоязычным населением, снижением притока наркотиков из Средней Азии в Россию.

КИТАЙ

Единственный реальный конкурент США, имеющий потенциальную возможность на протяжении одного поколения превратиться в сверхдержаву, заняв в мировой иерархии место СССР. Обладает достаточным экономическим и военным потенциалом, чтобы игнорировать любые санкции. Не исключена санкционированная ограниченная утечка ядерных технологий и материалов в «пороговые» страны, конфликтующие с США. Используя исламский фактор во внешней политике для ослабления Индии и США, является потенциальным союзником США и России в борьбе с исламским фундаментализмом, исходя из приоритетов внутренней политики. Ориентация на сотрудничество с Россией в сфере энергетики закрепляет независимость Китая от ближневосточных энергоносителей. В регионе БСВ придерживается агрессивной наступательной экономической политики.

Высказав умеренное неодобрение американской политики в Ираке, сохранил отношения с США, однако незаинтересованность в чрезмерном усилении Америки позволяет предположить в ближайшее время его ускоренное сближение с соседями, включая Россию, Корею, Японию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), для создания блока партнеров, союзников и сателлитов в противовес Западу. В случае целенаправленной долгосрочной политики США по ослаблению Китая не исключена возможность распада последнего в исторической перспективе по аналогии с СССР.

Россия заинтересована в установлении стабильного экономического сотрудничества с Китаем при сохранении контроля над территориями, граничащими с КНР, и ограничении эксплуатации их природных ресурсов со стороны нелегальных иммигрантов из Китая. Перспективы массовой китайской эмиграции на Дальний Восток ставят вопрос о программе русификации значительной массы потенциальных мигрантов.

ЯПОНИЯ

Стагнация экономики на протяжении 1990-х гг., зависимость от ближневосточной нефти, сохраняющийся уровень экономических отношений с США при росте политических и военных амбиций элиты позволяют предположить проведение в ближайшее время ревизии системы отношений с внешним миром. Она может включить повышение статуса Японии в рамках ООН, расширение системы ее политических союзов и доступ к ядерному оружию. Уменьшение фактической роли ООН и гонка ядерных вооружений среди «пороговых» стран в период после иракской войны может облегчить реализацию этих планов. Поскольку роль регионального лидера в АТР все больше будет отходить к Китаю, влияние Японии в регионе будет зависеть от уровня отношений с ним. В то же время отношения, связывающие Японию с государствами, составляющими консервативное ядро исламского мира, могут быть использованы ими для попытки вовлечения Японии в противостояние с Америкой.

Россия заинтересована в развитии отношений с Японией как приоритетным партнером на Дальнем Востоке. Одновременно национальные интересы России требуют сохранения в течение максимального периода времени «законсервированным» вопроса о южных Курильских островах либо создания на них российско-японской экономической инфраструктуры при сохранении российского суверенитета.

КОРЕЯ

Объединение страны является задачей ближайшей исторической перспективы. Экономическое доминирование Юга позволяет его руководству рассчитывать на лидирующую роль в единой Корее. Получение Севером доступа к ядерным технологиям, в том числе в оборонной сфере, рассматривается частью южнокорейской элиты как вклад в будущий общенациональный потенциал. В случае объединения страны вероятно дистанцирование Кореи от США и ее дрейф в экономическое и политическое пространство, находящееся под контролем Китая. Не исключена санкционированная утечка ядерных технологий и материалов с территории Северной Кореи в страны исламского мира, конфликтующие с США.

Россия заинтересована в максимальном росте экономического сотрудничества с Южной Кореей и восстановлении влияния в Северной Корее, однако последнее – не за счет отношений с США.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Помимо финансово состоятельного, но геополитически малозначимого Брунея, иракская война в наибольшей степени сказалась на трех странах АТР: Индонезии, Малайзии

и Филиппинах. Первые две входят в периферию исламского мира, их население исповедует ислам в наиболее либеральных формах, а значительная часть его принадлежит к другим конфессиям (индуисты острова Бали, христиане, китайцы, исповедующие традиционные для Средней империи религии, папуасы-анимисты). Католические Филиппины имеют значимое мусульманское меньшинство. Во всех трех странах активно действуют исламские группировки, поддерживаемые монархиями Персидского залива. Они способствуют распространению консервативного ислама среди местного населения, вытесняя традиционное духовенство, ведут террористическую борьбу против неисламского населения и иностранцев, конфликтуя с правительственными войсками и, в ряде провинций Индонезии и Малайзии, опираясь на сочувствующих им политических деятелей.

Выходцы из стран Юго-Восточной Азии действуют в группах террористического «исламского Интернационала» за пределами региона. Значительный экономический и колоссальный человеческий потенциал Индонезии и Малайзии превращает эти страны, в союзе с Пакистаном, в реальный противовес Индии. Разгром «саддамовского» Ирака значительно увеличивает их роль в антиамериканском альянсе исламского мира, тем более что их высшее руководство входит в антиглобалистский фронт, что открыто продемонстрировал на сессии ОИК М. Махатхир. Высокий уровень сепаратизма в Индонезии не исключает возможности распада этой страны в среднесрочной перспективе.

Россия заинтересована в максимальном повышении уровня экономического сотрудничества со странами ЮВА, в том числе в сфере ВТС и области высоких технологий, последнее – параллельно с Китаем, в рамках политики взаимного сдерживания.

АВСТРАЛО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Часть западного мира, ориентация которой по отношению к иракской войне и распространению политического исламизма на азиатской периферии региона определяется доминированием в нем США и Великобритании, а также террористической активностью исламистов по отношению к австралийским туристам и предпринимателям. Войска Австралии и Новой Зеландии приступили, по образцу действий антииракской коалиции, к ликвидации террористических группировок, действующих на территории островных государств Австрало-Тихоокеанского региона (АТР). С высокой степенью вероятности они поддержат армию США в случае проведения ею антитеррористических акций против исламистов в регионе.

Выраженные российские интересы в регионе отсутствуют.

ИНДИЯ

Активный участник борьбы с исламским терроризмом, балансирует между Западом и Россией. Уровень влияния Запада в Индии увеличивается, России – падает. Исторически – основной соперник Пакистана. Отношения этих стран балансируют на грани холодной войны, с высокой степенью вероятности перехода к масштабным военным действиям, не исключая ядерный конфликт. Значительное мусульманское население Индии находится в перманентном конфликте с консервативной частью индуистского большинства. Внутриполитическая ситуация осложнена этноконфессиональным сепаратизмом. Не исключена возможность распада страны в среднесрочной перспективе. Один из главных объектов агрессии мирового джихада, Индия рассматривает возможность создания антитеррористической региональной коалиции, включающей Россию, Иран, Турцию, Израиль и, возможно, Иорданию. Подход Дели к сотрудничеству с Ираном близок российскому и отличается от американского: Исламская Республика Иран рассматривается Индией как важный экономический партнер, имеющий давние и прочные традиции республиканского парламентаризма, способствующие региональной стабилизации.

Россия заинтересована в сохранении влияния в Индии и упрочении экономических связей с ней, в том числе в сфере ВТС.

БАНГЛАДЕШ

Одно из беднейших государств исламского мира, источник значительной части рабочей силы в странах Персидского залива. Потенциально может являться источником пополнения рядов исламских террористов. В настоящий момент по сравнению с другими государствами региона демонстрирует относительную внутреннюю стабильность.

Выраженные российские интересы в Бангладеш отсутствуют.

ПАКИСТАН

Наиболее «проблемная» страна Южной Азии. Наличие ядерного оружия, баз террористов, неподконтрольность территорий, населенных племенами, центральному правительству, размытость границ и практически отсутствующая граница с Афганистаном, значительное число беженцев из Афганистана и выходцев из Индии, колоссальный человеческий потенциал и устойчивые связи с консервативным ядром арабского мира превращают эту страну – изначально часть исламской периферии – в одну из главных опор «исламского Интернационала». Пакистан – главный потенциальный источник возможной утечки в «пороговые» страны БСВ и исламистские террористические группировки оружия массового поражения и технологий его изготовления. Высока вероятность распада страны в краткосрочной перспективе по этническому признаку.

Россия заинтересована в снижении влияния исламистов в Пакистане и ослаблении его в Афганистане.

АФГАНИСТАН

Формально «побежденный» режим талибов «сдал» крупнейшие города «Северному альянсу» и западным коалиционным силам. Де-факто талибы «растворились» в Афганистане и Пакистане. Ситуация в стране слабо контролируется, продолжают доминировать ультраконсервативные исламские нормы, значимую роль играет племенной фактор. Афганистан раздроблен, политически находится на «доталибском» уровне и остается поставщиком наркотиков мирового масштаба. В краткосрочной перспективе высока вероятность распада страны или ее раздела между соседними государствами по этническому принципу. Страна остается базой исламистского терроризма, лишившегося в лице движения «Талибан» государственной поддержки, но сохранившего кадровую базу и поддержку населения.

Россия заинтересована в ослаблении влияния исламистов, снижении производства наркотиков в Афганистане и восстановлении своего влияния на возможно большей территории страны.

Вероятность возврата к светскому режиму в Афганистане в долгосрочной перспективе не просматривается.

ИРАН

Исламская Республика Иран (ИРИ) стоит на пороге создания ядерного оружия. Высока вероятность того, что эта задача будет решена в течение 2–3 лет. Ядерная программа Ирана де-факто направлена на закрепление статуса региональной сверхдержавы. Демонстративные антиамериканские и антиизраильские декларации иранского руководства носят вторичный характер. ИРИ необходимо сбалансировать ядерный потенциал Пакистана. До недавнего времени руководство страны учитывало также иракский потенциал ОМУ. Отношения Ирана с его соседями, за исключением бывших республик СССР, носят напряженный характер.

Иран, до 1979 г. один из союзников США, на протяжении четверти века является противником Америки. Отношения ИРИ со странами ЕС и Россией базируются на прочном экономическом партнерстве. Сотрудничество России с Ираном в сфере ядерных технологий и ВТС на протяжении всего постсоветского периода подвергалось жесткой критике со стороны США и Израиля. Россия, в свою очередь, утверждала, что российско-иранское сотрудничество не имеет отношения к созданию иранского ОМУ. В настоящее время эта точка зрения подтверждена западными экспертами. Предотвращение получения ИРИ доступа к ОМУ – одна из главных задач американской политики. Иран – основной объект возможной американской ближневосточной экспансии, в том числе как страна, поддерживающая террористические группировки, действующие в настоящее время против Израиля, но потенциально опасные для американских интересов. Прямые военные действия США против Ирана маловероятны, так как Иран способен оказать значительно более эффективное сопротивление, чем Афганистан и Ирак. Прочие формы дестабилизации ИРИ, от экономической блокады до точечных бомбардировок иранских ядерных объектов, возможны. В последнем случае высока вероятность использования в качестве ударной силы израильских ВВС.

Первоначально ориентировавшийся на экспорт исламской революции теократический режим в настоящее время представляет собой устойчивую парламентскую демократию. Наиболее близкий аналог современной ИРИ – СССР начала 1960-х гг., с поправками на замену коммунистической идеологии исламской. В стране живут значительные христианская и еврейская общины, в восточных провинциях значительную роль играет племенной фактор. Режим, несмотря на внутренние противоречия, имеет устойчивую социальную базу. В то же время, если усилия США по дестабилизации Ирана будут успешны, в среднесрочной перспективе не исключена вероятность распада страны по этническому принципу, что может дестабилизировать всю зону Прикаспия. Эта возможность осознается руководством ИРИ, являясь фактором, дополнительно гарантирующим стабилизирующую направленность политики Ирана в регионе.

Афганская, а затем иракская война, закрепление США на Аравийском полуострове и в Прикаспии сформировали вокруг Ирана зону американского военного контроля. Политика Ирана по отношению к антитеррористической кампании США, в том числе войне в Ираке, отличалась и отличается двойственностью. Иран был заинтересован в ликвидации режимов талибов и Саддама Хусейна и равно не заинтересован как в закреплении американского присутствия в регионе, так и в прямом конфликте с США. В связи с этим поддержка им иракских шиитов носит крайне осторожный характер. Согласно мнению экспертов, в Иран, в ходе первой Войны в Заливе, были перебазированы наиболее ценные элементы иракской военной инфраструктуры, в том числе ВВС. Возможно пребывание в ИРИ в настоящий момент представителей иракской элиты. Прямые действия иракской оппозиции против войск коалиции с территории Ирана едва ли вероятны.

Поддержка Ираном террористических группировок не является принципиально необратимой. Государство может пресечь ее, в случае принятия соответствующих решений, так же как это в свое время произошло в СССР. Это касается как движений «Амаль» и «Хизболла» в Ливане, так и палестинцев. Опыт стабилизирующего воздействия Ирана на ситуацию в постсоветских Закавказье и Средней Азии, дистанцирование от афганских талибов и С. Хусейна и меры, предпринятые руководством ИРИ для ограничения региональной наркоторговли, доказывают принципиальную возможность нормализации ирано-американских отношений. Не исключена возможность нормализации отношений Ирана и Израиля при содействии России.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Королевство, на протяжении десятилетий бывшее одним из основных региональных союзников США, одновременно стало центром современного политического ислама, расширяющегося в мусульманской «умме». Военно-террористическая активность «зеленого Интернационала» на периферии исламского мира, против светских правительств в нем самом и Америки как центра глобализации рассматривается экспертами

как результат усилий по созданию мировой сети джихада, ответственность за которую Саудовская Аравия несет в большой степени. Практика хаджа, деятельность исламских фондов и исламская миссионерская активность королевства стали основой этой системы, а лоббистские усилия саудовских дипломатов и членов королевской семьи обеспечили ей соответствующее прикрытие.

Как представляется, современная внешняя политика королевства сформировалась благодаря сочетанию объективных и субъективных факторов, некоторые из которых перечислены ниже:

- ❑ Саудовская Аравия, возникшая в результате военной экспансии в первой трети XX в., урегулировала основные территориальные конфликты с соседями только на рубеже нового столетия.
- ❑ Королевство не является однородным. Восточная провинция, прилегающая к Персидскому заливу, на территории которой сосредоточены основные запасы саудовской нефти, Хиджаз с главными святынями мусульманского мира, шиитский йеменский Ассир были присоединены к ваххабитскому Неджду военным путем, и противоречия между ними не преодолены до сего дня.
- ❑ Не является однородной и правящая элита Саудовской Аравии, в том числе королевская семья. Значительные противоречия связаны с уровнем влияния ортодоксального исламского духовенства на практическую жизнь королевства и королевского двора, а также степенью зависимости Саудовской Аравии от Запада.
- ❑ В структуре королевства заложены значительные противоречия между религиозными и племенными традициями и сегодняшней практикой. В частности, не следует забывать о том, что воззрения правящей элиты королевства и значительной части его населения сформировались в период, когда патриархальное рабство было легитимным институтом на территории Саудовской Аравии, а участие лично свободного населения в производительном труде считалось допустимым только для низов общества.
- ❑ Зависимость от иностранных специалистов и иностранной рабочей силы, диспропорция в использовании национальных кадров, в значительной мере основанная на традиции, сделали Саудовскую Аравию зависимой от внешнего мира.
- ❑ Колоссальная природная рента королевства не защищена в достаточной мере его собственным военным потенциалом, в первую очередь от агрессии со стороны авторитарных светских арабских режимов. Военная зависимость от Запада, проявившаяся в полной мере в ходе Войны в Заливе, породила в королевстве острый внутренний кризис.
- ❑ Западные войска, защитившие Саудовскую Аравию от С. Хусейна, с одной стороны, вызвали в ортодоксальных кругах волну критики властей, неспособных обойтись без помощи «неверных», с другой – привлекли внимание саудовцев к таким особенностям современного мира, как равенство полов и религиозный плюрализм, став причиной конфликтов, в том числе на семейном уровне, среди значительной части населения королевства.
- ❑ С начала 1980-х гг. королевство стало, при поддержке США, одним из главных центров организованного сопротивления исламского мира советской оккупации Афганистана. В этот период были заложены основы особых отношений Саудовской Аравии с Пакистаном и Афганистаном, а также выстроена мировая инфраструктура исламского террористическо-партизанского движения, включая системы его финансирования, обеспечения и связей с истеблишментом консервативного ядра арабского мира.
- ❑ В конце XX в. королевство вошло в полосу экономического и демографического кризиса. Уровень дохода на душу населения снизился в несколько раз. При этом сырьевая рента была в значительной мере растрочена, вложения в западную эко-

номику оказались менее рентабельными, чем предполагалось, а большая часть собственно саудовских проектов была потенциально нерентабельной.

- Попытки саудовского давления на Запад в 1990-е гг. в сфере ближневосточного урегулирования не привели к ожидаемым результатам, несмотря на размер саудовских активов в финансовой системе США. Американская политическая система оказалась более устойчивой к внешнему давлению, чем это предполагалось саудовским истеблишментом.
- Усиление экономической и военной зависимости от Запада привело к тому, что часть саудовской элиты в качестве главного противника определила США как центр мировой глобализации. До того эта группа использовала «зеленый Интернационал» для ослабления соперничающих светских режимов в арабском мире и расширения влияния исламского мира на его периферии: в России, Индии, ЮВА, на Балканах, Судане. Возможное получение ОМУ исламскими террористами, действующими на международной арене, наиболее вероятно именно за счет саудовского «прикрытия», а возможно и прямого финансирования.
- Королевство претендует на роль центра арабского мира, оппонируя в этом светским режимам Каира и Багдада, а также мира ислама, соперничая с Тегераном. Система хаджа дала Саудовской Аравии возможность играть эту роль. При этом претензии на доминирование Каира были разрушены заключением мира с Израилем в Кэмп-Дэвиде, Багдада – оккупацией Кувейта. Шиитский характер иранского ислама ограничил сферу влияния Тегерана.
- Показателем возросших внешнеполитических претензий Саудовской Аравии является ряд инициатив элиты королевства в сфере ближневосточного урегулирования, а также направленных на расширение числа исламских святынь, патронированных домом Саудов, и включение в их число иерусалимской мечети Аль-Акса.

Расширяющаяся пропасть между претензиями и возможностями, осознание зависимости от внешнего мира, относительная шаткость баланса власти внутри королевской семьи, усиливающееся влияние консервативных улемов и необходимость канализации активности вчерашних моджахедов во внешний мир сделали Саудовскую Аравию неформальным штабом мирового исламского террора. Позволительно предположить, что роль эта не являлась официальной целью политики королевства, но сегодня поддерживается значительной частью консервативного истеблишмента как единственная альтернатива модернизации. Следует отметить, что планы США по «демократизации» Саудовской Аравии едва ли могут быть реализованы по модели, предполагаемой вашингтонской администрацией. Любая демократизация в мусульманском мире связана в первую очередь с усилением роли исламского духовенства за счет монархии или правящего военного режима. Нет оснований предполагать, что в Саудовской Аравии демократизация будет проходить иначе. В конечном итоге это означает усиление групп истеблишмента, наиболее враждебных США, против которых, собственно, и направлена вся американская кампания борьбы с мировым терроризмом.

Возможны ли военная интервенция США на территорию королевства и его потенциальный раздел на исходные исторические части? Исключить такое развитие событий нельзя, хотя саудовское лобби в Вашингтоне делает все возможное, чтобы американская экспансия была направлена на главного соперника Саудовской Аравии в исламском мире – Иран. Конфликт между ИРИ и США, влияние нефтяного лобби, связанного с истеблишментом королевства партнерством, складывавшимся на протяжении десятилетий, нестабильность планов Пентагона в отношении Саудовской Аравии, в отличие от Ирана, а также опасения Государственного департамента в отношении реакции исламского мира приостанавливают движение военной машины США по саудовскому направлению.

Представляется, что изменения, которые могут быть произведены саудовским истеблишментом для показательной «демократизации», будут носить не сущностный, а косметический характер. Целью их будет тактический временной выигрыш. Саудовская Аравия попытается подтолкнуть США к конфликту с Ираном, равно выигрывая от любо-

го его исхода. При этом консервативная часть истеблишмента, организующая и направляющая зарубежную деятельность террористических организаций с территории королевства, не окажется в проигрыше и в случае оккупации его территории армией США. Военное присутствие Америки в королевстве эффективно только в виде долгосрочной оккупации, к которой США, как показывает пример Ирака, не готовы. В любой другой форме оно будет использовано исламистами для оттеснения от власти верхушки королевского дома, разворачивания партизанской войны и, в конечном счете, собственного прихода к власти, по примеру талибов. Такое развитие событий могло бы быть предотвращено применением американцами на саудовской территории израильского метода точечной превентивной ликвидации организаторов и финансистов террора в широких масштабах, но этот сценарий нереален.

Представляется очевидным, что в деле борьбы с мировым терроризмом главным является не контроль над Афганистаном, Ираком или Ираном, но остановка экспорта политического ислама в его военно-террористической форме с саудовской территории. Смогут ли США добиться этого, не прибегая ни к оккупации, ни к ликвидации организаторов «зеленого Интернационала», сказать невозможно, хотя именно в этом – главная интрига ближневосточной и мировой политики после завершения иракской войны.

По отношению к ситуации в самом Ираке Саудовская Аравия заинтересована в возможной консервации состояния анархии и безвластия в этой стране и максимального втягивания войск коалиции в иракские проблемы. Стабилизация и установление прочной власти в Ираке – не в интересах королевства. Это же относится к процессу ближневосточного урегулирования. Максимальное взаимное ослабление Израиля, Иордании и палестинцев позволяет королевству не только демонстрировать свое влияние в исламском мире, но и организовывать чужими руками давление на потенциальных противников на своей северной границе.

Российско-саудовские отношения имеют давние исторические корни, однако в течение долгого периода времени не распространялись за пределы организации хаджа. В настоящее время отношения двух стран переживают сложный период: Россия заинтересована в активизации экономического сотрудничества с Саудовской Аравией, в том числе в сферах ВТС, инвестиций в российскую экономику и технологического обеспечения российскими производителями оборудования добычи углеводородного сырья. Саудовская Аравия в отношении России придерживается политики двойных стандартов: демонстрируя готовность к инвестированию в российскую экономику, она в явной или скрытой форме обуславливает это свободой действий в сфере религиозного образования и благотворительности на территории России, одновременно финансируя и поддерживая исламских террористов и чеченские сепаратистские формирования. Ослабление Саудовской Аравии, следствием которого будет уменьшение или прекращение экспорта с ее территории политизированного ислама, – в интересах России в той же мере, что и приток саудовских инвестиций.

ОМАН

Султанат представляет собой умеренную исламскую монархию, с начала XX в. не является региональной сверхдержавой и не претендует более на ее роль. Экономическое и политическое положение сбалансировано. Конфликты с соседними государствами практически разрешены. Присутствие на территории страны воинских контингентов стран Запада носит традиционный характер и не является причиной протестного движения. Сепаратистские тенденции в провинциях, граничащих с Йеменом, потеряв внешнюю поддержку, перешли в латентную фазу. Являясь одной из крупнейших стран региона, Оман отличается внутривнутриполитической стабильностью, на его территории исламисты контролируются центральной властью. Султанат заинтересован в сбалансированных отношениях как с Западом, так и со своими соседями. Высока вероятность возвращения Омана в ближайшее время к политике нормализации отношений с Израилем, прерванной в связи с интифадой Аль-Акса.

Положение страны, контролирующей, наряду с Ираном, вход в акваторию Персидского залива, ее потенциальная роль как плацдарма, с которого могут быть развернуты операции на востоке Аравийского полуострова и в Иране, позволяют предположить усиление роли Омана в ближайшем будущем как тыловой базы Запада. В случае прямых военных действий последнего по отношению к Саудовской Аравии поддержка может быть косвенной, но де-факто Оман заинтересован в ослаблении как КСАР, так и Ирана, а также Йемена.

СССР не поддерживал отношений с Оманом. Российское сотрудничество с султанатом проходит период становления.

ЙЕМЕН

Наиболее бедное и нестабильное государство Аравийского полуострова. Несмотря на объединение страны в ходе военного конфликта на рубеже 1990-х гг., не исключена возможность ее распада в среднесрочной перспективе. Дестабилизирующую роль играет племенной фактор. Конфликты с соседями не носят столь острого характера, как в недавнем прошлом, однако конфликтный потенциал сохраняется. Особое значение для йеменско-саудовских отношений играет провинция Ассир, оккупированная Саудовской Аравией в начале XX в. Отношения Йемена с королевством осложнены дискриминацией, которой шиитское население Ассира подвергается со стороны ваххабитского духовенства, и массовым изгнанием с территории королевства йеменских рабочих в ходе первой Войны в Заливе, когда Йемен поддержал Саддама Хусейна.

Йемен – один из центров региональной наркоторговли, на территории страны исламистами вербуются будущие участники вооруженных террористических формирований, действуют их базы и тренировочные лагеря. Связи с «саддамовским» Ираком в сфере ВТС, сравнительно недавний теракт в отношении ВМФ США в акватории Йемена, насыщенность страны оружием, слабый контроль над ее территорией центрального правительства позволяют с высокой степенью вероятности рассматривать Йемен как одну из главных тыловых баз исламских экстремистов. Высока вероятность «растворения» на территории Йемена значительного числа иракских военных и сотрудников спецслужб, использование ими Йемена как базы для антиамериканской активности и пункта транзита в другие страны арабского мира и Африку. В то же время правительство не заинтересовано в прямом конфликте с США и, напротив, заинтересовано в ослаблении американо-саудовских отношений. В случае действий США против Саудовской Аравии Йемен может сыграть роль, аналогичную роли «Северного альянса» в Афганистане.

Несмотря на то, что Южный Йемен в 1970–1980-е гг. был одной из наиболее близких к Советскому Союзу стран арабского мира, в настоящее время российские интересы в Йемене представлены слабо.

МАЛЫЕ МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

В равной мере опасаются как военной агрессии со стороны Ирака и Ирана, так и притязаний на региональное доминирование Саудовской Аравии. Заинтересованы в прямом военном присутствии Запада как единственной твердой гарантии сохранения запасов энергоносителей под контролем правящих династий. Одновременно являются, наряду с Саудовской Аравией, зоной активного сбора средств в пользу исламистских организаций, откупаясь от них. Ситуация аналогична сложившейся в 1980-х гг., когда малые монархии Персидского залива и Саудовская Аравия были основными кредиторами Организации освобождения Палестины (ООП), а также Ирака в годы его войны с Ираном. В случае разворачивания американо-саудовского или американо-иранского конфликтов малые монархии Залива могут сыграть роль баз передового базирования войск США. Особенно велико в этом случае значение Бахрейна для американского флота.

Российские интересы ограничены незначительными контрактами в области ВТС, туризмом и челночной торговлей с ОАЭ.

ИРАК

На территории страны центральная власть не существует, коалиционные войска контролируют основные города и нефтедобывающую инфраструктуру. Внутриполитическая ситуация аналогична российской после 1917 г. Экономика Ирака разрушена. Курдские районы севера де-факто представляют независимое государство, на территории которого проходят этнические чистки. На шиитском юге усиливается влияние консервативного духовенства, сопровождающееся физическим устранением умеренных лидеров. По мере того как населению становится ясно, что войска коалиции не способны к жесткой оккупации и не ориентируются в местных условиях, партизанская война против них интенсифицируется. Иракское ОМУ не найдено, и перспективы его обнаружения неясны. Подавляющая часть активистов партии Баас, военных и сотрудников спецслужб, а также саддамовской элиты, включая представителей высшего эшелона, «растворилась» на территории страны, и их действия не контролируются войсками коалиции. «Демократизация» Ирака по американской модели дискредитирована сменой временных «правительств», неспособных обеспечить функционирование основных систем жизнеобеспечения населения.

В краткосрочной перспективе вероятно усиление исламского фактора, террористической активности и обострение общей обстановки. В среднесрочной, в случае ухода войск коалиции, – распад страны и гражданская война. В долгосрочной – восстановление в Ираке авторитарного режима «большой кровью». Реставрация в Ираке Хашимитской монархии, присоединение шиитского юга к Ирану, образование курдского государства вокруг иракского Курдистана как национального ядра маловероятны. Создание современного демократического Ирака, возможное, по мнению экспертов, после 20–30-летней западной оккупации, наименее вероятно. Американский план формирования прочного долгосрочного альянса Ирака, Иордании, Палестины и Израиля под западным контролем нереализуем на практике.

Российские интересы в Ираке сегодня ограничены участием в восстановлении экономики через западные компании на основе субподряда и получением иракских долгов.

ИОРДАНИЯ

Королевство находится в состоянии перманентного экономического и политического кризиса. В краткосрочной перспективе возможны внутриполитическая дестабилизация, связанная с усилением влияния исламских фундаменталистов и обострением противоречий палестинцев с остальным населением страны, ослабление королевского режима и углубление экономического кризиса. Приток беженцев из Ирака оказал негативное воздействие на положение в стране. Высока вероятность присутствия среди них значительного числа офицеров иракской армии и спецслужб и представителей истеблишмента. Возможный приток беженцев с палестинских территорий, в случае обострения палестино-израильского противостояния, может создать, при поддержке иракской «пятой колонны», условия для падения правящего режима в среднесрочной перспективе.

На территории страны действуют исламские террористические формирования, оппозиционные королевскому режиму. Их антиизраильская деятельность подавляется иорданскими спецслужбами в сотрудничестве со спецслужбами израильскими, однако выходцы с территории королевства активно вовлекаются в действия «зеленого Интернационала» за его пределами, в том числе в Чечне. Король заинтересован в ослаблении политической активности исламистов, контроле над палестинцами, сохранении статус-кво в отношениях с Израилем, в первую очередь в сфере водного баланса, в тесном экономическом и политическом взаимодействии с Западом. Возможности воздействия на внутриполитическую ситуацию в стране короля Абдаллы значительно слабее, чем у его отца, короля Хусейна.

Иракская война оказала негативное воздействие на экономику Иордании, с начала ирано-иракской войны тесно связанную с Ираком в качестве главного экспортно-импорт-

ного маршрута транзита товаров и энергоносителей через порт Акаба. Иордания – ключевая арабская страна в создаваемой США ближневосточной коалиции, одна из главных тыловых баз обеспечения ее войск, контролирующих Ирак. В случае конфликта США с Саудовской Аравией Хашимитское королевство – главный потенциальный союзник Америки. Династия Хашимитов – единственно возможная замена Саудидов. Их возвращение в Мекку и Медину в глазах исламского мира может быть сравнительно легитимным.

Российские интересы в Иордании выражены слабо. Расширение их связано с потенциалом экономического сотрудничества, в том числе в сфере ВТС, и сотрудничеством в борьбе с терроризмом.

СИРИЯ

Переходный период, в течение которого президент Б. аль-Асад должен был доказать сирийскому истеблишменту и внешнему миру, что он на деле может контролировать наследство своего отца, Хафеза аль-Асада, завершен. Сирийская модель передачи власти в рамках «республиканской монархии» в настоящий момент является примером для арабского мира и исламских республик бывшего СССР. Режим умеренными темпами проводит модернизацию экономики при сохранении внутриполитического статус-кво. Сирия сохранила контроль над Ливаном после вывода с юга этой страны израильских войск и распада Армии Южного Ливана, избежав прямого военного столкновения с Израилем. Мирные переговоры, почти завершённые к моменту начала интифады Аль-Акса, заморожены и могут быть возобновлены только в случае качественного изменения ситуации или под давлением США. Последнее в настоящий момент маловероятно.

Сирия поддерживает прочные отношения с Ираном, в том числе по вопросам паломничества иранцев к шиитским святыням, расположенным на территории Сирии, а также контроля над шиитскими вооружёнными формированиями и террористическими группировками, базирующимися на юге Ливана. Активность исламистов на территории самой Сирии жестко контролируется, и их дестабилизирующее воздействие минимально. Это же касается беженцев из Ирака, в том числе представителей баасистской и государственной элиты, руководства армии и спецслужб. Их количество, наряду с информацией о переводе в Сирию иракских финансовых активов, значительной части вооружений и, возможно, оружия массового поражения, привели к охлаждению сирийско-американских отношений и переходу Сирии в глазах администрации США в первый эшелон кандидатов на «демократизацию», наряду с Саудовской Аравией. Сирия может быть использована иракским эмигрантским истеблишментом как база, в том числе для организации сопротивления войскам коалиции на территории Ирака, а также как транзитный пункт для перемещения на Запад и в другие страны БСВ. Наличие на территории страны собственного неядерного ОМУ, «иракское наследство», связь с Ираном и поддержка террористов в Ливане могут стать поводом для силовых действий США против Сирии, как уже стали поводом для введения по отношению к ней санкций. Этому способствует также прямая конфронтация Сирии и США в ООН. Сирия поддерживает тесные отношения с государствами ЕЭС, в первую очередь с Францией, однако после иракской войны «европейский щит» более не является гарантом безопасности. Традиционно напряжённые отношения Сирии с соседями к моменту начала иракской кампании были нормализованы или перешли из острой в латентную фазу. При этом действия США против Сирии будут поддержаны не только Израилем, но и, с большой степенью вероятности, Турцией, а Ливан и Иордания в этом случае останутся нейтральными.

Российские интересы в Сирии чрезвычайно широки и связаны как с ВТС и сотрудничеством в сфере промышленности, сельского хозяйства, торговли и, потенциально, туризма, так и с обсуждением вопросов задолженности этой страны России. Россия имеет в Сирии значительный, но уменьшающийся с течением времени лоббистский потенциал, основанный на связях времен СССР. При этом вестернизация БСВ в целом и Сирии в частности ставит под сомнение возможность долгосрочного сохранения высокого уровня российско-сирийских отношений в условиях конкуренции со странами ЕЭС.

ЛИВАН

Страна раздроблена, находится в перманентном экономическом и политическом кризисе с середины 1970-х гг. и в настоящий момент фактически управляется Сирией. Правительство слабо и не контролирует большую часть территории страны, армия несравнима по численности и профессионализму с этноконфессиональными милициями, а сирийские оккупационные войска являются главной силой, цементирующей национальное единство, и гарантом невозобновления гражданской войны. Ливан является одним из главных центров наркоторговли в Восточном Средиземноморье. Вывод израильских войск с юга страны и распад Армии Южного Ливана не стали основой стабилизации и урегулирования отношений с Израилем. Формально этому препятствует конфликт вокруг «ферм Шебаа», фактически же юг контролируется не войсками правительства, а находящимися в состоянии войны с Израилем, при поддержке Ирана и Сирии, боевиками движений «Амаль» и «Хизболла».

Ливан может быть использован исламскими террористическими группировками и ветеранами иракской армии и спецслужб в качестве базы подготовки вооруженного сопротивления войскам коалиции в Ираке, плацдарма для организации диверсионно-террористической деятельности против Израиля, транзитного пункта при перемещении на Запад и в другие страны региона, а также центра финансовой деятельности. Ослабление Сирии и ухудшение ее отношений с США в результате иракской войны может стать поводом для того, чтобы Америка добилась ухода сирийских войск из Ливана при поддержке значительной частью ливанского истеблишмента, в том числе лидеров христиан и друзов. Последствия этого непредсказуемы, вплоть до возобновления гражданской войны и распада Ливана в краткосрочной перспективе. В последнем случае возможно возобновление широкомасштабных военных действий на юге страны, как со стороны исламистов против Израиля, так и ответных – израильской армии. Высока вероятность участия в них иракских военных, нашедших убежище в Ливане и Сирии.

Российские интересы в Ливане незначительны, сосредоточены в сфере торговли и, в малой степени, туризма.

ПАЛЕСТИНСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Палестинские территории с начала интифады Аль-Акса находятся в состоянии войны с Израилем. Ставка правительства ПНА на краткосрочный кровопролитный конфликт, который должен был завершиться вводом на территории европейских «миротворцев» по косовскому сценарию и обеспечить последующую «балканизацию» ситуации, не оправдалась. Отношения Я. Арафата с США практически заморожены, израильское правительство объявило о том, что оно выбирает – депортировать его или ликвидировать, а исламские террористические группировки начали терять союзников и покровителей даже в традиционно антиизраильской Европе. Экономика и инфраструктура Палестины разрушены, отношения с Израилем, в том числе в сфере занятости палестинской рабочей силы, потерпели необратимый урон. Итоги иракской войны стали шоком для палестинской улицы и истеблишмента. В то же время они не привели к остановке интифады, так как в ее продолжении заинтересовано значительное число группировок и лидеров, борющихся за власть и практически неподконтрольных Арафату, лидерство которого в настоящее время зависит от того, насколько активно он сам вовлечен в террористическую войну против Израиля.

Провал попытки американцев дублировать полномочия Я. Арафата с помощью правительства А. Мазена и лишить его влияния на палестинские спецслужбы обусловил новый виток конфликта.

Палестина является одним из главных мировых фронтов военной активности «исламского Интернационала», полигоном для масштабных испытаний современных методов террористической борьбы в городских условиях. При отсутствии радикального решения – долгосрочной оккупации войсками Израиля или, в крайнем случае, США и сохра-

нении внешней финансово-организационной поддержки со стороны исламского мира палестино-израильское противостояние, предположительно, продлится не менее 10–15 лет. Масштабная арабо-израильская война, как следствие этого конфликта, маловероятна по причине наличия опыта, извлеченного исламским миром из второй иракской войны.

Не исключено, что администрация США, в краткосрочной перспективе вынужденно демонстрируя исламскому миру «объективность» своей ближневосточной политики, добьется от Израиля, в качестве компенсации за Афганистан и Ирак, ухода с палестинских территорий на основании модифицированного плана мирного урегулирования. В этом случае конфликт перейдет в скрытую фазу и может спровоцировать как гражданскую войну в Палестине, так и масштабные военные действия Израиля против палестинского национального образования, вплоть до реализации идеи трансфера, последствия которого могут изменить всю геополитическую карту БСВ.

В то же время клановая структура палестинского общества, препятствующая созданию в ПНА общего административно-экономического пространства и достижению политического консенсуса вне сферы влияния Я. Арафата, экономическая несостоятельность Палестины и ее зависимость от отношений с Израилем, светский характер и высокий уровень образования палестинского истеблишмента позволяют предположить возможность создания в долгосрочной перспективе экономической и политической коалиции Палестины с Израилем, а возможно и с Иорданией, в условиях пресечения внешнего влияния, провоцирующего конфликт и усиление террористической борьбы. Ключевым фактором в этом является кардинальное изменение палестинской информационной политики и деятельности образовательных учреждений, зомбирующих палестинскую молодежь и фактически выполняющих в настоящее время роль «фабрики джихада».

ИЗРАИЛЬ

Падение режима С. Хусейна ослабило антиизраильский фронт арабских государств, оказало деморализующее воздействие на руководство пограничных с Израилем враждебных ему стран и ликвидировало главный фактор военной угрозы на восточном направлении. В то же время оно никак не сказалось на уровне палестинского террора, являющегося в настоящий момент главной опасностью для израильского населения и государства Израиль в целом. Американское давление на Израиль с целью завершения процесса палестино-израильского урегулирования усилилось. Давление это призвано продемонстрировать арабскому и исламскому миру объективность ближневосточной политики США, хотя противоречит реалиям палестино-израильского противостояния и объективным возможностям пресечения террора и в конечном счете ставит Израиль под удар значительно более опасный, чем потенциальная иракская угроза. Принимая всерьез декларации США о «крестовом походе против международного терроризма», следует признать, что американские действия в отношении Ирака были столь же избыточны, сколь недостаточны по отношению к палестинцам. Намечившаяся по завершении иракской кампании корректировка курса США в отношении Я. Арафата является первым шагом по отходу от политики двойных стандартов в этом вопросе.

Израиль вынужден следовать в фарватере американской политики. Это связано как с военно-политической и экономической зависимостью от США, так и с общим кризисом израильской национальной идеи, деградацией политического истеблишмента и его ориентацией на Вашингтон. Объективно Израиль заинтересован в установлении режима долгосрочного непосредственного присутствия армии США в регионе и втягивании Америки в региональные проблемы. В этом случае он может играть роль стратегически важной базы тылового обеспечения американской армии и ликвидация палестинского террора для США перейдет из плоскости политического диалога в сферу реальной военной политики, в том числе собственно американской.

Израиль является, наряду с Америкой, главной целью «исламского Интернационала» и его союзников, как европейских, так и из числа лидеров стран третьего мира. Создание

тройственного американо-российско-израильского антитеррористического альянса может стать адекватным ответом на эту угрозу, придав сбалансированность израильской внешней политике. Палестинизация антироссийского террора в Чечне сближает Израиль с Россией и может содействовать этому. Не исключено и возобновление, под давлением Америки, курса на нормализацию отношений с Израилем ряда арабских стран.

В отношении палестинцев израильский истеблишмент реализует одновременно несколько взаимоисключающих планов: идет процесс переговоров, продолжается точечное уничтожение руководителей и организаторов террора, строится разделительный «электронный забор», проводится подготовка к реализации плана кантонизации автономии, укрепляется сотрудничество с Иорданией. В настоящий момент можно констатировать, что палестино-израильские отношения вошли в период длительной конфронтации.

Значительный, практически нереализованный потенциал российско-израильского сотрудничества включает финансово-кредитную сферу, в том числе выход России по израильскому каналу на западные инвестиционные рынки, медицину, НИОКР, туризм, академическую науку, образование, алмазообработку, ВТС, сферу высоких технологий, сельское хозяйство, промышленность, строительство, инфраструктуру, включая связь, телекоммуникации и транспорт, а также поставки энергоносителей, в том числе природного газа. Часть российско-израильских проектов, в первую очередь в сфере ВТС и поставок природного газа, была заморожена вследствие вмешательства США либо сорвана по причине «несостыковки» российской и израильской бюрократии. Эти же факторы мешают разворачиванию совместных программ борьбы с терроризмом.

Более миллиона выходцев из бывшего СССР, в том числе представители политической элиты Израиля, составляют вторую по численности после США русскоязычную общину мира. Израиль – единственное государство, не входившее в состав СССР, где значительная часть электората ориентируется на русскоязычные, в том числе российские электронные СМИ. Россия заинтересована в развитии сотрудничества с Израилем, реализации заложенного в нем потенциала и сохранении влияния на его русскоязычное население.

ТУРЦИЯ

Ликвидация багдадского режима обострила курдскую проблему, поставив на повестку дня возможность реализации планов создания курдского государства. Главной текущей задачей Турции является сохранение статус-кво турецкого Курдистана. Попытки взять под контроль часть иракского Курдистана маловероятны, как вследствие американского военного присутствия в этом регионе, так и в связи с возможностью вызвать цепную реакцию курдского сопротивления. Политический истеблишмент Турции не поддержал однозначно американскую операцию против Ирака, и это охладило отношения с США. Восстановление их является важным приоритетом турецкой внешней политики.

Отсутствие центральной власти и экономический хаос в Ираке, с одной стороны, способствовали замораживанию турецко-иракских противоречий из-за распределения водных ресурсов Двуречья, с другой – значительно снизили объемы экспорта, в том числе контрабандного, иракской нефти через турецкую территорию. Экономические и политические последствия войны для Турции в целом отрицательны. Падение режима С. Хусейна усилило позиции турецких исламистов, традиционно оппонировавших проамериканскому курсу турецкого генералитета. Проникновение на территорию Турции значительного числа иракских военнослужащих и представителей элиты маловероятно.

Взрыв террористической активности исламистов на территории Турции, поддерживающей тесные политические, экономические и военные связи с Израилем, стал новым вызовом для руководства страны. Террор, формально направленный против еврейской общины Турции и иностранных туристов, затронул интересы правящей элиты в большей

мере, чем в Марокко или Египте. Связано это как с секулярным характером турецкого государства, так и с этническими корнями современного политического исламизма, привносящими в происходящее элемент исторического конфликта между арабами и турками. Не случайна в этой связи позиция Израиля, играющего в организации борьбы с исламистским террором в Турции активную роль, в отличие от стран арабского мира, где роль его ограничивается информированием местных спецслужб.

Российские интересы в Турции, помимо туризма, челночной торговли и занятости в России турецких строителей, сосредоточены на поставках российского природного газа в рамках проекта «Голубой поток», в последнее время находящегося в кризисе, а также в развитии ВТС, значительный потенциал которого сдерживается конкуренцией с США на рынке турецких вооружений.

КИПР

В краткосрочной перспективе высока вероятность объединения острова под патронажем ЕС и США. Итоги иракской войны требуют от руководства Турции концентрации внимания на юго-восточной границе, отвлекая от поддержки турков-киприотов. Кипр заинтересован в усилении американского и британского присутствия на Ближнем Востоке. Возможно «растворение» на греческой части Кипра представителей иракской элиты. Кипр может быть использован исламистами как транзитный пункт при перемещении из стран БСВ на Запад, а также как центр финансовой деятельности.

Российские интересы на острове значительны и сосредоточены в сфере туризма, банковско-финансовом секторе и недвижимости. Выходцы из бывшего СССР, переселившиеся на Кипр в 1990-е гг., играют значительную роль в местной экономике.

ЕГИПЕТ

Слабость египетской экономики, зависимость от американской экономической и военной помощи и основные политические проблемы сегодняшнего Египта: вопрос передачи верховной власти (предположительно – Мубараку-сыну) и борьба с исламскими группировками, ведущими на его территории активную антиправительственную террористическую деятельность, требуют сохранения конструктивных отношений с США. Углубление необратимого демографического кризиса может в перспективе привести к падению режима либо к развязыванию им внешней агрессии, в первую очередь в отношении Судана. Полуофициальная дискриминация христиан-коптов и их вытеснение мусульманами будет продолжаться в обозримой перспективе. Египет заинтересован в наращивании своего влияния в арабском мире за счет Саудовской Аравии, финансирующей египетских исламистов, и поддержит антитеррористические и антисаудовские действия Америки.

Российские интересы в Египте в 1990-е гг. были ограничены туризмом и челночной торговлей. Восстановлению сотрудничества России с Египтом в сфере промышленности и сельского хозяйства препятствует отсутствие необходимых для этого свободных средств в обеих странах.

СУДАН

Страна находится в состоянии гражданской войны, значительная часть территории не контролируется правительством. Исламские группировки поддерживают правительственные войска в их борьбе с повстанцами-христианами и приверженцами традиционных культов: страна является одним из наиболее активных фронтов мирового джихада. Судан, как и Пакистан, можно рассматривать в качестве одной из опорных сил международных исламистских террористических организаций, поддерживаемых центральным правительством: на территории страны, согласно сведениям экспертов, располагается

значительное число тренировочных лагерей и баз исламистов. Значительную роль в Судане играют племенные конфликты. В 1990-е гг. фактически легитимной стала работорговля, приобретая массовый характер. В среднесрочной перспективе не исключен распад Судана, а также оккупация части его территории Египтом или «воссоединение» с ним. Высока вероятность террористических акций исламистов против западных резидентов, дипломатических миссий и представительств компаний. Ответная реакция в виде точечных обстрелов суданской территории также вероятна. Прямое военное вмешательство стран Запада в Судан маловероятно, так как местное население имеет давние традиции успешной партизанской войны против иностранных войск на своей территории. Высока вероятность «растворения» на территории страны значительного числа иракских военных и сотрудников спецслужб, использование ими Судана как базы антиамериканской террористической активности и пункта транзита в другие страны арабского мира и Африку.

Россия не имеет прямых интересов на территории Судана.

СТРАНЫ АФРИКАНСКОГО РОГА

Зона экономического кризиса, экологической и демографической катастрофы. Государства региона, за исключением города-порта Джибути, находятся в состоянии перманентного военного конфликта, основой которого является распад бывшей эфиопской империи на христианское ядро и исламскую периферию. Эритрея и Сомали – основные военные соперники Эфиопии – служат базой для ряда террористических военизированных формирований, в том числе исламистских. В перспективе высока вероятность пополнения их рядов бывшими иракскими военнослужащими. В Сомали, где центральная власть отсутствует, роль главной внешнеполитической силы играет Саудовская Аравия. Этнический состав населения препятствует его широкому вовлечению в состав исламистских группировок, действующих за пределами региона, однако местные исламисты активно действуют в граничащих с Сомали и Эфиопией странах Черной Африки, участвуя в племенных войнах и поддерживая сепаратистов, конфликтующих с их правительствами.

Уровень антизападных настроений в регионе исходно высок, иракская война не изменила этого. Военное вмешательство Запада в региональные конфликты маловероятно. Это в первую очередь касается Сомали, где миротворческая миссия ООН потерпела провал в начале 1990-х гг.

Российские интересы в странах Африканского Рога минимальны и в настоящее время сосредоточены на вопросах связей с Эфиопией, в том числе в сфере ВТС.

ЛИВИЯ

Авторитарный ливийский режим, в течение долгого времени находившийся в открытой конфронтации с Западом из-за поддержки международного терроризма и контролирующей значительные запасы нефти, мог разделить судьбу Ирака. Ливия уязвима с военной точки зрения и в случае военного конфликта с США не могла надеяться на внешнюю поддержку. М. Каддафи, экстравагантная внешняя политика которого фактически оставила его в изоляции как в арабском и исламском, так и в африканском мире, был столь явно заинтересован в налаживании отношений с Западом, в первую очередь со странами ЕС и США, что предпринял беспрецедентные для него шаги. Вероятность конфликта в среднесрочной перспективе невелика вследствие демонстративного отхода правящего режима от поддержки международного терроризма. Ливия в настоящее время не имеет амбиций в отношении создания ОМУ, однако в недавнем прошлом проекты такого рода на ее территории могли реализовываться, в том числе на базе урановых руд оккупированного чадского Аозоу. Исламистские группировки в Ливии уничтожены правящим режимом, и их активность на территории страны минимальна. Пребывание в Ливии представителей иракского истеблишмента под жестким контролем возможно, но их антиамериканская активность без санкции Муамара Каддафи исключена.

Россия заинтересована в сохранении уровня сотрудничества с Ливией, достигнутого во времена СССР и антиливийских санкций ООН, в первую очередь в сфере нефтедобычи, однако вероятность этого невелика.

ТУНИС

Наиболее вестернизированная страна Магриба, ориентирующаяся на ЕС, в первую очередь – на Францию. Режим успешно контролирует внутривосточную ситуацию, в том числе деятельность местных исламистов. Антитеррористические действия США в зоне Магриба с высокой степенью вероятности будут поддержаны Тунисом, особенно если приведут к ослаблению его соседей – Алжира и Ливии. Возможно «растворение» на территории страны части иракской элиты, а также использование Туниса международными исламистскими организациями как базы отдыха, центра финансовой деятельности и транзитного пункта при перемещении из стран БСВ на Запад.

Российские интересы в Тунисе сосредоточены в сфере торговли и туризма.

АЛЖИР

Страна находится в состоянии гражданской войны, значительная часть территории контролируется не правительством, а партизанами-исламистами. Алжир является одним из наиболее активных в мире фронтов военно-террористической активности исламских группировок. Результаты иракской войны лишь усилили эту активность. В среднесрочной перспективе не исключен возврат к власти алжирских исламистов.

Этническая (арабо-берберский конфликт) и религиозная (действия партизан-исламистов против мирного населения и правительственных войск) составляющие алжирской гражданской войны взаимно дополняют друг друга. Светский Алжир заинтересован в экономической интеграции со странами ЕС, в первую очередь с Францией, притоке зарубежных инвестиций и, возможно, внешней военной помощи в борьбе с исламистскими партизанами. Последнее может быть использовано исламистами для расширения масштабов своей деятельности: население Алжира имеет прочные исторические традиции военного сопротивления любым иностранным войскам, вступающим на его территорию.

Эмигранты из Алжира, в том числе нелегальные, составляют основу арабского населения Франции. В их среде чрезвычайно активно действуют как исламские организации, в том числе террористические, так и антиглобалисты. Пресечение деятельности алжирских исламских организаций, на территории самой страны и в диаспоре, может в корне подорвать влияние «зеленого Интернационала» в Европе. Не исключено «растворение» на территории страны части иракской элиты, а также использование ею Алжира как транзитного пункта при перемещении на Запад.

Россия заинтересована в восстановлении уровня сотрудничества с Алжиром, достигнутого во времена СССР, в первую очередь в ВТС, газо- и нефтедобыче и нефтехимии, однако вероятность этого невелика вследствие конкуренции со стороны стран Запада.

МАРОККО

Умеренно консервативная монархия, тесно интегрированная в европейскую экономику через сеть связей с Испанией и Францией, традиционно считалась до последнего времени одной из наиболее стабильных стран Магриба. Королевский режим контролировал религиозную и политическую сферы, включая деятельность улемов и исламских партий. Одним из показателей стабильности считалась открытая деятельность еврейской общины страны, представлявшая абсолютное исключение в арабском мире, и неформальные, но широко известные связи марокканской династии с Израилем.

Не исключено «растворение» на территории страны части иракской элиты, а также использование ею Марокко как транзитного пункта при перемещении на Запад. Беспрецедентная активизация террористической деятельности марокканских исламистов после иракской войны, направленная в равной мере против королевского двора, европейцев и местных евреев, доказала, что в Марокко существует разветвленная система военизированных исламских формирований, которая может быть мобилизована в кратчайшие сроки.

Руководство страны заинтересовано в пресечении деятельности исламистов, однако эффективность и жесткость режима короля Мухаммеда не могут идти в сравнение с методами, практиковавшимися его отцом, королем Хасаном. Усиление влияния исламистов в Марокко в краткосрочной перспективе может привести к радикализации политической системы страны и выходу отдельных ее провинций из-под контроля центральной власти по алжирскому образцу. В случае, если центральная власть не сможет поставить марокканских исламистов под контроль, высока вероятность вмешательства войск стран НАТО, в первую очередь Испании и Франции. Вероятность масштабного сопротивления им местного населения невелика.

Марокканские эмигранты, в том числе нелегальные, составляют основу арабского населения Испании и значительную часть арабов Франции. Исламские организации и антиглобалисты действуют среди них столь же эффективно, как и в алжирской диаспоре. Пресечение их деятельности может значительно осложнить дальнейшее распространение воинствующего политизированного ислама в Европе.

Российские интересы в Марокко лежат в сфере торговли и использования природных ресурсов, как минеральных, так и запасов биомассы марокканского шельфа.

СТРАНЫ САХЕЛЯ

Дальняя периферия исламского мира, историческая зона исламского миссионерства, Сахель не играет значимой роли для внешнего мира. Характерными особенностями региона являются слабый уровень развития экономики, перманентный конфликт мусульман с христианами и анимистами, племенные противоречия, необратимый экологический и демографический кризис, коррумпированность местных элит. Мусульмане-эмигранты из стран региона в Европе частично вовлечены в антиглобалистское движение, однако расовые стереотипы, присущие консервативному ядру арабского мира, препятствуют их массовому вовлечению в военизированные группировки «исламского Интернационала».

Россия не имеет выраженных интересов в Сахеле, за исключением разовых контрактов по ВТС и завершения проектов советского периода.

ЧЕРНАЯ АФРИКА

Регион является зоной глобального кризиса: экологического, экономического, демографического и политического. Военные перевороты, гражданские войны и племенные конфликты имеют беспрецедентные масштабы, периодически приводя к геноциду. Перманентное вооруженное вмешательство бывших колониальных держав, как единственный действенный метод нормализации внутривнутриполитической ситуации значительного числа африканских стран, позволяет говорить об Африке как регионе, где полноценная государственность не состоялась. Агрессивный национализм местного населения привел к массовому оттоку из региона выходцев из бывших колониальных метрополий и стран Азии. Это подорвало экономику региона, придав ей выраженный сырьевой характер. Особая роль Южно-Африканской Республики с ее развитой экономикой, ВПК и ядерными технологиями связана с экономической рентой, основа которой была создана в период апартеида. В связи с массовым оттоком неафриканского населения страна может в среднесрочный период лишиться основных преимуществ.

Для исламских экстремистов Черная Африка является тыловой базой, а также источником значительных финансовых поступлений, как за счет эксплуатации ее природных ресурсов, в том числе нелегальной (поставка «кровавых алмазов» из зон вооруженных конфликтов на мировой рынок), так и опирающихся на торгово-промышленную систему, сохраненную и расширенную арабами после иммиграции европейцев и индийцев. Не исключена утечка из Африки в страны исламского мира, конфликтующие с США, ядерных технологий (ЮАР) и материалов.

Традиционная, со времен работорговли, связь арабских торговцев с местными племенными вождями, ослабленная в период колониализма, возродилась и вышла на новый уровень после получения африканскими странами независимости. Значительное число и высокий уровень вовлеченности африканских стран в мировую политику, в первую очередь через инфраструктуру ООН, позволяет им быть «ударным отрядом» третьего мира в борьбе против глобализации, в значительной мере режиссируемой исламистами. Именно этим альянсом можно объяснить развернутое первоначально на Конференции в Дурбане по правам человека в 2001 г., а сегодня имеющее мировой масштаб политическое наступление на глобализацию, США, «мировой сионизм» и «европейский неоколониализм».

Как реакция на это в кратко- или среднесрочной перспективе не исключен возврат к тем или иным формам прямого правления европейских стран на Африканском континенте. События 11 сентября возродили идею колониализма как единственной формы действенного контроля над ситуацией в регионах, где отсутствует устойчивая система собственного государственного контроля, интегрированная в западный мир. Иракская война рассматривается значительным числом экспертов и политиков как репетиция возвращения к методам управления третьим миром, характерным для первой половины XX в. Правительства стран Африки, даже опирающиеся на экономическую поддержку Запада, одновременно заинтересованы в его ослаблении, тем более что их реальные интересы, вопреки предвыборным декларациям, не связаны с программами долгосрочного развития.

Как следствие, борьба за контроль над Африкой и ее ресурсами может в среднесрочной перспективе стать основой одного из ключевых конфликтов между Западом, в первую очередь странами Европы, вытесняемыми США с Ближнего и Среднего Востока, и исламским миром.

Российские интересы в Африке сосредоточены в сфере ВТС и разработке ряда сырьевых отраслей в странах – бывших сателлитах СССР.

Приглашаем вас в Клуб ПИР-Центра

– источник эксклюзивной информации по проблемам международной безопасности

Основанный в 2000 г., Клуб ПИР-Центра объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Клуб ПИР-Центра – это:

- место встречи дипломатов, журналистов, ученых и представителей бизнес-сообщества для обсуждения в узком кругу актуальных вопросов международной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями;
- факты из «первых рук» от ведущих государственных и неправительственных экспертов из России и зарубежных стран;
- оперативное и квалифицированное знакомство с широким спектром мнений в России и за рубежом по животрепещущим вопросам безопасности.

Членом клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на все периодические издания ПИР-Центра: журналы *Ядерный Контроль* (на русском и английском языках) и *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*, которые доставляются курьером в день выхода журналов из печати;
- **подпиской** на электронные издания ПИР-Центра *Вопросы Безопасности* (на русском и английском языках) и *Ядерный Контроль: Информация*;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **приглашениями** на заседания **Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра**, который объединяет ведущих российских правительственных и неправительственных экспертов в области международной безопасности и нераспространения оружия массового уничтожения. Заседания Экспертно-консультативного совета проводятся **шесть раз в год**;
- **приглашениями** на ежеквартальные заседания **Клуба ПИР-Центра**;
- **приглашением** на международную конференцию «**Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения**», которая пройдет в Москве 23–24 апреля 2004 г.;
- **приглашениями** на все прочие мероприятия, проводимые Центром (семинары, конференции, пресс-конференции);
- **доступом** к информационным базам данных ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека и научные архивы);
- **доступом** к специально созданному для членов Клуба разделу в сети Интернет.

**За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб просьба обращаться к помощнику директора ПИР-Центра
Елене Полидва:**

**Тел.: (095) 234-9558, факс: (095) 234-9558
e-mail: polidva@pircenter.org**

ОТМЕТЬТЕ ЭТУ ДАТУ В СВОЕМ КАЛЕНДАРЕ:

**23–24 апреля 2004 г.
Международная конференция**

**«Глобальное партнерство стран
“Большой восьмерки” против
распространения оружия и материалов
массового уничтожения»**

Место проведения: Отель «Гранд Марриотт», Москва.

Организаторы: ПИР-Центр политических исследований в России и Совет по устойчивому партнерству для России (СУПР).

В конференции планируется участие более 150 ведущих государственных и неправительственных экспертов из стран-участниц Глобального партнерства (включая представителей Правительства РФ, МИД РФ, Минатома РФ, Министерства обороны РФ, Российского агентства по боеприпасам), представителей законодательной власти, представителей крупнейших российских и зарубежных научно-исследовательских организаций, а также компаний, участвующих в практической реализации проектов сотрудничества.

На конференции с докладами выступят министр по атомной энергии России А.Ю. Румянцев, заместитель министра по атомной энергии России С.В. Антипов, помощник Председателя Правительства РФ Н.И. Калинина, посол по особым поручениям А.И. Антонов, первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ Ю.Н. Балувский.

Среди приглашенных российских докладчиков помощник Президента РФ по стратегической стабильности И.Д. Сергеев, генеральный директор Российского агентства по боеприпасам В.И. Холстов, начальник 12-го ГУМО И.Н. Валынкин.

В течение двух дней на конференции будет обсуждаться широкий круг проблем, относящихся к Глобальному партнерству, включая интересы и приоритеты участников программы, механизмы ее реализации, успехи и неудачи конкретных проектов сотрудничества, правовые и институциональные аспекты осуществления программ содействия России, вопросы обеспечения устойчивости Глобального партнерства и роли неправительственных организаций в достижении этой цели.

По словам генерального директора Российского агентства по боеприпасам В.И. Холстова *«Конференция окажет существенное влияние на всестороннюю поддержку России в выполнении взятых ею конвенционных обязательств»*.

**Для получения более детальной информации обращаться
к координатору конференции
Елене Полидва:**

**Тел. (095) 234-0525; факс (095) 234-9558;
E-mail: polidva@pircenter.org**

Похоже, что и 2004 г. пройдет под знаком пристального внимания к «вечно незавершенному» процессу нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Становится также очевидным, что основной упор будет сделан на недопущение возможности соприкосновения терроризма с технологиями, пригодными для создания оружия массового уничтожения (ОМУ-технологии), пусть даже и в самом примитивном варианте. Обе темы неисчерпаемы и как бы стимулируют друг друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ 2003 ГОДА

Итоги 2003 г. неоднозначны. С одной стороны – тесное взаимодействие по глобальным аспектам нераспространения между лидерами «восьмерки» и успех встречи в Эвиане, подтвердившей и развившей принципиальные договоренности по Глобальному партнерству в деле нераспространения, достигнутые годом раньше в Кананаскисе, а также разной степени полезности дискуссии в ходе десятков многосторонних встреч и сотрудничество в рамках двусторонних рабочих органов, включая спецслужбы, активная роль неправительственных организаций и некоторое укрепление национальных и международных режимов контроля за движением ОМУ-технологий и т.п. С другой стороны – первая в истории полнокровная война под предлогом разоружения и уничтожения якобы тщательно спрятанного ОМУ Ирака, в результате которой диктаторский режим С. Хусейна был свергнут, сам диктатор в конце концов был найден, а ОМУ Ирака так и не было найдено (сохранилось ли оно после многолетней успешной деятельности спецкомиссии СБ ООН?). Страна оккупирована, идущая там партизанская война выдается за свидетельство подрывной деятельности иностранных террористов и, таким образом, оказывается, что с самого начала дело было не в ОМУ. Это и некоторые избирательные акции давления, такие как угрозы повторения иракского варианта в отношении Сирии, Ирана и в особенности КНДР, руководство которой хорошо умеет балансировать на грани конфликта, и многие другие менее значимые ситуации – все это привело к серьезной перегрузке всей структуры международных отношений и к появлению заметной трещины между странами, ранее достаточно едиными в деле борьбы с распространением ОМУ. На наш взгляд, во многом современные трудности на нераспространенческом направлении связаны еще и с тем, что традиционная, глобалистская повестка дня несколько зашла в тупик и в ряде случаев фрагментировалась, сконцентрировавшись на решении пусть и полезных, но все же достаточно второстепенных вопросов.

На самом деле, на фоне развивающихся тревожных тенденций, вне центра внимания долгое время оставались крупнейшие злободневные проблемы – достижение универ-

сального характера международных договоров и соглашений в области ОМУ, вопросы легальности одностороннего применения силы и роли ООН в этом случае, современного подхода к понятию суверенитета и многие другие. Во многих ситуациях ООН вообще как-то незаметно оказалась отодвинутой в сторону и стала утрачивать рычаги влияния на поведение некоторых своих влиятельных членов. Все это, видимо, давно беспокоило Генерального секретаря ООН К. Аннана, и руководство организации и в конце концов привело к формированию им консультативной группы, состоящей из умудренных опытом государственной деятельности представителей ряда ведущих стран для поиска ответов на новые и неординарные угрозы и вызовы в международных отношениях. К. Аннан поставил перед этой группой ряд ключевых вопросов, вызывающих нарастающие озабоченности: как наилучшим образом оградить мировое сообщество от атак международного терроризма и остановить распространение ОМУ, включая создание экстремистскими силами суррогатных, но от этого не менее опасных боевых средств на базе ОМУ-технологий, включая так называемые «грязные бомбы», и т.п.?

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ

Тогда в каких случаях возможно применение силы и кто должен дать на это санкцию? Можно ли при определенных обстоятельствах оправдать превентивную войну? Является ли государственный суверенитет абсолютным и нерушимым или понимание этого вопроса должно претерпеть эволюцию? И как тогда может выглядеть система сдержек и противовесов?¹

Конечно, с учетом происходящих и развивающихся на международной арене конфликтов и событий ООН еще вчера должна была иметь ответы на эти вопросы, особенно после того как обнажились серьезные разногласия в подходах к ним между постоянными членами СБ ООН, несущими основную ответственность за поддержание мира. Даже в НАТО среди союзников выявились разные точки зрения, ставшие одной из причин, побудивших США действовать в ряде случаев фактически в одиночку. Но ведь уже давно аксиомой является тот факт, что на долговременной основе такие глобальные проблемы, как нераспространение и терроризм, можно успешно решить только на базе консенсуса, а не путем лихих кавалерийских наскоков с целью, в основном, запугивания противника. Конечно, хитроумного и преследующего свои лично-семейные интересы М. Каддафи, может быть, на некоторое время и можно испугать, но остальные будут более трудными «клиентами», и о транспарентности в области ядерной и другой деятельности так называемых пролиферантов придется на время забыть.

В декабре 2001 г. Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета высказалась в том смысле, что в принципе можно допустить, что вмешательство может стать неизбежным, но для этого необходимо:

- установить более четкие правила, процедуры и определения того, требуется ли вообще вмешательство, и
- если да, то каким образом и когда можно его правомерно осуществлять.

Таким образом, и Комиссия, и К. Аннан не исключают, что при определенных обстоятельствах санкционированное ООН применение силы может стать неизбежным – надо только договориться о модальностях. Но как раз здесь мы сразу сталкиваемся с возражением США и некоторых их ближайших союзников, симпатизирующих продвигаемой Вашингтоном уже в течение более полутора десятков лет концепции контрраспространения с упором на одностороннее применение силовых методов. По большому счету, в самой идее «контрраспространения» нет ничего нового. Еще во времена президента Дж. Буша-старшего тогдашний министр обороны США (в настоящее время – вице-президент в администрации Дж. Буша-младшего) Д. Чейни вместе с рядом других ныне влиятельных деяте-

лей вашигтонской администрации подготовил документ под названием «Руководство по военному планированию». Клинтонская эпоха несколько притормозила развитие этого процесса, но он «пошел» и с приходом прежних идеологов к власти, уже при Дж. Буше-младшем, набрал большую инерцию, закончившуюся провозглашением известной «оси зла» и военной акцией в Ираке с целью уничтожения там ОМУ.

Что же такого нового произошло в политике нашего главного партнера по обеспечению глобальной стабильности? Администрация Дж. Буша-младшего просто одним махом превратила тактику упреждающих ударов из одной из возможных опций в основополагающий принцип своей внешней политики. Весь мир с сочувствием воспринял трагедию 11 сентября 2001 г., и именно тогда возникла, впервые за 50 лет, широкая внешнеполитическая коалиция для борьбы с чудовищным злом – международным терроризмом во всех его формах и проявлениях, что, будучи разумно и кооперативно использовано, со временем могло бы дать в рамках уважения международного права решающую победу над международным терроризмом и снять многие опасности в сфере распространения ОМУ. Но этого, к сожалению, в долгосрочной перспективе достичь не удастся.

Тому есть много причин: сложность и, к сожалению, во многом неподготовленность мирового сообщества на фоне высокой организованности того преступного экстремистского сообщества, которое бросило миру вызов, неадекватность правовой базы для борьбы с этим феноменом, скрытое, а иногда и открытое стремление разделить террористов на «настоящих» и так называемых борцов за свободу, а пролиферантов ОМУ-технологий на дружественных и принадлежащих к «оси зла» и т.п. Но все-таки главное видится в другом – Соединенные Штаты наконец почувствовали, что они сейчас настолько сильны, что смогут решать вопросы международной безопасности такими способами, какие они посчитают для себя наиболее приемлемыми, и предлагают миру присоединяться к создаваемым ими коалициям на американских условиях, что некоторые и делают, особенно тогда, когда это сулит политические и экономические выгоды.

Как известно, четкое официальное изложение основных элементов силовой составляющей контрраспространения имело место в «Стратегии национальной безопасности», озвученной в сентябре 2002 г. Бывший командующий Центральным командованием США (которое на практике осуществляет военные контрраспространенческие операции на Ближнем и Среднем Востоке) Дж. Хор по этому поводу сказал следующее: «Я думаю, что одна из ошибок, связанных с артикуляцией этой политики, заключается в том, что она вообще была сделана политикой». И далее: «Я иногда очень озабочен тем, что неоконсерваторы в Вашингтоне очень быстро пускают в ход военную карту»².

Несколько дальше идут некоторые российские аналитики, которые утверждают, что нынешнее доминирование США в вопросах нераспространения и борьбы с терроризмом при их стремлении к односторонним силовым действиям представляет даже большую угрозу, чем колоссальная угроза терроризма³. Это, конечно, эмоциональный всплеск, вызванный иракскими событиями. Да, в действиях нынешней американской администрации просматривается странный симбиоз легитимных и, прямо скажем, сомнительных с точки зрения международного права методов и приемов, отчетливо видны некоторые далеко идущие и узкокорыстные цели. Но в то же время есть и много достаточно здравых суждений и предложений, в том числе и о том, что «риск бездействия может быть так же велик, как и риск действия»⁴. Вообще-то сочетание цивилизованных и нецивилизованных способов во внешней политике характерно, видимо, для всех ведущих государств во времена острых международных кризисов. Однако именно здесь должна проявляться балансирующая роль СБ ООН, призванного с помощью логики правовой аргументации и моральной оценки отсекал имперские проявления. А вот что абсолютно очевидно – так это то, что России ни в коем случае нельзя соскальзывать на путь банального антиамериканизма и открытой конфронтации с США. За последние годы мы значительно улучшили двусторонние отношения и активно сотрудничаем на международной арене. И сейчас мы не можем от этого отказаться без ущерба для себя, тем более не ис-

пользуя достаточно широкие возможности по ограничению и нейтрализации их «переборов» во внешней и военной политике.

Предстоящая встреча на о. Морской и особенно ее подготовка – одна из таких возможностей. Конечно, в 2003 г. мы видели многие внешнеполитические действия США в сфере нераспространения, которые вызвали серьезную озабоченность и усиление разногласий в международной антитеррористической и антираспространенческой коалиции. Не говоря уже об иракской акции, которая с точки зрения нераспространения не достигла каких-то оправдывающих ее результатов (последние сообщения средств массовой информации говорят о «тихом» выводе тех 400 специалистов, которые после оккупации Ирака были посланы туда с жесткой установкой во что бы ни стало найти ОМУ Ирака), есть ряд других моментов, которые вызвали озабоченность у мирового сообщества⁵. Это прежде всего отмена Сенатом США закона Спратта – Фурса от 1993 г., наложившего запрет на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИ-ОКР), которые могли бы привести к производству Соединенными Штатами нового ядерного боеприпаса малой мощности. Пока еще не приняты дополнительные решения, но если они последуют, то судьба Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), видимо, будет предрешена, поскольку желающие воспользоваться подобным решением США есть, в том числе и под боком у Вашингтона. Вот это будет крупнейшей неудачей в деле укрепления режима ядерного нераспространения. Не порадовала позиция США и по Протоколу по верификации Конвенции по запрещению биологического и токсинного оружия (КБТО).

Главный спонсор Госдепартамента США по вопросам нераспространения Дж. Болтон заявляет в среде «переговорщиков», что Вашингтону в любой редакции неприемлем юридически обязывающий верификационный протокол КБТО. Видимо, происходят какие-то изменения в традиционных американских подходах к своему излюбленному «коньку» – контролю и проверке.

В мае 2003 г. на волне эйфории, связанной со сравнительно легкой победой над С. Хусейном, в Кракове последовала так называемая «Инициатива по безопасности в области нераспространения» (ИБОР). Содержащиеся там перспективные идеи относительно необходимости предотвращения перемещения по морю и воздуху запрещенных ОМУ-технологий и материалов двойного назначения перемежаются с претензиями на «суверенное право» США перехватывать, досматривать и конфисковывать грузы иностранных государств в международных водах на основании собственных решений, без обсуждения в каких-то международных органах. При этом делается ссылка на заявление общего характера и не имеющее юридической силы ротируемого ежемесячно Председателя СБ ООН, сделанное им еще в январе 1992 г. Силы действия США и небольшой группы «инициативников», среди которых, как это ни удивительно, оказались и те, кто выступал и продолжает выступать против иракской акции, были негативно оценены многими юристами-международниками, в частности и такими авторитетами в области нераспространения, как Т. Грэм и Дж. Гранофф, которые отметили, что инициатива не имеет должной юридической силы и по ряду ключевых положений полностью противоречит международно признанной Конвенции по морскому праву от 1982 г., которую США как участник обязаны защищать и поддерживать⁶.

На наш взгляд, в Вашингтоне все-таки поняли, что с ИБОР был некоторый «перебор» и надо искать более легитимные основания для своих действий. И, как следствие, 17 декабря 2003 г. появился американский проект резолюции СБ ООН, который делает соответствующие реверансы в сторону критиков, но идеи ИБОР в нем, естественно, присутствуют. Проект развивает выступление Дж. Буша на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2003 г., в котором также есть много такого, с чем можно полностью согласиться, но опять, как и в проекте резолюции от 17 декабря по нераспространению, есть скрытая, чисто американская программа действий: «Дайте нам хотя бы фиговый листок легитимности, а мы уж развернемся». Членам СБ ООН, видимо, надо быть очень осмотрительными и, по неосторожности, не дать свободу для таких последствий, о которых

они могут потом пожалеть. Выступая на заседании Совета безопасности России 3 декабря 2003 г., Президент РФ В.В. Путин заявил, что «действующие в сфере нераспространения ОМУ международные договоры не содержат механизмов гарантий безопасности как отдельных стран, так и мира в целом. Эти соглашения нельзя назвать универсальными, а предпринимаемые меры полностью адекватными степени современных угроз»⁷. И далее: «Любые попытки использовать эту тему в качестве инструмента политической и экономической конъюнктуры необходимо пресекать. Такие действия должны встречать сопротивление и соответствующую реакцию с нашей стороны».

Естественно, проблемы и озабоченности видятся не только с американского «угла». В конце концов, такой «рупор идей» президента Дж. Буша, как советник по национальной безопасности К. Райс, временами заявляет, что в Вашингтоне с самого начала понимали, что операции «по принуждению» могут проводиться только с большой осторожностью и количество ситуаций, в которых эта мера могла бы быть оправдана, будет небольшим. Это дает возможность вести диалог по проблеме⁸.

В 2004 г. выходит на «финишную прямую» подготовка к следующей Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), намеченной на весну 2005 г. Это, конечно, тема отдельного разговора, но на двух проблемах, прочно с ней связанных и вызывающих нарастающую тревогу, хотелось бы остановиться уже сейчас.

ВЫЗОВЫ ДНЯО

Первая из этих проблем – выход КНДР из ДНЯО и объявление ею о намерении иметь свое собственное ядерное оружие. Очевидно, что это очень тревожный сигнал для ДНЯО, который за истекшие годы к тому же так и не стал универсальной организацией. По мнению многих экспертов, развитие ядерной программы КНДР не имеет своей главной задачей укрепление боеспособности страны. Причины, по-видимому, кроются в своем, национальном видении стратегического сдерживания и стремлении обезопасить себя от возможной военной интервенции со стороны США, а также и в том, чтобы иметь «kozyрную карту» в той рискованной игре в «политический покер», которая долгое время, с приливами и отливами, ведется в Северо-Восточной Азии. Можно с небольшой долей уверенности говорить о некотором наблюдающемся сейчас смягчении первоначальной жесткой позиции США, но мы все еще очень далеки от возвращения к исходной позиции, т.е. от возвращения Пхеньяна в лоно ДНЯО и отказа его от создания ядерного оружия. Компромисс в данной ситуации может быть только пакетным и обязательно будет включать в себя коллективные гарантии безопасности КНДР и сохранение за ней права на ведение мирной ядерной программы под строгим международным контролем. Многие считают, что на некоторое время следует приветствовать сохранение статус-кво, но, на наш взгляд, понятие «определенное время» может оказаться контрпродуктивным и в очередной раз приведет к тому, что мы опоздаем и получим очередную де-факто ядерную державу и, соответственно, углубление кризисной ситуации на Корейском полуострове. Кроме того, в преддверии Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. за развитием корейской темы с возрастающим интересом наблюдают в ряде «пороговых» и «предпороговых» стран, и у некоторых из них экономические и технические возможности значительно большие, чем у КНДР, а геополитические амбиции ничуть не меньше.

Представляется, что сейчас появилось некое «окно возможностей» и для инициатив ООН, прежде всего в плане деликатного прерывания традиционной цикличности развития корейских кризисов и стимулирования поиска промежуточных решений в увязке с работой «шестерки», которая, кажется, находит свой *modus operandi*.

На наш взгляд, нет более красноречивого примера практики применения «двойных стандартов», чем весьма двусмысленная и опасная ситуация, сложившаяся с ядерным

распространением на Индийском субконтиненте. Увлечшись ликвидацией ядерного наследия Советского Союза и конфронтацией с «осью зла», все как-то просмотрели возникновение парадоксальной дилеммы: появления и укрепления двух совершенно реальных де-факто ядерных держав – Индии и Пакистана. Не являясь участниками ДНЯО, Дополнительного протокола и ряда других важных соглашений, эти страны, по крайней мере формально, не сдерживаются ничем, кроме материальных и финансовых возможностей, в наращивании своих ядерных потенциалов. Это можно сказать еще с большим основанием и о «старой» де-факто ядерной державе – Израиле, который, по общему убеждению, уже имеет несколько десятков единиц ТЯО. На субконтиненте нет надежных региональных сдерживающих и международных контрольных механизмов. Иногда указывают на известные двусторонние договоренности между странами о мерах доверия в ядерной области. Не преуменьшая позитивного характера этих инициатив, все же трудно отделаться от мысли, что, во-первых, мировое сообщество примирилось с существованием вне ДНЯО де-факто ядерных государств и, во-вторых, фактически не ищет путей более надежного решения этой крайне насущной проблемы. Наверное, мир зашевелится тогда, когда оба государства создадут ядерные потенциалы, сопоставимые с потенциалами остальных ядерных держав. Думается, что сложившаяся ситуация в регионе, подверженном длительному межгосударственному конфликту, с одной стороны, свидетельствует о том, что в повестке дня так называемого классического нераспространения изначально был просчет относительно перспектив угрозы ядерного распространения на региональном уровне и, во-вторых, допущено самое серьезное отставание в разработке концептуальных подходов к ликвидации стимулов и нейтрализации мотивации «аспирантов». Но ведь вечно быть инертными нельзя, и мировая общественность вправе ожидать от Генерального секретаря ООН, МАГАТЭ и других международных организаций морального лидерства в поиске путей преодоления нынешнего положения с учетом сложившихся реалий. Необходимость действовать оперативно диктуется постоянно поступающей информацией из Пакистана, который, похоже, стал «перевалочным пунктом» секретных ядерных и ракетных технологий⁹. Думается, что именно в этой стране, с учетом ее традиционных союзнических отношений с Вашингтоном, у наших американских партнеров есть огромное поле для деятельности в сфере укрепления режима экспортного контроля и пресечения незаконного перемещения технологий ОМУ и средств их доставки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы высказать, как написал в свое время в письме графу Шувалову М.В. Ломоносов, несколько «порознь пришедших мыслей»:

- Прежде всего, ощущается потребность в инициативе со стороны ООН и ведущих государств по предоставлению миру взвешенной и согласованной повестки первоочередных мер в области укрепления международной безопасности, которая бы вписывала ООН в новый, более демократичный мировой порядок с большей ролью институтов гражданского общества.
- Концепция силового контрраспространения является неадекватной по отношению к нынешнему уровню существующих опасностей и не может быть принята как однозначный ответ на возникшие вызовы и угрозы. В ноябре 2004 г. в США состоялись президентские выборы, как, впрочем, и в России в марте 2004 г. У Дж. Буша непростое внутриполитическое положение, и исторический опыт поведения правящих групп американской элиты в таких ситуациях свидетельствует о том, что ее склонность к «проведению» маленьких, но победоносных войн становится очень серьезным подспорьем в электоральной схватке, если не задумываться о внешнеполитических последствиях. Желательно общими усилиями мирового сообщества сделать все, чтобы уберечь Дж. Буша-младшего от шагов, чреватых тяжелыми для всех последствиями.

- С точки зрения стратегических интересов России важно в самое ближайшее время создать новый механизм (механизмы) для обеспечения транспарентности военной деятельности в мировом пространстве ведущих держав мира.
- ООН следовало бы прочнее вписаться в глобальную антитеррористическую коалицию, а желательно и попытаться заменить узкую коалицию на антииракской базе «желающих», которую США пытаются позиционировать сейчас как главный инструмент формирования «нового мирового порядка», на вновь оживленную на широкой международной основе антитеррористическую коалицию.
- В ближайшей перспективе главной проблемой с точки зрения «новых вызовов» в ядерном плане может стать угроза применения «грязной бомбы» или аналогичных суррогатных устройств на технологической базе других видов ОМУ и самых разнообразных средств их доставки. Следовательно, ООН должна всячески поддерживать усилия по созданию эффективных способов предотвращения и снижения ущерба от их возможного применения. При ООН желательно создать специальное агентство, которое, опираясь на выделенные развитыми странами соответствующие подразделения повышенной готовности и ресурсы, могло бы немедленно реагировать на случаи применения террористами «грязных бомб». Эти меры прежде всего должны быть ориентированы на развивающиеся страны, где применение террористами устройств на базе ОМУ-технологий или происшествие чрезвычайного порядка, вызванное технической неграмотностью экстремистов, могут иметь катастрофические последствия. В большинстве этих стран власти плохо подготовлены к их ликвидации, а население и критическая для выживания инфраструктура практически не защищены. Кроме того, необходимого набора специальных средств, а также опыта и методик по преодолению «психологических, социальных, экологических и радиологических последствий» терактов и случайных инцидентов практически не имеется. В данном случае свой вклад могли бы внести НАТО и Россия в форме совместных действий и инициатив по линии Совета России–НАТО, в работе которого уже накоплен определенный подходящий опыт.
- Мировое сообщество должно оказать всемерную поддержку ускоренному развитию и внедрению, естественно, безо всякой дискриминации, устойчивых к распространению ядерных, химических и биологических технологий, а также найти пути надежного сочетания нераспространенческих интересов мирового сообщества с потребностями развивающихся стран в ракетной сфере, и в этой связи представляется далеко не исчерпанным потенциал российской инициативы по Глобальной системе контроля за запуском баллистических ракет (ГСК).

Примечания

¹ Аннан Кофи. К более безопасному миру – сообщая. *Коммерсант*. 2003, 8 декабря.

² *International Herald Tribune*. 2003, January, 27.

³ Третьяков Виталий. Как нам теперь относиться к Америке. *Российская Газета*. 2003, 27 марта.

⁴ *International Herald Tribune*. 2002, August, 19.

⁵ Уже после своей отставки в январе 2004 г. глава инспекционной группы американских оккупационных войск Д. Кэй заявил, что еще в середине 1990-х гг. Ирак решил отказаться от программы производства незаконного оружия, так как сильно опасался инспекций ООН. Иракцы не хотели, чтобы их уличили в наличии такого оружия, так как понимали, что ООН будет действовать еще более эффективно (это к вопросу об американской пропаганде о том, что специальная комиссия СБ ООН является неэффективным инструментом контроля за выполнением решений Совета Безопасности). Кроме того, Д. Кэй опроверг распространявшуюся Пентагоном и Государственным де-

партаментом информацию о том, что Ирак якобы перевез какое-либо неконвенциональное оружие в Сирию (это к вопросу об официальном использовании дезинформации для влияния на международное общественное мнение в рамках подготовки очередных силовых акций в контексте односторонней реализации доктрины контрраспространения).

⁶ Письмо *Bipartisan Security Group* от 11 сентября 2003 г.

⁷ В.В. Путин заявляет, что действующие в сфере нераспространения ОМУ международные договоры не содержат механизмов гарантий. *РИА Новости*. 2003, 3 декабря.

⁸ Gordon R. Michael. *International Herald Tribune*. 2003, January, 27.

⁹ *Financial Times*. 2003, December, 24.

В последние годы проблемам Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) уделялось пристальное внимание в исследованиях зарубежных и российских экспертов. Спектр причин такого внимания достаточно широк: от нарастания тревожных тенденций в сфере нераспространения до серьезных изменений в политике США в области безопасности, в том числе связанных с вопросами ДНЯО. Последнее тому подтверждение – решение КНДР о выходе из Договора и появление озабоченности у международного сообщества в отношении транспарентности иранской ядерной программы. Очевидно, что по мере приближения к очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (2005 г.) интерес к данным вопросам будет возрастать.

Не претендуя на всеобъемлющий охват проблемы, хотелось бы затронуть в данной работе лишь один из вопросов – концепцию НАТО по «совместному управлению (контролю)» – «nuclear sharing» – ядерным оружием (СУЯО), точнее: совместима ли эта концепция с буквой и духом ДНЯО? Разумеется, нельзя в этом контексте обойти и проблему американского ядерного оружия (ЯО) в Европе и подключения «новобранцев» НАТО к СУЯО.

В зарубежной литературе данные вопросы неоднократно ставились экспертами неправительственных организаций (например, О. Нассауэром, директором Берлинского информационного центра по трансатлантической безопасности; М. Батчером, директором политики в области безопасности, «Физики за социальную ответственность»; Д. Плешем, директором американо-британского Совета по информационной безопасности и др.). Официальные же представители натовских стран избегают комментировать вопросы, связанные с СУЯО, в том числе в рамках мероприятий обзорного процесса ДНЯО. Складывается впечатление, что для них такой проблемы просто нет. Или же они боятся вступать в дискуссии, чувствуя слабость своей позиции?

Как представляется, российские эксперты еще недостаточно глубоко исследовали данную проблему. Наши официальные представители на различных мероприятиях в рамках рассмотрения функционирования ДНЯО неохотно упоминают вопрос о СУЯО. Явно просматривается боязнь «обидеть» натовских друзей, «закрыть глаза» на данную проблему. Сказывается и недостаток специалистов, способных проанализировать ДНЯО и СУЯО в комплексе. К мнению же неправительственных организаций отношение российских чиновников всегда было, мягко говоря, сдержанным.

Как представляется, такое положение не может и не должно удовлетворять кого бы то ни было. Проблема СУЯО в контексте ДНЯО затрагивает в том числе и такую важную тему, как наличие тактического ядерного оружия (ТЯО) США на Европейском континенте, и ядерную политику НАТО в целом. Излишне повторять, как чувствительны данные вопросы для национальной безопасности нашей страны, в то время как участники альянса, по крайней мере часть из них, не смущаясь критикуют российские подходы к различным аспектам ДНЯО, в первую очередь по вопросам сокращения ТЯО.

Анализ документов по истории выработки ДНЯО подталкивает к выводу о том, что многие страны до конца не понимали (или не обратили внимание?) натовскую интерпретацию легитимности СУЯО в рамках Договора. Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с современным пониманием большинства стран-участниц Договора (разумеется, не входящих в НАТО или не имеющих с альянсом партнерских отношений) СУЯО противоречит духу и букве ДНЯО, а конкретно – 1 и 2 статьям этого Договора.

Здесь необходимо напомнить, что зафиксировано в этих двух статьях. Статья 1 гласит: «Каждое из государств-участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие взрывные устройства, а также **контроль** (здесь и далее выделено автором) над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также **контроля** над таким оружием или взрывными устройствами».

В статье 2 ДНЯО говорится: «Каждое из государств настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также **контроля** над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств».

Давайте попытаемся выяснить, что же такое СУЯО. Анализ имеющихся материалов позволяет определить эту концепцию как систему специальных мер – в рамках НАТО – по планированию использования ЯО, по разработке блоком механизмов размещения складов такого оружия на территориях натовских европейских государств, всего комплекса вопросов в этом контексте, включая транспортировку и физическую защиту складов. Сюда относится также использование самолетов «двойного» назначения (разумеется, с пилотами) неядерных стран альянса в мирное и военное время, в том числе и для применения ЯО. Последний момент особенно важен и поэтому требует дополнительного пояснения.

Дело в том, что в соответствии с концепцией НАТО о СУЯО во время войны США могут передать контроль над ЯО пилотам неядерных стран альянса для применения его с самолетов этих государств. Контроль над ЯО считается переданным после того, как самолет с этим оружием на борту начинает выполнение боевой задачи. Именно таким образом некоторые зарубежные ученые и политологи ограничивают существование СУЯО, оставляя без внимания всю обозначенную выше техническую и подготовительную работу перед принятием решения о применении ЯО.

По некоторым оценкам западных исследователей, в настоящее время шесть безъядерных стран-членов НАТО (Бельгия, Германия, Греция, Италия, Нидерланды и Турция) имеют на своей территории ЯО, принадлежащее США (часть американского ЯО размещена также в Великобритании). Всего – около 180 бомб типа *B-61* десятой модификации¹. Необходимо отметить, что «двойное» назначение самолетов, находящихся на вооружении стран-членов НАТО, предполагает их участие в боевых операциях с применением ЯО в случае, если альянс примет такое решение и президент США отдаст приказ о его применении. Из приведенных выше данных видно, что нас в дальнейшем будет интересовать исключительно ситуация вокруг американского ЯО.

Зарубежные исследователи утверждают, что пилоты таких самолетов прошли специальную подготовку по применению ЯО. Подразделения ВВС, к которым относятся эти пилоты и самолеты, имеют потенциал, достаточный, чтобы учитывать их при ядерном планировании НАТО, включая задание цели, выбор мощности боеголовки в зависимости от характера цели и планирование конкретной боевой задачи с применением таких бомб².

Все государства–члены НАТО участвуют в ядерном планировании: они имеют право осуществлять совместную работу по планированию целей и на обсуждение вопроса о применении ЯО в военное время. Как представляется, уже здесь проявляется противоречие концепции СУЯО букве и духу ДНЯО.

История свидетельствует, что страны НАТО прекрасно понимали существо статей 1 и 2 ДНЯО, когда этот Договор еще только разрабатывался. Именно поэтому США при согласовании со своими союзниками разработали свою, одностороннюю интерпретацию этих ключевых статей и информировали об этом некоторых участников переговорного процесса по выработке проекта ДНЯО.

Однако американцы и не планировали обнародовать свое «видение» данных статей Договора до его подписания. Доказательством этого тезиса служит фраза из письма заместителя госсекретаря США Н. Катзенбаха министру обороны США от 10 апреля 1968 г.: «Мы не думаем, что было бы в наших интересах или в интересах союзников сделать публичными дискуссии относительно вариантов интерпретации США до того времени, когда ДНЯО будет передан в Сенат для получения совета и согласия»³. Лишь натовские страны были проинформированы по существу американских интерпретаций статей 1 и 2 до того, как проект ДНЯО был официально опубликован. Только эти страны могли заранее высказать свои замечания относительно позиции США.

Односторонняя интерпретация статей 1 и 2 ДНЯО не была оформлена в виде американских оговорок, а была представлена на слушаниях по ратификации ДНЯО в Сенате в 1968 г. и затем опубликована в протоколе этих слушаний. Таким образом, сложилась интересная ситуация: большинство из 56 стран, первоначально подписавших ДНЯО 1 июля 1968 г., получили возможность ознакомиться с американским толкованием ключевых положений Договора лишь прочитав протоколы слушаний Сената США, которые проходили с 10 по 12 июля и 17 июля 1968 г.⁴ Таким образом, Ирландия, например, ратифицировавшая ДНЯО 1 июля 1968 г., по всей видимости, не знала о существовании американского понимания статей 1 и 2 Договора. В Швеции считают, что ситуация с СУЯО в контексте ДНЯО подрывает шведскую «основу», на которой Стокгольм присоединился к Договору⁵.

Существо интересующих нас в контексте изучения СУЯО американских интерпретаций ДНЯО можно свести к следующим тезисам. ДНЯО фиксирует запрещенную деятельность. Значит, все, что не запрещено, разрешено. В Договоре не говорится о запрете на размещение ЯО в неядерных странах. Значит, оно легитимно. Кроме того, в Договоре не зафиксирован тезис об обязательности применения ДНЯО в военное время. Вывод – данный Договор не является обязательным во время войны. По этой же логике ядерным государствам разрешается продавать или «передавать» системы, способные нести ЯО (например, самолеты, ракеты и т.п.)⁶.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в НАТО проходили интенсивные консультации о том, в какой форме установить в альянсе систему СУЯО. Некоторые европейские государства, прежде всего Германия, настаивали на том, чтобы США разрешили им более активно участвовать в ядерном планировании, в процессе принятия решения о применении ЯО и контроле над ним. В то же время ядерные государства–члены альянса хотели лимитировать допуск неядерных союзников к ЯО. В качестве компромисса появилась нынешняя система СУЯО, которая практически не изменилась за последние десятилетия. Примечательно, что в период разработки ДНЯО неядерные страны НАТО, например Германия, выдвигали требования, чтобы будущий Договор не наносил ущерба сотрудничеству в рамках альянса⁷.

Хотелось бы также поставить несколько вопросов в связи с американским пониманием совместного контроля над ядерными вооружениями во время боевых действий, в частности, какие предосторожности должны предпринять в НАТО для того, чтобы избежать ситуации, при которой пилот – в своем национальном качестве – нарушил бы указания и приказы альянса. Что в этом случае будет превалировать: приказы по линии своего правительства или НАТО? Какие принять меры предосторожности, чтобы обеспечить возвращение пилота самолета с ЯО на борту в случае отмены приказа о применении этого оружия?

Вопрос о том, применим ли ДНЯО в военное время, является одним из самых острых в дискуссиях стран Движения неприсоединения (ДН) и государств НАТО, в первую очередь США. Положительный ответ на этот вопрос определяет нелегитимность самой концепции СУЯО. Не случайно, что в последние годы на всех мероприятиях в рамках обзорного процесса по ДНЯО США (при поддержке натовских стран) не поддерживают предложения государств ДН зафиксировать соответствующий тезис в итоговых документах обзорной Конференции по ДНЯО, а также категорически возражают против фиксации этой идеи в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. Последний раз неприсоединившимся странам удалось «продавить» тезис о том, что Договор является обязательным «при любых обстоятельствах», в документах третьей Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1985 г.

Критика в адрес натовских стран в контексте несовместимости СУЯО и ДНЯО ощутимо возросла со времени обзорной Конференции 1995 г. по этому Договору. В ходе данной конференции страны альянса попытались инкорпорировать в ее итоговые документы тезис с одобрением концепции СУЯО. В частности, они настаивали на следующей формулировке: «[...]существующие договоренности в области безопасности выполняются в полном соответствии со статьями 1 и 2 Договора»⁸, а также то, что «положения статей 1 и 2 полностью совместимы с обязательствами, взятыми государствами-участниками по существующим договоренностям в области безопасности»⁹.

Довольно активно поднимали государства ДН эти проблемы в ходе подготовительных мероприятий к Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г. В 1998 г. на второй сессии подготовительного комитета (ПК-2) к Конференции 2000 г. 113 стран ДН призвали ядерные страны отказаться от концепции СУЯО. В 1999 г. представитель Египта на ПК-3 открыто заявил о «подрыве» странами НАТО Договора, в частности его статей 1 и 2, путем использования концепции СУЯО. Он подчеркнул, что такая политика ставит под сомнение соблюдение ДНЯО со стороны некоторых стран альянса.

С учетом изменений в стратегии безопасности США, когда на первый план все чаще выдвигается единственная возможность решения проблемы – использование силы, в кулуарах мероприятий нынешнего обзорного процесса по ДНЯО представители развивающихся стран все чаще задают тяжелые вопросы, на которые, по крайней мере российским экспертам, становится все труднее дать искренний ответ. Если, спрашивают они, благополучные в экономическом и политическом плане европейские страны, в отношении которых действует целый ряд благоприятных факторов и отсутствует прямая военная угроза, считают необходимым наличие ЯО на своей территории, то что же можно говорить о государствах во «взрывоопасных» регионах, находящихся под угрозой возможного нападения со стороны своих соседей? «Успешные усилия США по разоружению Ирака» делают данный вопрос еще более актуальным для развивающихся стран.

Наличие в Европе американского ЯО (а эта проблема напрямую связана с СУЯО и ДНЯО) вызывает много вопросов как в России, так и в большинстве неприсоединившихся и нейтральных государств. Напомним, что еще до распада СССР общественность многих европейских стран ставила вопрос о нецелесообразности размещения американского ТЯО в Европе. Сегодня же, с учетом партнерских отношений между США, европейскими странами и НАТО, с одной стороны, и Россией – с другой, сохранение американского ТЯО в Европе просто абсурд, если, конечно же, отсутствует «двойное дно» в политике западных стран по отношению к Москве. Тем не менее ЯО США на Европейском континенте остается, и пока не просматривается даже отдаленной перспективы его вывода.

Часто говорят, что американское ЯО в Европе играет больше политическую, чем военную роль. Оно, мол, в большей степени символизирует «обязательства» США перед Европой, а также европейских стран «разделить риски» в случае использования концепции сдерживания. Еще в 1991 г. в стратегической концепции НАТО связь между американским ЯО и обязательствами США в Европе объяснялась следующим образом: «Присутствие североамериканских обычных вооружений и ядерных сил США в Европе остается жизненно важным для безопасности Европы, которая неразрывным образом связана с безопасностью Северной Америки»¹⁰.

Существует явная угроза безопасности самих европейских стран, на территории которых находятся ЯО (не говоря уже о стоимости содержания этих баз). Первая довольно очевидна: попытки террористов захватить ЯО. Однако, как уверяют американцы и европейцы, это маловероятно. Оставим эти утверждения на их совести.

Есть и другая возможность. Представим себе ситуацию начала войны, когда одна из стран, на территории которой находится американское ЯО, отказалось разрешить США использовать это оружие. Тогда американцы используют другое, находящееся, скажем, в соседней европейской стране. В результате создается ситуация, при которой неиспользованное ЯО будет явной целью для ответного удара государства, против которого будет применено такое оружие.

Наконец, широко известны случаи неудовлетворительной оценки американскими регулярными инспекциями состояния уровня безопасности на военных базах европейских стран, где размещено американское ЯО.

Почему же некоторые европейские страны–участницы НАТО так цепляются за американское ядерное оружие? Этому, как представляется, есть несколько объяснений. Зарубежные эксперты считают, что для генералов этих стран Европы такая ситуация является, может быть, единственной возможностью «быть причастными к судьбоносным решениям» в части, скажем, применения ЯО. Политики этих государств уверены, что физическое присутствие даже нескольких единиц ядерного оружия на их территории дает надежную защиту от возможной атаки на них с использованием ЯО или другого ОМУ. Кроме того, система так называемых «двусторонних программ сотрудничества» США со странами альянса, принимающими их ЯО, сформирована еще в 1950–1960-е гг. и остается весьма консервативной. Для любого ее изменения требуется консенсус.

В последние годы широкая общественность в странах Европы проявляет незначительное внимание к риску и политическим последствиям, вытекающим из присутствия на Европейском континенте американского ЯО. Правительства европейских стран практически не сталкиваются с оппозицией в отношении существующей ядерной структуры на своей территории. Большинство средств массовой информации просто игнорирует существование американских ядерных баз в Европе. И даже если этот факт выносится на всеобщее обозрение в рамках, например, проблемы расширения НАТО, он быстро забывается. Для большинства окончание холодной войны означает исчезновение риска ядерной войны с Россией. Если это так, то тем более не ясно: зачем американское ЯО в Европе?

Есть еще одна острая проблема: какое влияние на СУЯО в контексте выполнения «новобранцами» альянса своих обязательств по ДНЯО будет оказывать и уже оказывает расширение блока? Лидеры ДН, например ЮАР и Египта, настаивают, что расширение НАТО, привлечение новых членов НАТО к ядерному планированию, поддержка ими натовской концепции ядерного сдерживания и подключение к реализации концепции СУЯО свидетельствуют о том, что тем самым возникает процесс ядерного распространения, подсекаются «негативные» гарантии безопасности, предоставленные ядерными державами участникам ДНЯО.

Такие высказывания заставили в свое время бывшего министра обороны США У. Коэна заявить об отсутствии каких-либо проблем в контексте ДНЯО, связанных с расширением НАТО. Кроме того, американский политик подчеркнул, что новые участники НАТО являются полноправными членами ДНЯО, поэтому любые их усилия завладеть или получить допуск и к ядерному оружию привели бы к нарушению ими обязательств по Договору, независимо от того, входят ли эти государства в НАТО или нет¹¹.

Бывший госсекретарь США М. Олбрайт в контексте проблем ДНЯО и деятельности в натовской группе ядерного планирования неядерных стран в свое время отметила, что данный вопрос длительное время обсуждался в НАТО до вступления в силу ДНЯО. В результате дискуссий был достигнут компромисс касательно того, что сотрудничество государств альянса в области ядерного планирования не противоречит существу статьи 1

Договора¹². Примечательно, что детали этих «дискуссий» не раскрываются, и поэтому непонятна логика, которая позволила натовцам добиться упомянутого «компромисса».

Очевидно, что предстоящее расширение НАТО, равно как и предыдущая его «волна» ставят вполне обоснованные вопросы и вызывают озабоченность в отношении многих аспектов международной безопасности и нераспространения. Здесь мы оставляем в стороне вопрос практической значимости расширения НАТО на восток в контексте борьбы с терроризмом. Понятно, что СУЯО будет распространяться и на новичков НАТО. Увеличивается количество стран, находящихся под ядерным «зонтиком», которые строят свою оборону с учетом концепции ядерного сдерживания. Таким образом, мы уже можем с большей долей уверенности прогнозировать, что режим ДНЯО вряд ли укрепитя после расширения НАТО.

Натовские страны часто повторяют тезис о том, что у них нет планов, причин и намерений в отношении размещения ЯО на территории новых членов альянса. Однако натовские государства отказываются сделать такие обязательства юридически обязывающими. В этой связи обращает на себя внимание заявление руководителей Госдепартамента и Министерства обороны США еще в 1997 г. о том, что НАТО оставляет за собой право модифицировать свою ядерную доктрину и политику в зависимости от изменяющейся ситуации¹³. Здесь будет уместно хотя бы напомнить замечание премьер-министра Венгрии В. Орбана в 1999 г., который заявил о том, что, несомненно, НАТО нуждается в ЯО из-за неопределенности в отношениях с Россией¹⁴. Может быть, в этом и заключается весь смысл расширения НАТО и сохранения ЯО США в Европе?

Однако новые члены НАТО будут вносить свой вклад в развитие и осуществление натовской стратегии, включая ее ядерный компонент и саму концепцию СУЯО. Они также имеют право на совместную деятельность в рамках Группы ядерного планирования, подчиненных ей структур, а также участвовать в соответствующих консультациях, где будут обсуждаться вопросы, связанные с ЯО. Необходимо добавить, что от новых членов альянса США ожидают однозначной поддержки концепции сдерживания и необходимой роли ЯО в стратегии НАТО.

Понятна озабоченность российской стороны в отношении данного аспекта проблемы. Для России этот вопрос – не теоретический. Он носит практическое значение и затрагивает национальную безопасность страны. Вот почему российские представители не перестают поднимать эти проблемы перед представителями стран НАТО. В качестве позитивного результата этого конструктивного давления на альянс можно отметить зафиксированный в основополагающем акте Россия – НАТО пассаж об отсутствии у альянса намерений, планов и причин по созданию складов для ЯО на территории новых членов либо по переоборудованию имеющихся складов для этих целей.

В 1997 г. во время сенатских ратификационных слушаний по документам о расширении НАТО тогдашний госсекретарь США М. Олбрайт и министр обороны У. Коуэн несколько дополнили обязательства «трех нет». Было заявлено об отсутствии у США планов по обучению пилотов новых членов НАТО ядерным миссиям в мирное время, по сертификации самолетов этих стран и передаче оборудования или элементов инфраструктуры для поддержки их самолетов «двойного» назначения для выполнения ядерных задач¹⁵. Кроме того, оба министра подтвердили, что США не планируют заключение двусторонних программ сотрудничества (наподобие тех, которые существуют со странами, на территории которых размещено американское ЯО) с новыми членами НАТО. К этим странам не выдвигается требование по приобретению самолетов «двойного» назначения, способных нести ЯО.

Таким образом, натовские страны концепцией СУЯО создали своего рода лазейки в ДНЯО, которыми могут воспользоваться и другие государства. Вот несколько гипотетических примеров. Беларусь, скажем, может согласиться на размещение на своей территории российского ЯО и заключить своего рода соглашение с Россией о совместном управлении этими вооружениями. Китай может осуществить такую же акцию совместно с некоторыми дружественными соседними государствами. Причем все это будет проис-

ходить в соответствии с интерпретациями США статей 1 и 2 ДНЯО. Интересно, что в этом случае будут говорить в Вашингтоне?

Весьма уместным здесь будет упоминание белорусской идеи о создании зоны, свободной от ЯО, в Центральной и Восточной Европе. Примечательно, что именно «новобранцы» НАТО, особенно Польша, громче всех выступали против этой идеи. При этом они ссылались на различного рода процедурные и технические моменты. В действительности же главной причиной было нежелание стать членами НАТО «второго сорта», т.е. закрыть для себя в принципе возможность размещения на своей территории ЯО в будущем.

Как представляется, существующие взгляды на проблему СУЯО, в том числе и изложенные в данной статье, нуждаются в серьезном изучении и анализе. Они требуют обсуждения в рамках обзорного процесса по ДНЯО. Весь вопрос в том, кто в нынешних непростых политических условиях решится поставить на обсуждение данную проблему. Тем более, что вряд ли стоит ожидать быстрого достижения компромисса между лидерами ДН и странами НАТО по данному вопросу, даже несмотря на неоднозначность оценки СУЯО в ряде европейских столиц.

Можно согласиться с высказываниями делегатов неприсоединившихся стран на мероприятиях обзорного процесса по ДНЯО, когда те говорят о натовских «двойных» стандартах в области ядерного разоружения. С одной стороны, неядерные государства альянса выступают за достижение мира, свободного от ЯО, с другой – поддерживают концепцию «ядерного сдерживания», участвуют в совместном ядерном планировании, соглашаются «управлять» ядерным оружием в военное время и даже настаивают на сохранении ТЯО на Европейском континенте. Для подтверждения этих тезисов достаточно взять хотя бы итоговое коммюнике заседания министров обороны НАТО от 18 декабря 2001 г., где отражены многие из указанных моментов.

Ядерные взрывы конца 1990-х гг. в Индии и Пакистане, резкое обострение угрозы терроризма в последние годы напоминают нам о необходимости укрепления проверенных временем механизмов разоружения и нераспространения, в первую очередь ДНЯО. Было бы целесообразно поставить перед натовскими странами вопрос об отказе от технических способностей использовать ЯО. Такое положительное решение привело бы к укреплению ДНЯО, так как устранило бы неопределенность в вопросе о том, согласны ли неядерные страны НАТО с положениями статьи 2 Договора. Противное предположить сложно, поскольку эти страны являются участниками ДНЯО и взяли на себя обязательство не принимать ЯО и не планировать получение над ним контроля прямо или косвенно.

В целях укрепления ДНЯО и подтверждения обязательств по этому Договору со стороны всех его участников необходимо объединение усилий для введения в действие уже упоминавшейся формулировки третьей Конференции по ДНЯО об обязательности действия по рассмотрению действия ДНЯО «при любых обстоятельствах».

С учетом нарастания тенденций по созданию самостоятельных европейских вооруженных сил было бы полезно, чтобы страны-участники этого процесса проявили инициативу и заверили международное сообщество в отсутствии у них планов по разработке какой-либо модели СУЯО, которая бы нарушала дух и букву ДНЯО. Такой шаг на деле подтвердил бы приверженность этих европейских стран идее укрепления режима нераспространения ЯО.

Предстоящая в 2005 г. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО будет проходить в непростых условиях. Не выполнены зафиксированные на прошлой Конференции так называемые «практические шаги» в области ядерного разоружения. США все дальше отходят от многосторонних усилий в деле укрепления режима нераспространения. Вашингтон понизил «порог» применения ядерного оружия. Ядерный полигон в Неваде по существу готов к возобновлению испытаний. КНДР вышла из ДНЯО. Возникли претензии к иранской ядерной программе. В этой связи может встать проблема: нужно ли российской делегации поднимать вопрос о СУЯО?

С учетом важности для России всего комплекса вопросов, связанных с СУЯО, ответ здесь может быть лишь утвердительным. Тем более, что в европейских натовских ядерных странах зреет желание использовать предстоящую Конференцию для продолжения пропагандистского давления на российский потенциал ТЯО. Другой вопрос – нужно ли российской делегации самой выносить проблему СУЯО на обсуждение? Но это уже вопрос тактики, который может быть решен на более поздней стадии.

Как представляется, российским официальным лицам необходимо определиться по вопросу о СУЯО, занять четкую и понятную, прежде всего для себя, позицию. Целесообразно больше сотрудничать в этом вопросе с государствами ДН и нейтральными европейскими странами. Наконец, пока практически не используется потенциал Китая, который не участвует в дискуссии по данному вопросу.

Никто не утверждает, что решить проблему СУЯО можно «с лету». Но работу начинать необходимо. Возможно, целесообразно первоначально подготовить дискуссионный документ для Конференции по рассмотрению действия ДНЯО с изложением существа проблемы и с предложением начать диалог по СУЯО. Необходимо вести линию на закрепление данного вопроса среди общих проблем ядерного разоружения и нераспространения. Очевидно, что российские ведомства к такой работе, равно как и ко всем вопросам Конференции 2005 г., должны начать серьезную подготовку уже сейчас.

Примечания

¹ Нассауэр О. Перераспределение ядерного оружия в НАТО: законно ли это? *Энергетика и Безопасность*. 2001, № 17. С. 2.

² Там же.

³ Butcher M., Nassauer O., Padberg T. and Plesch Dan. Questions of Command and Control: NATO, Nuclear Sharing and the NPT. Published by the Project on European Nuclear Non-Proliferation (PENN), 2000. P. 23.

⁴ Questions on the Draft Non-Proliferation Treaty Asked by US Allies together with Unswers given by the United States in: Non-Proliferation Treaty hearing before the Committee on Foreign Relations, US Senate, Executive H 90th Congress 2nd Session, Washington, 1968. Pp. 262–263.

⁵ Butcher M., Nassauer O., Padberg T. and Plesch Dan. Op. cit. P. 17.

⁶ Наиболее подробно данная проблема изложена известным российским дипломатом и исследователем Р.М. Тимербаевым в его монографии «Россия и ядерное нераспространение» (М.: Наука, 1999. С. 259–273).

⁷ Butcher M., Nassauet O., Padberg T. and Plesch Dan. Op. cit. P. 21.

⁸ NPT/CONF:1995/MC/1/1,9/.

⁹ Ibid.

¹⁰ The Alliance s New Strategic Concept. <http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c911108a.htm>

¹¹ Questions for the Record Submitted by Senator Harkin to Secretary of Defense Cohen. Senate Appropriations Committee. Washington, 1997, October 21.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Butcher M., Nassauer O., Padberg T. and Plesch Dan. Op.cit. P. 98.

¹⁵ Ibid. P. 53.

События последних месяцев вновь подтвердили важность и актуальность деятельности Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в решении возникающих проблем в области нераспространения ядерного оружия. Таких проблем сейчас немало, так как в последнее время режим ядерного режима нераспространения подвергается серьезным испытаниям. Это и заявление КНДР о выходе из ДНЯО, и события, связанные с ядерной деятельностью Ирака и Ирана, и ситуация с Индией, Пакистаном и Израилем, которые до сих пор не присоединились к Договору, а также политика США по неучастию в ряде международных договоров (ДВЗЯИ, Договоре по противоракетной обороне).

Несмотря на эти трудности, режим нераспространения продолжает оставаться фундаментом стратегической стабильности и одной из главных основ системы международной безопасности. Ключевым элементом режима является МАГАТЭ с его двумя главными функциями – контроль и сотрудничество, которые обеспечивают баланс интересов ядерных и неядерных государств. Если взаимная выгода от сотрудничества ни у кого не вызывает сомнения, то, говоря о контроле, некоторые исследователи считают, что в нем больше заинтересованы ядерные страны. Полагаю, что это не совсем верное утверждение, потому что у неядерных стран в принципе должно быть не меньше заинтересованности, так как они менее защищены в случае появления новых ядерных государств. К тому же контроль способствует повышению доверия между государствами, уменьшению политической нестабильности и создает благоприятную основу для сотрудничества, что одинаково выгодно для всех.

МАГАТЭ

Международное агентство по атомной энергии было создано в 1957 г. как независимая межправительственная организация в системе ООН. Штаб-квартира Агентства находится в Вене (Австрия). На 1 января 2004 г. членами МАГАТЭ являются 137 государств. Генеральный директор Агентства – М. Эльбарადей (Египет). Секретариат организации состоит из шести департаментов: технического сотрудничества, ядерной энергии, ядерной безопасности, управления, ядерных наук и применений и гарантий.

МАГАТЭ выполняет две главные функции: во-первых, путем применения системы гарантий осуществляет контроль за тем, чтобы атомная энергия использовалась исключительно в мирных целях и ядерные материалы не переключались на военные цели, а во-вторых, оказывает государствам-членам необходимую помощь и развивает научно-техническое сотрудничество в области мирного использования атомной энергии в таких областях, как ядерная энергетика, здравоохранение, сельское хозяйство, наука, образование. Говоря коротко – это контроль и сотрудничество.

Бюджет МАГАТЭ состоит из регулярной составляющей и внебюджетных средств. Регулярный бюджет складывается из обязательных взносов государств-членов, определяемых в соответствии со шкалой обязательных взносов ООН. Внебюджетные средства определяются добровольными взносами государств-членов в фонд технической помощи и сотрудничества Агентства (ФТС) и на целевые внебюджетные программы МАГАТЭ.

Регулярный бюджет Агентства на 2004 г. составляет 268 млн долл., что примерно на 10% больше, чем в 2003 г. Впервые за долгие годы нулевого реального роста бюджета (т. е. на величину инфляции) произошел его реальный рост, и в связи с этим прежде всего предполагается увеличить бюджет гарантийной деятельности. Кроме того, МАГАТЭ будет располагать около 95 млн долл. внебюджетных средств (взносы в ФТС составят 75 млн долл., взносы на целевые программы предполагаются на уровне около 20 млн долл.).

В целом финансовая политика Агентства в последние годы имеет тенденцию к тому, чтобы отдавать приоритет деятельности в области осуществления гарантий. Это связано, прежде всего, с позицией основных государств-плательщиков, прежде всего США (около 25% обязательных взносов в регулярный бюджет), Японии (15%) и Германии (10%)¹, которые предлагают увеличивать финансирование именно этого аспекта деятельности МАГАТЭ. В ответ со стороны неядерных государств (Россия их поддерживает) звучат встречные требования пропорционального увеличения финансирования других программ Агентства и в первую очередь программы техсотрудничества с акцентом на необходимость соблюдать баланс между основными функциями Агентства.

КОНТРОЛЬ

Контроль за использованием ядерной энергии неядерными государствами в исключительно мирных целях осуществляется посредством системы гарантий МАГАТЭ – системы организационно-технических мер проверки с целью обеспечения уверенности со стороны Агентства в том, что государство–участник соглашения о гарантиях не использует соответствующие ядерные материалы или оборудование в военных или незаявленных целях.

Хотя государства, обладающие ядерным оружием, не обязаны заключать соглашения о гарантиях, они пошли на то, чтобы гарантии МАГАТЭ применялись в отношении части их гражданской ядерной деятельности. Это было сделано как по политическим причинам – шаг, направленный на повышение открытости и транспарентности, так и по техническим – отличная возможность для инспекторов МАГАТЭ потренироваться в осуществлении гарантийной деятельности и проверить специальное оборудование. Сегодня все ядерные государства имеют соглашения с МАГАТЭ о добровольной постановке под гарантии части своих ядерных объектов или материалов.

Сначала, вместе с появлением самого МАГАТЭ в соответствии с его Уставом, заключались соглашения о гарантиях в отношении отдельных ядерных установок (на основе документа МАГАТЭ INFCIRC/66/Rev.2). После вступления в силу ДНЯО в соответствии с ним заключаются соглашения о так называемых всеобъемлющих (или полноохватных) гарантиях (на основе документа МАГАТЭ INFCIRC/153), распространяющиеся на всю мирную ядерную деятельность государств, не обладающих ядерным оружием. На 1 января 2004 г. такие соглашения о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ заключили 145 государств, остальные 43 (всего участниками ДНЯО являются 188 государств²) еще должны выполнить свои обязательства по Договору.

События в Ираке и КНДР в начале 1990-х гг. показали всему миру серьезные недостатки существовавшей системы гарантий, поскольку она не давала Агентству возможности выявлять незаявленную, тайную ядерную деятельность.

С 1993 г. МАГАТЭ приступило к усовершенствованию системы гарантий (Программа 93+2) и к 1997 г. выработало типовой Дополнительный протокол (INFCIRC/540), который существенно повысил возможности Агентства по обнаружению незаявленных ядер-

ных материалов и деятельности, предоставляя МАГАТЭ более широкие права доступа к информации, ядерным установкам и другим местам нахождения материала. На 1 января 2004 г. Дополнительный протокол подписан 79 государствами, включая все ядерные, но только в 38, включая одно ядерное – Китай, он уже вступил в силу.

В настоящее время Агентство продолжает работу над усовершенствованием системы гарантий и занимается разработкой «интегрированных гарантий». Предполагается оптимизировать контрольную деятельность МАГАТЭ посредством сокращения количества инспекций за счет использования новых методов проверки в соответствии с Дополнительным протоколом с целью достижения максимальной эффективности в пределах выделенных ресурсов.

Основным способом обеспечения гарантий является учет и контроль ядерных материалов, для чего государства создают и поддерживают Национальную систему учета и контроля. Страны предоставляют Агентству специальные заявления о ядерном материале, который они импортируют или производят сами, и сообщают обо всех местах его нахождения, а инспекторы МАГАТЭ проводят независимую проверку и дают оценку правильности и полноты заявлений государств.

Если существует расхождение между заявленным количеством материала и фактическим его наличием и оно не может быть убедительно объяснено, инспектор по гарантиям должен рассмотреть возможность того, что имело место переключение ядерного материала на военные цели или использование ядерных установок не по назначению. В случае возникновения таких подозрений Генеральный директор представляет соответствующий доклад Совету управляющих МАГАТЭ, последний же сообщает об этом всем членам Агентства, а также Совету Безопасности (СБ) и Генеральной Ассамблее (ГА) ООН. Также в Уставе МАГАТЭ и соглашениях о гарантиях определен ряд санкций по отношению к нарушителям: прекращение оказания помощи со стороны Агентства, вывоз всего оборудования и материалов, предоставленных Агентством для содействия в осуществлении проектов, а также приостановление пользования правами и привилегиями члена МАГАТЭ.

Необходимо понимать, что система гарантий МАГАТЭ не может физически воспрепятствовать переключению ядерного материала с мирных на военные нужды, а позволяет только обнаружить переключение находящегося под гарантиями материала или использование не по назначению поставленной под гарантии установки и инициировать рассмотрение таких фактов в ООН, поэтому в определенной мере практическая значимость и эффективность контрольной деятельности МАГАТЭ зависят и от того, каким образом государства, и особенно те, у которых могут возникнуть намерения осуществить переключение, расценивают возможности Агентства обнаруживать такие переключения.

Контрольной деятельностью в Агентстве занимается Департамент гарантий.

СОТРУДНИЧЕСТВО

Деятельность Агентства по развитию сотрудничества в области мирного использования атомной энергии крайне важна с точки зрения ядерного нераспространения, поскольку, создавая МАГАТЭ и ДНЯО, ядерные государства, в качестве стимула к отказу от намерений создания или приобретения ядерного оружия, предложили неядерным перспективу получения более широкого доступа к мирным ядерным технологиям через сотрудничество и помощь Агентства.

Можно выделить три основных аспекта деятельности МАГАТЭ в этой области:

- повышение безопасности ядерных установок;
- осуществление международных научных программ и исследований, охватывающих широкий спектр применения атомной энергии в мирных целях;

- предоставление технической помощи государствам-членам (преимущественно развивающимся странам) путем передачи и применения ядерных технологий и оборудования.

Говоря коротко – это безопасность, наука и техсотрудничество.

Первым из этих аспектов в Агентстве ведает Департамент ядерной безопасности, который занимается содействием достижению и поддержанию необходимых уровней безопасности ядерных установок, разработкой международных правовых соглашений и норм по безопасности, предоставлением в международных масштабах услуг экспертов по вопросам безопасного проектирования и эксплуатации, а также производит оценку безопасности существующих установок. Помимо этого Департамент занимается экологическими программами по осуществлению мониторинга окружающей среды и оказанию помощи в восстановлении загрязненных территорий.

МАГАТЭ разработало всеобъемлющий комплекс норм безопасности в области ядерной энергии, радиационной защиты, обращения с радиоактивными отходами и перевозки радиоактивных материалов. Эти нормы периодически обновляются, с тем чтобы обеспечить их актуальность в качестве руководящих принципов по применению современных методов с целью достижения высокого уровня безопасности.

Значительный вклад в укрепление ядерной безопасности во всем мире вносит разработка международных, юридически обязательных конвенций под эгидой МАГАТЭ. На данный момент разработаны конвенции, охватывающие вопросы безопасности энергетических реакторов, обращения с радиоактивными отходами и отработанным топливом, оперативного оповещения и помощи в случае ядерной аварии, а также физической защиты ядерного материала.

Вторым аспектом занимаются два департамента – ядерной энергии и ядерных наук и применений.

Департамент ядерной энергии занимается вопросами координации международного сотрудничества в области планирования ядерной энергетики, усовершенствования и применения реакторов, производства реакторного топлива, захоронения радиоактивных отходов. В его рамках также ведется обучение и повышение квалификации персонала для АЭС.

Департамент ядерных наук и применений занимается развитием широкого диапазона ядерных исследований и разработок в целях содействия сельскому хозяйству, здравоохранению, промышленному развитию и охране окружающей среды. Вот основные направления исследований этого департамента:

- повышение плодородия почв и урожайности;
- борьба с насекомыми-вредителями;
- решение проблем в области здравоохранения на основе использования методов ядерной медицины (развитие радиационной онкологии, радиобиологии и радиотерапии для лечения раковых заболеваний);
- развитие промышленного применения ядерных технологий при опреснении морской воды;
- развитие применения методов и технологий, основанных на ядерных физических и ядерных химических науках;
- содействие исследованиям и международному сотрудничеству в области термо-ядерного синтеза.

Уникальной особенностью этого направления деятельности Агентства является то, что оно представляет интерес для всех государств-членов, независимо от уровня развития

их ядерных наук и технологий. В МАГАТЭ концентрируются последние разработки и знания в ядерной области, которыми имеют возможность пользоваться его члены. При поддержке МАГАТЭ сейчас проводятся научные исследования в рамках порядка двух тысяч контрактов и соглашений в более чем 90 странах.

Третьим аспектом – оказанием конкретной технической помощи – занимается Департамент технического сотрудничества, являющийся основным каналом передачи ядерных технологий, которые разрабатываются развитыми в ядерной области членами Агентства.

Финансирование программы технической помощи МАГАТЭ помимо регулярного бюджета осуществляется еще из следующих источников:

- ежегодные добровольные взносы государств-членов (в том числе в национальной валюте), поступающие в Фонд технического сотрудничества (ФТС);
- внебюджетные средства, составляемые специальными взносами государств-членов для оплаты расходов в какой-либо конкретной области использования атомной энергии;
- средства, получаемые на осуществление программ ООН по развитию, в отношении которых МАГАТЭ назначено в качестве исполнительного органа.

Утвержденная на 2003–2004 гг. программа МАГАТЭ по техническому сотрудничеству предусматривает использование около 110 млн долл. Помощь предполагается оказывать 95 государствам – как развивающимся, так и развитым, таким как Сингапур.

При подготовке программы технического сотрудничества МАГАТЭ не делает различий между государствами, участвующими в ДНЯО, и теми, которые остаются вне Договора (например, Пакистану в 2003 г. была оказана помощь по 9 проектам). Проекты оцениваются исключительно с точки зрения их технической и практической целесообразности и осуществимости, приоритетов национального развития.

Вот далеко не полный перечень успешно завершенных проектов оказания технической помощи разным странам: Нигер, Тунис, Уганда, Эфиопия, Колумбия, Парагвай, Перу, Чили – проведение оценки ресурсов подземных вод и их месторасположения путем применения методов изотопной гидрологии; Саудовская Аравия, Монголия, Гана, Замбия – развитие национальной сети радиотерапии и ядерной медицины путем поставки оборудования и обучения кадров; Индия, Вьетнам, Китай, Малайзия, Перу, Никарагуа – поставка оборудования для облучения в промышленных масштабах риса, пшеницы и других пищевых продуктов для выведения высокоурожайных сортов; Ботсвана, Эфиопия, Кения, Мали, ЮАР, Уганда, Танзания – уничтожение мухи цеце с использованием метода облучения мужских особей насекомых; Румыния, Словакия, Болгария, Республика Корея, Китай, Пакистан – оказание помощи в обеспечении безопасной эксплуатации АЭС; Вьетнам, Индонезия, Пакистан, Китай, Таиланд, Филиппины – оказание помощи в создании потенциала в области использования пищевых добавок.

ИРАК

Всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ применяются с 1970-х гг., и за это время лишь однажды было заявлено о конкретном нарушении государством своих обязательств по соглашению о гарантиях. Это случай с Ираком.

Обнаружение в Ираке после войны 1991 г. тайной программы по разработке ядерного оружия явилось этапным моментом для МАГАТЭ и режима нераспространения в целом.

Ирак ратифицировал ДНЯО в 1969 г., а соглашение о всеобъемлющих гарантиях – в 1972 г. Начиная с 1980-х гг. Ирак развернул секретную программу по развитию возможностей производства ядерных материалов, пригодных для использования в ядерном оружии. В 1981 г. Израиль нанес воздушный удар по иракскому исследовательскому ре-

актору «Таммуз-1», выведя его из строя, и тем самым притормозил на некоторое время развитие его ядерной программы. В своих разработках Ирак использовал в основном открытую информацию и покупал оборудование в различных европейских странах. Особенно тесно он сотрудничал с Францией, которая поставила Ираку реактор «Таммуз-2», и Германией, которая поставляла оборудование по обогащению урана.

В 1990 г., после захвата Кувейта, иракское руководство ускорило свою ядерную программу и планировало уже к середине 1991 г. наработать достаточно материала для создания ядерного взрывного устройства. С января по март 1991 г. силы международной коалиции провели операцию по освобождению Кувейта, в ходе которой появилась информация, что Ирак занимался разработкой и созданием ОМУ.

По завершении операции «Буря в пустыне» в апреле 1991 г. СБ ООН принял Резолюцию 687, которая помимо прочего наделяла МАГАТЭ мандатом на проведение специальных инспекций для обнаружения возможной незаявленной ядерной деятельности Ирака и разработку и осуществление плана, предусматривающего уничтожение, изъятие или обезвреживание в случае обнаружения ядерного оружия, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы для его производства. Тогда же, в апреле 1991 г., Ирак согласился соблюдать Резолюцию 687, а МАГАТЭ начало проведение инспекций и уже в июле официально объявило о том, что Ирак нарушил свои обязательства по соглашению о гарантиях.

Принципиальное значение имеет то, что инспекции, проводимые до этого в течение более десяти лет специалистами МАГАТЭ, не позволили своевременно раскрыть секретную программу создания ядерного оружия в этой стране. Это, безусловно, ослабило доверие многих государств к системе гарантий Агентства и побудило последнее начать срочное ее усовершенствование.

В феврале 1994 г. МАГАТЭ заявило, что завершило демонтаж иракской ядерной программы. Были демонтированы и ликвидированы: ядерный исследовательский центр «Аль-Туайта», комплекс по обогащению урана «Аль-Тармия», спецобъект «Аль-Атир», испытательный полигон «Аль-Хадр» и т.д. Из страны был вывезен весь обнаруженный плутоний (6 г) и обогащенный уран (все материалы были вывезены в Россию). Также удалось получить технически целостное представление об иракской тайной ядерной программе по полному циклу производства. Вместе с тем отсутствовали (и отсутствуют до сих пор) какие-либо указания на то, что Ираку удалось реализовать основную цель своей программы – создать ядерное взрывное устройство.

До декабря 1998 г. МАГАТЭ, на основе резолюций 687, 699, 707, 715 и 1051 СБ ООН, которые призывали Ирак согласиться не приобретать и не разрабатывать ядерное оружие, прекратить ядерную деятельность любого рода и поставить под контроль МАГАТЭ все свои материалы, которые могут быть использованы для производства ядерного оружия, осуществляло постоянное присутствие в Ираке с целью мониторинга состояния ядерной программы и изучения степени эффективности принятых мер.

С 16 декабря 1998 г. деятельность Агентства в Ираке была приостановлена. Вследствие проведения широкомасштабной бомбардировки авиацией США и Великобритании, Ирак отказал в доступе инспекторов к каким-либо объектам. 17 декабря 1999 г. была принята новая Резолюция Совета Безопасности ООН 1284, которая подтверждала мандат Агентства, сформулированный в предыдущих резолюциях.

МАГАТЭ провело ряд инспекций в 2000, 2001 и начале 2002 г., но только на объектах, находящихся под гарантиями Агентства, поэтому, как утверждалось в полугодовых докладах Генерального директора МАГАТЭ Совету Безопасности ООН, с декабря 1998 г. Агентство было не в состоянии выполнять свой мандат в Ираке и, следовательно, обеспечивать какую-либо уверенность в соблюдении Ираком его обязательств по соответствующим резолюциям СБ ООН.

Новый этап деятельности МАГАТЭ в Ираке начался 27 ноября 2002 г., когда были возобновлены инспекции. Этому предшествовали несколько раундов переговоров между делегацией ООН во главе с Генеральным секретарем, с одной стороны, и делегацией Ирака – с другой, в результате которых в сентябре 2002 г. иракская сторона заявила о решении снять запрет на доступ инспекторов на все объекты. После этого 8 ноября 2002 г. была принята Резолюция ООН 1441, которая вводила усиленный режим инспекций в целях обеспечения полного завершения процесса разоружения, а также требовала от Ирака представления всеобъемлющего заявления по всем аспектам программ разработки химического, биологического, ракетного и ядерного оружия.

В декабре 2002 г. Ирак представил такое заявление в СБ ООН. В нем утверждалось, что после апреля 1991 г. все программы по разработке ОМУ были полностью закрыты и никогда не возобновлялись. Сопоставив данные заявления с результатами последних инспекций, Генеральный директор МАГАТЭ в своем докладе СБ ООН (от 27 января, 14 февраля и 7 марта 2003 г.) согласился, что никаких доказательств проведения в Ираке какой-либо незаявленной деятельности в ядерной области нет, отметив, правда, при этом, что данные, содержащиеся в докладе, могут быть неполными и необходимо больше времени для проведения их тщательной проверки. Отдельно было отмечено возросшее сотрудничество со стороны иракских властей. Однако 17 марта 2003 г. США, не дожидаясь окончания инспекций, предложили всем инспекторам покинуть Ирак. 18 марта 2003 г. уехал последний инспектор, спустя два дня началась война.

Багдад был взят 14 апреля, а 22 мая 2003 г. СБ ООН принял Резолюцию 1483, в которой, в частности, подчеркивалось намерение вновь рассмотреть мандат МАГАТЭ на проведение инспекций, предусмотренный в резолюциях 687, 1284 и 1441, но на 1 января 2004 г. инспекции так и не были возобновлены.

КНДР

Еще одним важным событием в области нераспространения ядерного оружия является ситуация в Корейской Народно-Демократической Республике. КНДР с 1985 г. – участник ДНЯО. Соглашение о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ КНДР заключила в 1992 г., после чего МАГАТЭ начало серию инспекций на северокорейские ядерные объекты для первичной оценки имеющегося у КНДР оборудования и запасов ядерных материалов. В том же году была подписана межкорейская Совместная декларация о денуклеаризации Корейского полуострова.

К концу 1992 г. у инспекторов Агентства возникли подозрения, что могли иметь место попытки переключения ядерных материалов с мирных на военные цели. В начале 1993 г. МАГАТЭ запросило специальную инспекцию на два незаявленных объекта в КНДР. Реакцией на эти требования стал отказ КНДР допустить инспекции и заявление от 12 марта 1993 г. о начале процесса выхода из ДНЯО. После этого прошли двусторонние северокорейско-американские консультации, в результате которых в июне 1993 г. КНДР в обмен на обязательства США не вмешиваться в ее внутренние дела и не угрожать применением силы заявила о приостановлении своего выхода из ДНЯО.

После переговоров с США и МАГАТЭ в начале 1994 г. КНДР согласилась на возобновление ограниченных инспекций МАГАТЭ, однако воспрепятствовала взятию проб на ядерном комплексе в Ненбене. В ответ МАГАТЭ прекратило оказание технической помощи КНДР, а последняя заявила о выходе из МАГАТЭ.

21 октября 1994 г. было подписано рамочное соглашение между КНДР и США, предусматривающее замораживание всей ядерной деятельности Пхеньяна и постепенное возобновление выполнения КНДР своих обязательств по соглашению о гарантиях. Взамен США взяли на себя обязательство поставить для нужд энергетики КНДР два легководных реактора, не способных нарабатывать плутоний оружейного качества, а до момента ввода реакторов в строй поставлять по 500 тыс. т мазута в год для теплоэлектро-

станций (ТЭС). Постепенное возобновление применения гарантий МАГАТЭ увязывалось со строительством реакторов, т.е. чем дальше продвигается строительство, тем на большее число объектов допускаются инспекторы. Но так как строительство практически не сдвинулось с мертвой точки (залвка фундамента бетоном состоялась лишь в 2002 г.), то с ноября 1994 г. по декабрь 2002 г. МАГАТЭ имело лишь ограниченный доступ к северокорейским ядерным объектам.

В развитие Рамочного соглашения в марте 1995 г. представителями США, Республики Корея и Японии был создан консорциум «Организация энергетического развития на Корейском полуострове» (КЕДО) для строительства в КНДР АЭС. В 1996 г. к консорциуму присоединился ЕС. В августе 1997 г. были начаты практические работы по сооружению АЭС. Первоначально их планировалось завершить в 2003 г., но потом этот срок перенесли на 2008 г.

В начале октября 2002 г. во время визита в КНДР заместителя госсекретаря США Дж. Келли северокорейцы, по его словам, признали, что КНДР осуществляет ядерную программу. В результате США развернули широкомасштабную кампанию международного давления на Пхеньян. Северокорейская сторона не подтвердила, но и не опровергла эту информацию.

12 декабря 2002 г. было обнародовано заявление северокорейской стороны о возобновлении своей ядерной программы, которая была заморожена по Рамочному соглашению 1994 г. Такое решение КНДР оправдывала действиями США, которые не выполнили в срок свои обязательства по Рамочному соглашению и прекратили поставки мазута. В конце декабря 2002 г. КНДР предложила инспекторам МАГАТЭ покинуть КНДР, пояснив, что увязывает решение ядерного вопроса на Корейском полуострове с заключением договора о ненападении между КНДР и США.

10 января 2003 г. КНДР официально уведомила Председателя СБ ООН и участников ДНЯО об отказе от решения приостановить процедуру выхода из Договора, которое было принято ею еще 11 июня 1993 г. Мотивировкой стала необходимость защиты высших национальных интересов в условиях «усиливающейся враждебной политики и давления» со стороны США. КНДР полагает, что с 11 января 2003 г. она формально свободна от обязательств по ДНЯО, а также по соглашению с МАГАТЭ о гарантиях.

Однако в связи с этим решением северокорейской стороны возникла юридическая коллизия. С одной стороны, заявление КНДР рассматривалось рядом стран как предусмотренное ДНЯО уведомление о выходе из Договора, но, с другой стороны, с момента вступления его в силу через три месяца (т. е. 10 апреля) Договором не предусматривается ни приостановление решения о выходе, ни отказ от приостановления такого решения. В любом случае ряд государств считают, что КНДР с 10 апреля 2003 г. вышла из ДНЯО.

Положение осложнило сделанное 18 апреля 2003 г. Пхеньяном заявление о том, что переработка 8000 стержней, содержащих отработанное ядерное топливо из реактора в Ненбене, находится на завершающей стадии, что означало бы наличие в КНДР значимого количества оружейного плутония.

23–25 апреля 2003 г. в Пекине прошли переговоры в трехстороннем формате Китай – КНДР – США. По утверждениям американцев, северокорейцы признали намерение создавать ядерное оружие. Этот факт, однако, не был зафиксирован официально. В то же время в ходе переговоров КНДР заявила о практически завершившейся переработке топливных стержней.

Благодаря активной работе России и Китая с США и КНДР удалось добиться согласия Пхеньяна на начало переговоров в шестистороннем формате (Китай, КНДР, Республика Корея, Россия, США, Япония). Первый раунд таких переговоров состоялся 27–29 августа 2003 г. в Пекине.

Пекинские переговоры закончились практически безрезультатно, поскольку делегация КНДР их покинула. В официальном заявлении северокорейская сторона заявила, что не видит дальнейшей необходимости в продолжении переговоров. В то же время некоторые высказывания со стороны северокорейского руководства позволяют предполагать, что переговорный процесс может быть возобновлен.

Пхеньян согласился на продолжение шестисторонних переговоров, и в настоящее время идет подготовка к проведению в Пекине второго раунда, который первоначально был запланирован на конец января 2004 г., но, в итоге, сроки были передвинуты на февраль.

В ходе Генеральной конференции МАГАТЭ 19 сентября 2003 г. была принята без голосования резолюция об осуществлении соглашения между Агентством и КНДР о применении гарантий МАГАТЭ, призывающая Пхеньян «как можно скорее вновь согласиться на применение гарантий МАГАТЭ и на тесное взаимодействие с Агентством в их осуществлении», а также полностью прекратить любую военную ядерную программу на условиях транспарентности и необратимости. В резолюции выражалась надежда на мирное разрешение проблемы путем диалога, что должно привести к сохранению безъядерного статуса Корейского полуострова и позитивно отразиться как на региональной, так и глобальной безопасности.

ИРАН

Иран является участником ДНЯО с 1970 г., соглашение о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ заключил в 1974 г.; 18 декабря 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях.

В конце 2002 г. иранская тема приобрела особую актуальность. Иран был обвинен некоторыми странами, прежде всего США, в несоблюдении соглашения о гарантиях, вследствие чего МАГАТЭ активизировало свою деятельность в этой стране.

В сентябре 2002 г. руководством Ирана было объявлено о долгосрочных планах развития атомной энергетики страны, предусматривающих строительство в течение 20 лет АЭС общей мощностью 6000 МВт, а также о намерении создавать полный ядерный топливный цикл, мотивируя это необходимостью обеспечения будущих АЭС собственным топливом. По оценке экспертов, Иран не в состоянии осуществить эти планы без иностранной помощи и импорта технологий и оборудования.

Пока Иран не имеет АЭС, за исключением не достроенной немцами станции в Бушере, которая сейчас сооружается Россией. Ввод АЭС в строй первоначально был запланирован на середину 2003 г., однако в настоящее время вероятный срок начала ее эксплуатации перенесен на 2006 г. Планируемая мощность – 1000 МВт. АЭС в Бушере регулярно посещается специалистами МАГАТЭ.

В настоящее время Иран обладает следующими ядерными объектами:

- Центр ядерных исследований в Исфахане. В нем находятся лаборатория по производству ядерного топлива и два исследовательских реактора, поставленных Китаем в середине 1990-х гг. Согласно заявлению иранской стороны, вскоре в Исфахане также войдет в строй объект по конверсии порошка урана в гексафторид урана, являющийся исходным сырьем для процессов обогащения;
- исследовательский реактор в Тегеране;
- установка по обогащению урана в Натанзе;
- установка по производству тяжелой воды около Хондаба.

21–23 февраля 2003 г. Иран посетила делегация МАГАТЭ во главе с М. Эльбарадеем. Во время визита иранцами была продемонстрирована пока не запущенная пилотная уста-

новка по обогащению урана в Натанзе. В то же время иранцы отказали делегации в посещении завода по производству тяжелой воды в Араке и шахты по добыче урана близ Йезда, поскольку они не подпадают под соглашение о гарантиях. М. Эльбарადей указал на желательность скорейшего подписания Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях между МАГАТЭ и Ираном, однако Тегеран оказался не готов обсуждать конкретные сроки его подписания.

США обвинили Иран в разработке военной ядерной программы, утверждая, что большая часть иранской деятельности по созданию обогатительных мощностей проводилась тайно. По словам американцев, несмотря на то, что М. Эльбарადею были показаны только 164 центрифуги на объекте в Натанзе, Иран якобы обладает возможностью постройки 60–70 тыс. центрифуг, которых было бы достаточно для производства оружейного урана в значимых количествах.

Вашингтон также заявил о систематическом нарушении Тегераном Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ, приводя следующие примеры: закупка Ираном в Китае в начале 1990-х гг. около 1,8 т гексафторида урана, незаъявленные эксперименты по облучению урановых мишеней в исследовательском реакторе в Исфахане для наработки микроколичеств плутония оружейного качества и др.

6 мая 2003 г. вице-президент и председатель Комиссии по атомной энергии Ирана Р. Агазаде выступил в МАГАТЭ с докладом о ядерной политике Ирана, целью которого было разъяснение мирной направленности ядерной программы Тегерана. Планы по созданию полного топливного цикла были мотивированы стремлением снизить зависимость страны от минерального топлива в производстве электроэнергии. Р. Агазаде сказал, что тяжелая вода необходима Ирану, поскольку он имеет намерение строить реакторы типа CANDU, но в целом доклад не содержал принципиально новых положений, позволяющих устранить имеющиеся озабоченности.

18 июня 2003 г. Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей представил Совету управляющих Агентства доклад с изложением претензий к иранской стороне относительно невыполнения Тегераном ряда обязательств по Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ (непредставление заявлений об импорте из КНР в 1991 г. природного урана и его последующей передаче для дальнейшей обработки и использования; непредставление полных данных о работах в области центрифужного и лазерного обогащения). На Совете было принято достаточно мягкое заключение председателя по Ирану, в котором были отмечены некоторые упущения иранской стороны при выполнении своих обязательств, но одновременно подчеркнут и позитивный настрой иранцев на сотрудничество с МАГАТЭ.

После июньской сессии Совета управляющих М. Эльбарадей попросил Россию передать иранцам просьбу о содействии решению трех ключевых задач Агентства в отношении Ирана: разрешить инспекторам МАГАТЭ взять пробы в лаборатории «Калайе Электрик», где могли проводиться незаъявленные эксперименты по обогащению урана, предоставить полную информацию по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР), которые предшествовали строительству центрифужного завода в Натанзе, и незамедлительно подписать Дополнительный протокол. М. Эльбарадей подчеркнул, что у Тегерана для решения этих вопросов «есть всего несколько недель» и что «время работает против Ирана», так как если ситуация не изменится в положительную сторону до сентябрьской сессии Совета управляющих, то нельзя исключать самого худшего сценария развития событий (принятия жесткой резолюции на Совете управляющих, передачи вопроса в СБ ООН и, как крайний вариант, введения экономических санкций).

В ходе пребывания в Москве 30 июня – 2 июля 2003 г. вице-президента и председателя Организации по атомной энергии Ирана Р. Агазаде российская сторона довела до его сведения озабоченности М. Эльбараддея, а также вновь подчеркнула важность присоединения Ирана к Дополнительному протоколу. Каких-либо четких обязательств в отношении сроков подписания Дополнительного протокола Р. Агазаде на себя не взял. При этом он ссылаясь на важность обеспечения в данном случае взаимности со стороны за-

падных государств, предоставления Ирану содействия в развитии атомной энергетики «в обмен» на подписание Дополнительного протокола.

16 августа 2003 г. Президент Ирана М. Хатами направил на имя В.В. Путина послание, в котором указал на исключительно мирную направленность иранской ядерной программы, подчеркнул приверженность Тегерана обязательствам по ДНЯО и сообщил о решении незамедлительно и без предварительных условий начать переговоры с МАГАТЭ о присоединении к Дополнительному протоколу.

12 сентября 2003 г. на сессии Совета управляющих без голосования была принята резолюция по вопросу об осуществлении Ираном соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО (резолюция базируется на положениях доклада Генерального директора МАГАТЭ М. Эльбаррадея, распространенного 26 августа 2003 г.).

В резолюции отмечается, что Агентством в Иране проделана работа по устранению ряда имевших место пробелов в отношении информирования Агентства о деятельности, подлежащей отчетности по соглашению о гарантиях. В частности, Иран предоставил необходимый доступ, в результате которого эксперты МАГАТЭ смогли собрать и исследовать необходимые образцы ядерных материалов, а также проб окружающей среды. Иранская сторона также передала МАГАТЭ информацию по своим работам с ядерными материалами, созданию мощностей по обогащению урана.

В резолюции содержалась серьезная обеспокоенность в связи с остающимися неопределенностями и призыв к Тегерану в кратчайшие сроки представить самую полную информацию в отношении всех аспектов своей прошлой и настоящей ядерной деятельности. Агентство посчитало необходимым продолжить изучение программы конверсии урана, осуществлявшейся Ираном в 1990-е гг., проверить хронологию и достоверность представленной информации о программе центрифужного обогащения урана, проверить представленную иранцами документацию по своим планам постройки тяжеловодного реактора. В резолюции содержался также призыв к Ирану незамедлительно и безусловно подписать Дополнительный протокол.

В конце сентября 2003 г. после анализа проб, взятых на заводе «Калайе Электрик», были обнаружены следы урана с высокой степенью обогащения. 29 сентября 2003 г. представителю Ирана в МАГАТЭ подтвердил этот факт, заявив, что этот уран попал в Иран с импортным оборудованием (ранее то же было заявлено иранцами в отношении следов урана, найденных инспекторами на объекте по центрифужному обогащению в Натанзе).

10 ноября 2003 г. был опубликован доклад Гендиректора МАГАТЭ с оценкой всех аспектов выполнения Ираном сентябрьской резолюции Совета управляющих Агентства, в том числе с предварительным анализом полученной из Тегерана информации о его прошлой ядерной деятельности. В докладе констатируется, что Иран вплоть до октября 2003 г. скрывал многие ее аспекты, проводя работы в чувствительных областях ядерного топливного цикла, включая обогащение и переработку урана, что вызывает серьезные озабоченности Агентства. Вместе с тем отмечалось, что со времени принятия сентябрьской резолюции Иран продемонстрировал активное сотрудничество и открытость. Агентству был предоставлен неограниченный доступ на все интересующие его объекты с представлением информации и пояснениями относительно источников импортного оборудования и компонентов. В докладе подчеркивалось, что нет доказательств того, что ранее не заявленный ядерный материал и соответствующая деятельность Ирана имели военную направленность.

На основе доклада 26 ноября 2003 г. на сессии Совета управляющих была без голосования принята новая резолюция по вопросу об осуществлении Ираном соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО. Резолюция не содержала положения о передаче вопроса в СБ ООН, однако осуждала имевшие место в прошлом нарушения со стороны Ирана его обязательств и призывала Иран предпринять в срочном порядке шаги по их исправлению. В то же время в ней приветствовалось активное сотрудничество Ирана с МАГАТЭ, его открытость и конкретные действия, такие как решение приостановить работы по обогащению и

переработке урана и подписать Дополнительный протокол. Особо было оговорено, что в случае выявления новых фактов нарушения Ираном своих обязательств Совет управляющих незамедлительно проведет заседание для их рассмотрения.

18 декабря 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол.

В настоящее время инспекции МАГАТЭ в Иране проводятся в соответствии с установленным графиком, в среднем по 10 дней в месяц с участием групп инспекторов численностью 3–5 человек, причем инспекционная деятельность постепенно расширяется. Основное внимание инспекторов сосредоточено на установке в Натанзе (проводились ли ее испытания с использованием гексафторида урана, что было бы нарушением соглашения о гарантиях) и Центре ядерных исследований в Исфохане (на предмет незаявленного облучения в исследовательском реакторе урановых мишеней).

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В последние годы в рамках и под эгидой МАГАТЭ активно ведется работа по укреплению режима нераспространения ядерного оружия по различным направлениям.

Во-первых, хотелось бы отметить деятельность Агентства в области международного сотрудничества по противодействию незаконному обороту ядерных материалов (НОЯМ).

Еще в 1992 г. МАГАТЭ начало собирать информацию и учредило базу данных по случаям НОЯМ. Сначала МАГАТЭ собирает всю информацию по случаям НОЯМ из открытых источников, а затем запрашивает государства-члены для ее проверки. Сейчас участниками базы данных являются более 70 государств, и она содержит данные более чем о 400 случаях НОЯМ, но лишь половина из них официально подтверждена. Однако многие страны считают, что база данных нуждается в совершенствовании, особенно с точки зрения повышения объективности и надежности данных, а также отмечают, что не все государства в равной степени добросовестно передают информацию о случаях НОЯМ.

В 1994 г. была разработана программа деятельности МАГАТЭ по борьбе с НОЯМ, в рамках которой государствам по их запросу предоставляется помощь (в виде проведения учебных курсов и семинаров, подготовки специалистов, проведения консультаций по национальному законодательству и т.д.), направленная на усиление национальных законодательств в данной области.

МАГАТЭ тесно взаимодействует с Всемирной таможенной организацией и Интерполом, проводя совместные учебные курсы по предупреждению контрабанды ядерных материалов.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Важным элементом борьбы с НОЯМ является укрепление международного режима физической защиты ядерных материалов.

Конвенция о физической защите ядерного материала была разработана под эгидой МАГАТЭ и утверждена Советом управляющих 28 октября 1979 г., открыта для подписания 3 марта 1980 г. и вступила в силу 8 февраля 1987 г. На 1 января 2004 г. ее участниками являются 96 государств. Россия присоединилась к ней 25 мая 1983 г. Конвенция применяется к ядерному материалу, используемому в мирных целях и находящемуся в процессе международной перевозки.

С ноября 1999 г. по инициативе Генерального директора МАГАТЭ проводятся совещания группы экспертов для рассмотрения необходимости внесения поправок в Конвенцию, направленных на ее укрепление. Последнее совещание состоялось в марте 2003 г., дата следующего совещания пока не определена.

Конвенционный режим предполагается укрепить путем расширения сферы действия Конвенции на ядерные материалы при их использовании, хранении и транспортировке на территории государств-участников, а также распространения ее положений, помимо собственно ядерного материала, на ядерные установки, используемые в мирных целях. Определен перечень действий, которые должны признаваться преступлениями по законодательству каждого государства-участника, в частности против ядерных установок (акты саботажа), разработанный на основе российско-китайских предложений.

Были согласованы практически все предложения по усилению режима физической защиты. По существу остается лишь один ключевой вопрос, по которому договориться не удалось, – вопрос о недопустимости применения силы против гражданских ядерных объектов. США, поддержанные Великобританией, Италией, Испанией, Австрией, Канадой, Японией, Египтом и Турцией, добивались включения в Конвенцию положений, направленных на легализацию ударов по таким объектам.

США пытаются закрепить в поправке к Конвенции положение, по которому действия вооруженных сил одного государства против мирных ядерных установок, расположенных на территории другого государства, не предусматривают ответственности. По сути это означает международно-правовую легализацию военных ударов по мирным ядерным объектам, совершенных «по разрешению компетентных органов», и отказ от уголовного преследования и наказания военнослужащих, наносивших такие военные удары.

Россия, поддерживаемая Китаем, Мексикой, Малайзией, Пакистаном, Бельгией, Бразилией, Швейцарией и Чили, считает, что ядерные установки, используемые в мирных целях, ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться в качестве законных целей для военных ударов. Разрушение ядерно-опасных объектов чревато катастрофическими последствиями для населения и окружающей среды. Современное международное право запрещает атаки на ядерные объекты, не используемые в военных целях, даже во время вооруженного конфликта. Тем более такой запрет должен соблюдаться в мирное время. Недопустимо превращение Конвенции, посвященной физической защите «мирного атома», в инструмент, регламентирующий законы и обычаи ведения войны.

На данный момент все предложения американцев по применению силы оказались заблокированными. В ответ США зарезервировали свою позицию по всем другим уже согласованным положениям проекта.

Перспективы созыва дипломатической конференции по принятию новой редакции Конвенции пока остаются неопределенными. США и поддерживающие их страны хотят, чтобы переговорный процесс впредь шел вне рамок МАГАТЭ. Россия и поддерживающие ее страны исходят из целесообразности сохранения участия МАГАТЭ. В зависимости от решения проблемы применения силы будут определены сроки и параметры дополнительных консультаций и совещаний государств-участников.

БЕЗОПАСНОСТЬ РАДИОАКТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Еще хотелось бы упомянуть проблему обеспечения безопасности радиоактивных источников. С начала 1990-х гг. МАГАТЭ предприняло ряд действий в этом направлении. В 1994 г. во взаимодействии с другими международными организациями были разработаны Основные международные стандарты безопасности радиоактивных источников и защиты от радиации (ОСБ), а также в рамках программ тессотрудничества был запущен Модельный проект с целью создания национальных инфраструктур, отвечающих требованиям ОСБ, более чем в 50 странах. На сегодня в большинстве этих стран задача выполнена и программа расширена до 80 стран.

В 1998 г. был принят План действий в области безопасности радиоактивных источников, который был реализован в 1999 г. в виде Кодекса поведения по безопасности радиоактивных источников.

После 11 сентября 2001 г. эта проблема подверглась более тщательному анализу. В 2002 г. между представителями России, США и МАГАТЭ неоднократно проводились консультации по повышению безопасности радиоактивных источников в целях установления надлежащего контроля, а также по разработке технических проектов по поиску и утилизации «бесхозных» радиоактивных источников в странах СНГ. В сентябре 2002 г. во время Генеральной конференции МАГАТЭ министр энергетики США С. Абрахам, ссылаясь на эти консультации, предложил созвать международную конференцию для обсуждения угрозы, которую представляют собой радиоактивные материалы и нарушения порядка обращения с ними. Россия поддержала эту идею, согласившись вместе с США быть ко-спонсором Конференции.

Конференция «Безопасность радиоактивных источников» состоялась в Вене в марте 2003 г. В ней приняли участие представители 123 государств. Главным итогом Конференции стало решение запустить под эгидой МАГАТЭ две международные инициативы. Первая направлена на нахождение, возвращение и обеспечение безопасности «бесхозных» радиоактивных источников, вторая призвана способствовать государствам в создании эффективных национальных инфраструктур, обеспечивающих безопасное обращение с радиоактивными источниками, и присоединению стран к Кодексу поведения по безопасности радиоактивных источников. Было решено провести следующую конференцию через два года.

ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

В настоящее время усилия по противодействию ядерному терроризму предпринимаются в рамках нескольких международных форумов и организаций. Достигнуто общее понимание, что координирующую роль в установлении эффективного международного режима по предотвращению актов ядерного терроризма должно играть МАГАТЭ.

В ноябре 2001 г. Агентство разработало первоначальный план действий по борьбе с ядерным терроризмом, который впоследствии был модифицирован с учетом предложений и замечаний государств-членов и одобрен Советом управляющих МАГАТЭ в марте 2002 г. Данный план предусматривает следующие меры:

- повышение эффективности физической защиты ядерных материалов и установок;
- противодействие незаконному обороту ядерных материалов;
- укрепление государственных систем учета и контроля ядерных материалов;
- обеспечение безопасности источников радиоактивного излучения;
- оценка уязвимости ядерных установок в отношении актов терроризма;
- меры по ликвидации последствий актов ядерного терроризма;
- расширение сферы действия Конвенции о физической защите ядерного материала.

Для реализации данной программы МАГАТЭ учредило добровольный Фонд ядерной безопасности. Страны-члены договорились выделить на него 12,2 млн долл. США. На данный момент уже получено около 9 млн долл. США и реализация программы началась.

Деньги решено распределить следующим образом: на противодействие незаконному обороту ядерных материалов – 31% от общей суммы; на совершенствование физзащиты ядерных материалов и установок в государствах-членах – 26%; на обеспечение сохранности радиоактивных материалов – 17%. На остальные направления деятельности по борьбе с ядерным терроризмом предусмотрены оставшиеся 26%.

ПЕРСПЕКТИВЫ

На сегодняшний день вся контрольная деятельность МАГАТЭ – это деятельность по осуществлению гарантий. Но уже в течение нескольких лет рассматривается ряд новых областей, в которых контрольная деятельность МАГАТЭ могла бы использоваться в будущем. Прежде всего это область контроля за ядерным разоружением.

До сих пор контроль МАГАТЭ не применялся в области ядерного разоружения, несмотря на то, что этот аспект крайне важен для укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Так, статья 6 ДНЯО гласит: «Каждый участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»³.

Прекращение холодной войны привело к сокращению ядерных арсеналов США и России, в результате чего высвободилось значительное количество делящихся материалов. Поэтому не случайно, что в конце 1990-х гг. появился ряд инициатив, вовлекающих МАГАТЭ в деятельность в области ядерного разоружения.

Прежде всего, хотелось бы выделить трехстороннюю инициативу России–США–МАГАТЭ о постановке под контроль Агентства избыточных расщепляющихся материалов оружейного происхождения, т. е. материалов, высвобождающихся в результате демонтажа ядерного оружия, которая впервые прозвучала в 1996 г. во время саммита «восьмерки» по ядерной безопасности в Москве.

Россия и США решили поставить эти избыточные расщепляющиеся материалы оружейного происхождения именно под контроль, а не под гарантии Агентства, потому что их особо чувствительный характер не позволяет использовать действующие в настоящее время в Агентстве гарантийные процедуры. С учетом этого в течение нескольких лет экспертами России, США и МАГАТЭ проводилась работа по созданию таких методов контроля, которые, с одной стороны, имели бы неинтрузивный характер, т. е. чтобы инспекторы Агентства не получали доступа к информации о конструктивных особенностях и технологии производства ядерных боеприпасов, а с другой – обеспечили бы возможность Агентству делать независимые выводы о достижении целей контроля.

Также велись трехсторонние консультации по подготовке рабочего проекта типового соглашения, в котором будут определены основные принципы контроля Агентства. Предполагалось, что типовое соглашение в последующем станет основой при регулировании двусторонних соглашений между Россией и МАГАТЭ, США и МАГАТЭ (а возможно – и с другими ядерными государствами) по проверке расщепляющихся материалов оружейного происхождения, более не являющихся необходимыми для целей обороны.

Однако эта инициатива была приостановлена в 2002 г. в силу ряда разногласий, которые проявились в подходах американской и российской сторон. Нарботки, достигнутые за время ее реализации, предполагается частично использовать при выполнении другого не менее важного соглашения в области ядерного разоружения между Россией и США – Соглашения об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области от 29 августа и 1 сентября 2000 г.

Соглашение предусматривает безопасную, транспарентную и необратимую утилизацию 68 т оружейного плутония (по 34 т для каждой стороны). Предполагается, что реализация соглашения будет вестись под контролем МАГАТЭ, двусторонние консультации по этому вопросу сейчас ведутся между экспертами России и США. Здесь также важно обеспечить такой контроль со стороны Агентства, при котором инспекторы не получают доступа к секретным характеристикам ядерных материалов оружейного качества.

Следует упомянуть и о значительно замедлившейся работе в области ограничения ядерных вооружений, направленной на запрещение производства расщепляющихся материалов, предназначенных для целей ядерного оружия.

В ноябре 1993 г. на ГА ООН была принята резолюция, рекомендовавшая провести в рамках наиболее подходящего форума переговоры по возможности выработки договора о запрещении производства делящихся материалов (ЗПРМ). В развитие этой резолюции на Конференции по разоружению (КР) было принято решение о включении вопроса в повестку дня и началась работа по согласованию мандата соответствующего комитета.

Консультации выявили серьезные различия в подходах государств к содержанию мандата, но по вопросу о контроле за выполнением будущего договора большинство соглашались с тем, что он должен быть возложен на МАГАТЭ.

Лишь в августе 1998 г. наконец удалось согласовать мандат спецкомитета КР по ЗПРМ, и было принято решение о начале переговоров, однако они так и не начались из-за позиций Китая и США. Китай увязывал начало переговоров по ЗПРМ с началом переговоров по предотвращению гонки вооружений в космосе, против чего выступили США. Это обусловлено, прежде всего, американскими планами по созданию национальной системы ПРО.

Работа КР до сих пор заблокирована, но в последнее время наметились тенденции по ее разблокированию путем создания сразу четырех спецкомитетов: по ЗПРМ, космосу, негативным гарантиям безопасности и ядерному разоружению. Сейчас ведутся активные консультации всех заинтересованных сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При правильном использовании атомная энергия может принести человечеству огромную пользу, причем в самой долгосрочной перспективе. А может, наоборот, в случае ее использования в качестве разрушающей силы, нанести человечеству непоправимый вред. Мировое сообщество, осознав эту опасность, решило поставить развитие атомной энергии под международный контроль, создав основные элементы режима ядерного нераспространения – ДНЯО и систему гарантий МАГАТЭ. Возможно, форма контроля не идеальна и не совсем справедлива, но при существовавшем на тот момент балансе сил это, вероятно, было наилучшим решением проблемы.

Режим нераспространения ядерного оружия нельзя воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Соблазн приобрести столь мощное оружие был и, вероятно, будет всегда. Как мы видим сегодня, ни окончание холодной войны, ни прекращение ядерного противостояния между Россией и США не изменили стремления некоторых стран к обладанию им, поэтому необходимость коллективных международных усилий для укрепления режима ядерного нераспространения в целом и роли МАГАТЭ в частности очевидна. Секретариат Агентства постоянно предпринимает соответствующие усилия, но МАГАТЭ – это прежде всего его государства-члены, а следовательно, дальнейшее усиление роли Агентства в решении проблем в области ядерного нераспространения зависит прежде всего от их воли.

Примечания

¹ Россия вносит чуть более 1% обязательных взносов (2,7 млн долл.) и в последние годы теряет свои позиции в Агентстве. СССР вносил около 15%.

² Вопрос о КНДР является спорным. Автор предпочел не включать КНДР в список участников ДНЯО, подробнее см. в разделе о КНДР.

³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Внешняя политика Советского Союза. Сборник документов. М.: Международные отношения, 1969. С. 165.

Заявления лидера Ливийской Арабской Джамахирии М. эль-Каддафи, сделанные им накануне прошлогодних рождественских праздников, о ликвидации ливийских программ, связанных с оружием массового уничтожения (ОМУ), по праву занимали в течение нескольких последующих дней ведущее место в комментариях и сообщениях СМИ. Активно обсуждались версии резкого сдвига в политике Триполи – от опасения М. Каддафи стать очередной мишенью как американцев (по аналогии с Ираком), так и доморощенных террористических групп, таких как «Ливийское движение джихада» и др., якобы вышедших из-под контроля ливийского вождя и представлявших уже угрозу для него самого, до намерения последнего придать респектабельность передаче власти своему сыну С. эль-Ислам Каддафи.

Ливия обязалась уничтожить ракеты, имеющие дальность полета свыше 300 км, накопленные материалы ОМУ, прекратить развернутые программы в области ядерного, химического и биологического оружия, установить необходимое сотрудничество с МАГАТЭ и Организаций по запрещению химического оружия (ОЗХО), допустить международных инспекторов на свои объекты, подписать Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ и Конвенцию о запрещении химического оружия (КЗХО). На имя Председателя СБ ООН было направлено соответствующее письмо на этот счет.

В последние годы было заметно стремление Ливии нормализовать отношения с западными странами и, таким образом, существенно улучшить свой международный статус. Достаточно вспомнить уступки, сделанные по делу Локкерби. Тогда, как известно, Триполи признал свою ответственность за произведенный в 1988 г. террористический акт на борту американского пассажирского самолета, в результате которого погибло 270 человек, и согласился на выплату компенсации в размере 2,7 млрд долл. США. Также ливийцы признали свою причастность к катастрофе самолета *DC-10* французской авиакомпании в небе над Нигером в 1989 г., в которой погибло 170 человек. Соглашение о выплате компенсации родственникам погибших было заключено в 1999 г.

Вместе с тем столь резкий поворот политики М. Каддафи застал ведущих игроков на Ближнем Востоке, политическая палитра которого теперь приобретает новую цветовую гамму, явно врасплох. Очевидно также, что новость из Триполи стала неожиданностью как для лидеров европейских стран, так и для ведущих мировых держав, за исключением премьер-министра Великобритании Т. Блэра и президента США Дж. Буша, комментарии которых явно были подготовлены заранее. Итак, похоже, что М. Каддафи всерьез намерен сменить надоевший, да к тому же ставший небезопасным полковничий китель

на респектабельную тройку гражданского пошива. Так, собственно, что же Триполи мог предложить для «рождественской распродажи»?

ИЗВЕСТНЫЕ ЛИВИЙСКИЕ ПРОГРАММЫ

Ливия является государством–членом МАГАТЭ с 1963 г., участником Договора о нераспространении ядерного оружия с 1975 г. Страна подписала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в ноябре 2001 г., 14 января 2004 г. его ратифицировала (в рамках создания Международной системы мониторинга в Ливии была сертифицирована станция радионуклидного мониторинга RN42 в Мисрате). Соглашение между Ливией и МАГАТЭ о гарантиях было заключено в 1980 г., Дополнительный протокол к нему Триполи пока не подписал.

Таблица 1

Членство Ливии в международных и региональных организациях и договорах и участие в договорах и конвенциях

Членство в международных и региональных организациях, участие в договорах и конвенциях	Ливия (Ливийская Арабская Джамахирия)
МАГАТЭ	1963 г.
Договор Пелиндаба	Подписание: 11 апреля 1996 г.
ДНЯО	Подписание: 18 июля 1968 г. Присоединение: 26 мая 1975 г.
Соглашения о гарантиях МАГАТЭ	Подписание: 8 июля 1980 г. 27 декабря 2003 г. объявлено о намерении подписать Дополнительный протокол
ДВЗЯИ	Подписание: 13 ноября 2001 г. Ратификация: 14 января 2004 г.
ОЗХО	Присоединение: 5 февраля 2004 г.
КХО	Ратификация: 14 января 2004 г. Присоединение: 5 февраля 2004 г.
КБТО	Присоединение: 19 января 1982 г.

Одно время западные эксперты относили Ливию к категории так называемых опасных стран с точки зрения ведения там военно-прикладных исследований в области ОМУ, в частности ядерного, однако в последнее время с их стороны были сделаны признания, что эта оценка была преувеличенной.

Ливия с конца 1970-х гг. пыталась осуществлять ядерную программу, но работы не вышли за рамки теоретических исследований. В Таджуре был создан Центр ядерных исследований, где находятся исследовательский реактор мощностью 10 МВт, подкрити-

ческий стенд, радиохимическая лаборатория и некоторое прочее оборудование западноевропейского и советского происхождения. Санкции, действовавшие против Ливии с 1992 по 1999 г., привели к тому, что большая его часть пришла в нерабочее состояние. Деятельности по созданию атомной энергетики Триполи не проводил, хотя разрабатывал план постройки АЭС в конце 1970-х гг.

Ливия является государством-участником Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. Начало осуществления ливийской военно-прикладной программы в области биологического оружия относится к середине 1980-х гг. Однако до сих пор эти программы находились на стадии исследований и разработок. Каких-либо промышленных работ для реализации этой программы начато не было. Это объяснялось слабостью ее научно-технологической базы, недостаточным финансированием, нехваткой соответствующего оборудования и опытных специалистов. Западные эксперты не исключали возможность того, что ливийские ученые способны были произвести ограниченное количество веществ (вероятно, бактерий и/или токсинов). Однако, согласно их же оцен-

Схема 1

Объекты по производству ОМУ Ливийской Арабской Джамахирии

Источник: <http://www.globalsecurity.org>

кам, такого количества недостаточно для реализации военной программы. Ливийское руководство сосредоточило усилия на осуществлении проекта лабораторий общего здравоохранения (ЛОЗ), строительство которых, начатое в 1991 г. неподалеку от Триполи, до сих пор не завершено. Согласно планам, в число ЛОЗ должны были входить микробиологический институт и несколько объектов, пригодных для проведения исследований, разработок и опытов, а также производства биологических агентов.

Выводы западных экспертов об уровне развития этой программы сводились к тому, что в настоящее время Ливия не в состоянии без внешней поддержки перейти от стадии научных исследований к военному производству. Причина – нехватка объектов промышленной инфраструктуры, необходимых для организации собственного производства биологического оружия без внешней помощи. Ввиду дефицита специальных знаний в области биотехнологии, мини-инкапсуляции и характера генетического воздействия, маловероятно, что по меньшей мере в обозримом будущем Ливия смогла бы создать значительный потенциал в данной области.

5 февраля 2004 г. Ливия стала 159-м государством–членом ОЗХО и присоединилась к КХО.

Начиная с 1980-х гг. Триполи предпринимал попытки разработать программу химического оружия (ХО). Длительное время программа осуществлялась преимущественно на основе деятельности химического завода «Рабта», который в период 1989–1991 гг. произвел около 100 т отравляющих веществ². Из них Ливия может до сих пор располагать приблизительно 80 т иприта. В 1995 г. Ливия объявила о перепрофилировании этого завода на фармацевтическое производство и о демонтаже реакторов, использовавшихся для конечного синтеза агентов ХО. В 1990 г. было начато строительство большого подземного завода в районе Тархуна, которое ввиду недостатка финансирования было заморожено в 1996 г. Несмотря на заявления руководства страны о том, что этот объект является частью общенационального ирригационного проекта, в западных СМИ периодически появлялись сообщения о том, что он также может быть частью ливийской программы по созданию ХО.

В разработке этой программы Ливийская Джамахирия испытывала трудности, которые не позволяли готовить собственных технических специалистов; кроме того, необходимое оборудование и прекурсоры должны поставляться из-за границы. В период 1992–1999 гг. в результате санкций ООН были ограничены номенклатура и объем помощи Триполи из-за рубежа. Приостановление действия санкций в 1999 г. позволило Ливии вновь установить контакты с зарубежными партнерами, которые могли предоставлять знания, оборудование и прекурсоры для производства ХО.

Программа правительства Ливии по оснащению вооруженных сил страны баллистическими ракетами действует с начала 1970-х гг. Она включает как отечественную разработку ракетных вооружений, так и их приобретение за рубежом. Работа внутри страны реальных или полезных результатов не принесла. Ливийская ракетная программа зависит от иностранных технических специалистов и оборудования. Без широкой поддержки извне реализация этой программы в конечном итоге была бы прекращена. Как считают американцы, основным поставщиком специалистов и технической помощи является Северная Корея. По их мнению, любые новые ливийские ракеты, которые могли бы быть созданы в ближайшие десять лет, скорее всего, в значительной степени стали бы результатом технической поддержки со стороны Пхеньяна.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Новость из Триполи наиболее эмоционально была воспринята на Ближнем и Среднем Востоке, который является близким к Европе взрывоопасным очагом международной на-

пряженности. Ряд государств региона располагают ОМУ и средствами его доставки, что, главным образом, продиктовано продолжающимся арабо-израильским конфликтом.

Лидеры арабского мира расценили решение Триполи как ответственный шаг, подтверждающий стремление Ливии внести реальный вклад в обеспечение мира и безопасности в регионе. Одновременно многими из них, включая главу Лиги арабских государств, подчеркивалось, что этот шаг – пример для подражания, прежде всего для Израиля, который продолжает совершенствовать свой военный ядерный потенциал и не поставил всю свою ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ. В этой связи к международному сообществу обращен призыв воздействовать на Тель-Авив с тем, чтобы расчистить путь для создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ. Вместе с тем в ряде заявлений с досадой отмечалось, что подозрения США в отношении осуществления Триполи программ ОМУ были, как выясняется, не беспочвенны. Авторы этих заявлений обвиняют ливийского лидера в том, что он подвел арабов, которые добивались полной реабилитации Джамахирии в глазах Вашингтона, доказывая необоснованность претензий к ней, связанных с программами ОМУ.

Интрига ситуации заключается в том, что М. Каддафи, руководитель страны, бывшей до последнего момента в числе наиболее активных арабских государств, подвергавших резкой критике ядерную программу Тель-Авива³, обратился с призывом к Сирии и Ирану последовать примеру Ливии и отказаться от программ разработки ОМУ, не упомянув при этом Израиль.

Понятно, что такой поворот событий у Дамаска и Тегерана никаких иных эмоций кроме раздражения вызвать не мог. Сирийцы считают, что ливийская инициатива к ним никак не относится, поскольку Сирия еще в конце 1960-х гг. присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписала Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Выступая на совместной пресс-конференции в Дамаске, министры иностранных дел Сирии и Ирана Ф. Шараа и К. Харрази призвали международное сообщество оказать давление на Израиль с тем, чтобы заставить его ликвидировать свой ядерный арсенал.

В западной прессе появлялись сообщения об обсуждаемых Великобританией, Францией и Германией планах выступить, как они уже сделали применительно к Ирану, с неким новым совместным демаршем по проблеме сирийского ОМУ⁴. Известно, что Лондон уже предпринимал попытки проведения работы с Дамаском применительно к ситуации в Ираке, палестинско-израильскому конфликту, а также перспективам сирийского вклада в борьбу с терроризмом и радикальными группировками. Нераспространенческая инициатива англичан на сирийском направлении не является чем-то абстрактным. Не секрет, что Т. Блэр с особым вниманием относится к ближневосточной теме и может посчитать время для принятия Сирией решения вполне подходящим, тем более что это может помочь сблизить позиции Великобритании с Германией и Францией после имевших место разногласий по иракской проблеме.

Впрочем, МИД Сирии пока категорически отвергает наличие каких-либо контактов с западноевропейской тройкой на этот счет.

Последние действия сирийского руководства показывают, что оно не намерено переходить к обороне, а, напротив, будет проводить наступательную позицию. Сирийцы с прицелом на Израиль пытаются увязать решение Триполи с ситуацией с распространением ОМУ на Ближнем Востоке. В этой связи они предприняли попытки созвать консультативное заседание Совета Безопасности ООН для возобновления обсуждения вопроса о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ. Дамаск также намерен держать наготове свой соответствующий проект резолюции, внесенный в СБ ООН в апреле 2003 г., с призывом к странам Ближнего Востока присоединиться в качестве государств, не обладающих ядерным оружием, к ДНЯО, а также Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО) и КЗХО.

На фоне заявлений М. Каддафи, а также того, что ОМУ Ирака так и не было до настоящего времени обнаружено⁵, а Иран подписал Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, осложняется ситуация для Израиля, поле для маневра которого по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, сужается. Как отмечает французская газета *Le Figaro*⁶, в настоящее время нынешняя американская администрация предпочитает воздерживаться от заявлений, которые звучали прежде, о том, что политика США в области контроля над вооружениями не нанесет ущерба возможностям стратегического сдерживания Израиля. Ряд западных аналитиков также высказывает мнение, что Вашингтон может отойти от, возможно, имевшей место в 1969 г. договоренности с Тель-Авивом: США не будут настаивать на вступлении Израиля в ДНЯО, если последний, в свою очередь, не станет официально заявлять о своих претензиях на вступление в число признанных ядерных государств.

Примечательна в этом плане и более открытая позиция руководства МАГАТЭ на этот счет. Так, Генеральный директор этой организации М. Эльбарадей в одном из своих предновогодних интервью⁷ призвал Израиль отказаться от своего ядерного арсенала ради продвижения процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке. По его словам, несмотря на то, что Израиль отказывается признать наличие у него ядерных вооружений, в Агентстве исходят из предположения, что Тель-Авив им обладает, причем последний никогда этого не скрывал. М. Эльбарадей призвал Израиль присоединиться к ДНЯО и начать региональный диалог о ликвидации всех видов ОМУ.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Лидеры западноевропейских стран в связи с решением Триполи в основном акцентировали внимание на важности многосторонних политических нераспространенческих усилий. В целом для ЕС, после принятия Стратегии европейской безопасности⁸, новость из Триполи стала наглядной демонстрацией реализуемости многих положений, изложенных в документе и направленных на пресечение распространения ОМУ. В столицах стран ЕС отмечалось, что это решение является свидетельством возможности преодолевать кризисные ситуации не силовыми методами, как в случае с Ираком, а путем терпеливой комплексной работы с вовлечением в процесс урегулирования политического и дипломатического потенциала ООН, а также ряда заинтересованных стран. Подчеркивалось, что тем самым дан дополнительный импульс развитию политического диалога ЕС с Ливией, вырисовываются более обнадеживающие перспективы формирования пояса стабильности в Южном Средиземноморье, причем конкретная реакция европейцев не заставила себя долго ждать. Так, министр иностранных дел Бельгии А. Мишель выразил готовность работать вместе с западноевропейскими коллегами в направлении расширения сотрудничества с Триполи и намерение посетить Ливию в феврале 2004 г.

Высокопоставленные итальянские официальные лица заявили, что Италия традиционно рассматривает Ливию в качестве важного партнера как в двустороннем плане, так и в «средиземноморском» контексте. Рим полагает, что решение Триполи стало возможным в том числе благодаря итальянской политике поддержания конструктивного диалога и развития сотрудничества с Ливией.

Вместе с тем за внешне беспристрастной политической реакцией Европы на события, происходящие вокруг Ливии, просматриваются вполне сформировавшиеся экономические интересы ряда европейских средиземноморских стран в отношении ливийского рынка.

Прогнозируя быструю интеграцию Триполи в мировое сообщество, испанские бизнесмены уже приступили в Ливии к проработке проектов двустороннего сотрудничества с акцентом на нефтегазовую промышленность⁹ и строительный сектор. Они могут потеснить итальянских и французских предпринимателей, исторически имевших в этой стра-

не заметные позиции. Видимо, не случайно после принятия 12 сентября 2003 г. резолюции СБ ООН об отмене санкций против Ливии первым зарубежным лидером, посетившим Триполи, был председатель правительства Испании Х.М. Аснар.

РОЛЬ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вашингтон и Лондон, судя по всему, по праву заслужили свои рождественские подарки в виде упомянутого в начале статьи заявления М. Каддафи, квалифицировав решение ливийского лидера как крупный шаг по предупреждению распространения ОМУ. Как становится известно, интенсивные конфиденциальные трехсторонние переговоры по этому поводу длились около девяти месяцев¹⁰.

Американцы, конечно же, склонны рассматривать эволюцию линии Ливии через призму эффективности своих военно-политических методов давления и при этом подчеркивают, что именно решительность действий США в Ираке позитивно сказывается на поведении других ближневосточных «режимов-изгоев». Это, впрочем, категорически отвергается самими ливийцами, в частности министром иностранных дел Ливии А. Шалькамом, который указывает на исключительно добровольный характер принятого решения об отказе от ОМУ. Вместе с тем премьер-министр Ливии Ш. Ганем, видимо, отражая нетерпение своего суверена, связанное со скорейшим получением политических и экономических дивидендов, заявил о необходимости снятия до 12 мая 2004 г. действующих санкций США в отношении Ливии. В противном случае Триполи, мол, не может гарантировать выплат компенсации родственникам пассажиров, погибших в катастрофе над Локебери, в полном объеме. Для ускорения процесса ливийцы пытаются пустить в ход свои козырные карты в виде намеков на то, что компании США могут рассчитывать на солидную долю ливийских инвестиций при разработке новых нефте-газодобывающих месторождений. (На эти цели Триполи планирует ассигновать более 30 млрд долл. США в течение ближайших десяти лет.) Сообщается также, что Триполи готов существенно расширить возможности для делового сотрудничества страны с США и в области военно-промышленного комплекса.

Вместе с тем Дж. Буш пока не спешит с отменой экономических санкций в отношении Ливии, которые были введены в 1986 г. во время правления президента Р. Рейгана. В своем заявлении, сделанном в ходе посещения города Сент-Луис (7 января 2004 г.), он высказался за продление режима санкций на 2004 г., указав, однако, что президент США имеет полномочия пересмотреть это решение в любой момент, в зависимости от прогресса, который продемонстрирует Триполи в деле ликвидации своих программ по созданию ОМУ.

Англичане же радикальные изменения в подходах Триполи записывают на счет своего «Форин офиса». По их мнению, благодаря искусно проведенной работе английской дипломатии удалось вывести Ливию из списка военных целей США, что стало возможным в результате согласия американцев отказаться от планов смены ливийского режима в случае его открытого сотрудничества по вопросам ОМУ. В отличие от Вашингтона, Лондон уже активно дает понять руководству Ливии, что он близок к тому, чтобы считать, что двусторонние отношения постоянно нормализуются. Английские власти объявили о возможном упрощении в ближайшем будущем порядка въезда в Великобританию направляющихся на учебу ливийских граждан и их регистрации. В Триполи ожидают приезда британских экономистов, которые должны оказать содействие в разработке программы либерализации ливийской экономики. Министр иностранных дел Великобритании Дж. Строу подтвердил приглашение министру по внешним связям и международному сотрудничеству Ливии А. Шалькаму посетить Лондон с официальным визитом. При этом в будущем стороны не исключают возможность организации встречи Т. Блэра с М. Каддафи.

Похоже, что Вашингтон и Лондон вжились в образ «злого и доброго шерифов» и до сих пор неплохо с ним справляются. Очевидно, что ливийская модель будет ими активно «раскручиваться» в будущем, в том числе и в ООН, применительно к остающимся по определению США «странам-изгоям», которым будет предъявлен своего рода ультиматум: следуйте примеру Ливии, либо вас ждет участь Ирака.

ЛИВИЙСКИЕ ИНСПЕКЦИОННЫЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

Эксперты США и Великобритании посетили ливийские объекты, которые могли быть связаны с военно-прикладными программами по разработке ядерного, химического и биологического оружия и ракетных средств их доставки, ознакомились с соответствующей документацией и беседовали с ливийскими учеными, работающими в данных областях. Понятно, что США и Великобритания вряд ли ограничатся исключительно формальным посещением своими инспекторами этих объектов на территории Ливии, без каких-либо официальных документов и выводов на этот счет.

Вместе с тем аналогичную работу применительно к ливийской ядерной программе развернуло и МАГАТЭ. Это входит в мандат организации и является ее непосредственной обязанностью. В конце декабря 2003 г. Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей с группой инспекторов и высокопоставленных представителей Агентства посетил Ливию для организации начального этапа работ по проверке выполнения Ливией Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. М. Эльбарадей провел переговоры с ливийскими властями о сроках возможного подписания Ливией Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Инспекторы Агентства побывали на 9 из заявленных ливийскими властями 10 ядерных объектов¹¹. Ливийской стороне было предложено завершить все формальности по этому вопросу к мартовской сессии Совета управляющих МАГАТЭ. В этой связи Агентство планирует подготовить доклад по ядерной программе Ливии, который будет одним из центральных вопросов повестки дня сессии наряду с Ираном.

22 декабря 2003 г. Секретариат МАГАТЭ распространил среди членов Совета управляющих официальный документ¹², содержащий доклад Генерального директора Агентства о его встрече в Вене (20 декабря 2003 г.) с секретарем Национального совета по научным исследованиям Ливии М. Матуком. Последний сообщил, что Ливия в течение более десяти лет занималась разработкой возможностей обогащения урана. Это включало в себя импорт природного урана, центрифужного и конверсионного оборудования, а также строительство демонтированного на сегодняшний день пилотного центрифужного объекта. В документе указывается, что о некоторых видах такой деятельности не было поставлено в известность Агентство в соответствии с Соглашением о гарантиях, хотя это и должно было иметь место. Вместе с тем Генеральный директор МАГАТЭ был проинформирован, что ливийская программа ядерного обогащения была на ранней стадии развития и никаких объектов промышленного масштаба построено не было. Также не был произведен обогащенный уран. Ливия обратилась с просьбой подтвердить путем проверки, что вся ее ядерная деятельность будет, таким образом, находиться под гарантиями МАГАТЭ и осуществляться исключительно в мирных целях.

В этой связи была опасность возникновения двойственного характера ситуации, связанной с инспекционной деятельностью в Ливии. Судя по появившимся сообщениям¹³, между руководством США и МАГАТЭ имели место трения относительно того, кто же должен подвести черту под тем, насколько была продвинута ядерная программа Ливии, и кто должен контролировать процесс ее ликвидации. Понятно, что для Вашингтона, не скрывавшего ранее своего разочарования докладами МАГАТЭ по ядерной программе Ирана и инициированию им вопроса о сохранности ядерного материала в Ираке¹⁴ после завершения там боевых действий, Агентство представляется не вполне удобным инспекционным органом, тем более что по поступающим сообщениям уже появились существенные разночтения сторон в степени развития ядерной программы Триполи. Так,

высокопоставленные представители США поспешили заявить о том, что М. Эльбарადей, даже после его визита в Ливию, обладает минимумом знаний об объемах незаконных ливийских военных программ¹⁵. Официальный представитель Госдепартамента США А. Эрли явно с намеком на МАГАТЭ отмечал¹⁶, что «на нынешнем этапе еще слишком рано делать какие-либо окончательные выводы о масштабах ливийской ядерной программы». По его словам, подготовка окончательных заключений займет много времени и не станет результатом «лишь одной поездки экспертов МАГАТЭ в эту страну». Видимо, не случайно вслед за этими заявлениями в американской прессе появились сообщения о перехвате в сентябре 2003 г. нескольких тысяч элементов газовых центрифуг, используемых для обогащения урана¹⁷. Это оборудование перевозилось на судне немецкой компании. Погрузка была произведена в одной из стран Персидского залива. Судовладелец, по просьбе американцев, увел корабль в Италию. Информация об отправителе груза в адрес Ливии пока не разглашается.

Несмотря на запутанность ситуации с проведением инспекций в Ливии, заинтересованным сторонам все же удалось найти взаимоприемлемое решение. Так, в ходе состоявшихся в конце января 2004 г. в Вене трехсторонних переговоров Генерального директора МАГАТЭ М. Эльбарадея, старшего заместителя Госсекретаря США Дж. Болтона и заместителя министра иностранных дел Великобритании У. Эрзмана удалось согласовать порядок работы в Ливии инспекторов МАГАТЭ и экспертов США и Великобритании. Агентство отвечает за инвентаризацию чувствительных ядерных материалов и компонентов, американско-британский персонал – за организационно-техническое обеспечение их вывоза из Ливии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Очевидно, что пока еще рано делать какие-либо окончательные выводы и заключения относительно того, насколько программы ОМУ Ливии представляли угрозу миру на Ближнем Востоке. Вместе с тем нельзя отрицать, что, несмотря на сложность и запутанность возникшей ситуации, в целом решение Ливии явилось знаковым для мирового сообщества и несет в себе позитивный импульс. Для простых ливийцев оно означает более быструю реинтеграцию их страны в мировое сообщество. Государства, отстаивающие преимущество мирных политико-дипломатических методов устранения каких-либо озабоченностей, в том числе и в отношении ОМУ, получают наглядное подтверждение своей правоты. США и Великобритания, в свою очередь, также смогли в определенной мере реабилитировать себя после провала в обнаружении ОМУ и пробуксовки с послевоенным урегулированием ситуации в Ираке. Остающиеся пока на политической карте мира «страны-изгои» получили возможность понаблюдать, что же получит Ливия в обмен на отказ от своего ОМУ. Иными словами, рождественских и новогодних подарков и сюрпризов хватило на всех, при этом остается открытым вопрос: кто после М. Каддафи в наступившем году добровольно сыграет или будет вынужден играть роль Деда Мороза?

Примечания

¹ Приведенные в данной статье взгляды и оценки отражают исключительно мнение автора и не являются официальной позицией какой-либо организации.

² Libya To Give Up WMD. *BBC NEWS*. 2004, December 20.

³ Ливия неизменно выступала в числе соавторов Резолюции «Ядерный потенциал и ядерная угроза Израиля», которая каждый год принимается в МАГАТЭ по инициативе арабских государств.

⁴ Black Ian. UK Plans to Pressure Syria On Weapons. *Guardian*. 2003, December 23.

⁵ Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям и МАГАТЭ не смогли подтвердить наличие ОМУ в этой стране. В свою очередь руководства США и Великобритании еще в сентябре 2003 г. приняли решение не публиковать доклад американской группы во главе с Д. Кэйем. В ее составе числилось 1400 специалистов в основном из США, которые с мая по сентябрь 2003 г. вели поиски ОМУ на территории Ирака.

⁶ *Le Figaro*. 2003, Decembre 28.

⁷ ИТАР-ТАСС. 2003, 12 декабря.

⁸ Принята 12 декабря 2003 г. в Брюсселе.

⁹ В настоящее время Ливия покрывает более 10% потребностей Испании в нефти. Испанцы намерены увеличить объем поставок в свою страну.

¹⁰ Libya Denies Pressure Forced It to Abandon Weapons Programmes. *AFP*. 2004, January 1.

¹¹ Charbonneau Louis. UN Watchdog Wants Libya Nuke Intelligence Shared. *Reuters*. 2004, January 2.

¹² Документ МАГАТЭ GOV/2003/82.

¹³ Jahn George. US, UN Divided over Libya Nuke Issues. *Associated Press*. 2004, January 3.

¹⁴ Доклад Генерального директора МАГАТЭ «Осуществление соглашения о гарантиях между Республикой Ирак и МАГАТЭ в соответствии с ДНЯО», GOV/2003/46 от 15 июля 2003 г.

¹⁵ *New York Times*. 2004, January 2.

¹⁶ ИТАР-ТАСС. 2003, 31 декабря.

¹⁷ Wright Robin. Ship Incident May Have Swayed Libya. *Washington Post*. 2004, January 1.

Программа Глобального партнерства (ГП) стран «Большой восьмерки», принятая в 2002 г. в Кананаскисе, на сегодняшний момент достаточно широко исследована в различных как российских, так и зарубежных научных публикациях. Наиболее подробная подборка информации представлена на официальном сайте ПИР-Центра политических исследований¹. Однако остаются и такие аспекты программы, которые пока мало изучены. Одним из таких аспектов можно считать расширение программы Глобального партнерства за счет присоединения новых стран, не являющихся членами «Большой восьмерки». Данное исследование посвящено рассмотрению вклада стран Скандинавии в программу Глобального партнерства.

Под странами Скандинавии мы понимаем Норвегию, Швецию, Финляндию, Данию и Исландию. В данной работе основное внимание будет уделено первым трем странам, поскольку Дания, равно как и Исландия, к программе Глобального партнерства не присоединились². Участие Дании в международных программах по радиационно-экологической защите и нераспространению оружия массового уничтожения (ОМУ) ограничено вкладом в Фонд ЭПСИ и подписанием соглашения по односторонней ядерно-экологической программе в России (МНЭПР)³. Вопрос о присоединении Исландии к программе Глобального партнерства на сегодняшний день не рассматривается⁴.

Норвегия, Швеция и Финляндия заявили о намерении участвовать в инициативе «Группы восьми» по ГП против распространения оружия и материалов массового уничтожения в июне 2003 г. Первая встреча представителей государств «Группы восьми» и новых участников ГП состоялась в конце июня 2003 г. в Париже. Были обсуждены организационно-технические аспекты взаимодействия, рассмотрены перспективы совместной деятельности⁵.

Однако еще в начале 1990-х гг. страны Скандинавии разработали ряд проектов по оказанию помощи России в деле нераспространения оружия массового уничтожения, соответствующих технологий и материалов. За прошедшее время были достигнуты значительные успехи в сфере разработки проектов по утилизации, хранению, транспортировке радиоактивных отходов, в области систем физической защиты на атомных электростанциях, атомных ледоколах и др. Однако стоит признать, что потенциал сотрудничества не был реализован в полной мере. В качестве иллюстрации: из разработанных 518 совместных российско-норвежских проектов до практической реализации были доведены единицы⁶.

Для России приоритетными направлениями в рамках сотрудничества являются утилизация атомных подводных лодок (АПЛ) и уничтожение химического оружия⁷. Присоединение Норвегии, Швеции и Финляндии должно позволить расширить рамки программы Глобального партнерства и сферы иностранных капиталовложений. Уже на сегодняш-

ний день со странами Скандинавии заключен ряд как многосторонних, так и двусторонних соглашений по оказанию помощи России в деле нераспространения ОМУ и материалов. Остановимся на проблеме правового поля сотрудничества России и стран Скандинавии подробнее.

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКО-СКАНДИНАВСКИХ СОВМЕСТНЫХ ПРОГРАММ

Юридическая основа партнерства России и стран Скандинавии крайне разнообразна и многопланова. На данный момент существует целый ряд как двусторонних, так и многосторонних договоренностей. Двусторонняя база сотрудничества представлена различными соглашениями: ряд из них подписан на уровне отдельных организаций⁸, ряд – на уровне региональных властей⁹ и лишь небольшая часть из имеющихся соглашений – на уровне министерств и правительств¹⁰. Учитывая многообразие форм двустороннего сотрудничества, этот вопрос будет рассмотрен далее по каждой отдельной стране.

Первым документом по многостороннему сотрудничеству между Россией и странами Скандинавии в области радиационно-экологической безопасности стала Программа АМЕС (Программа военно-экологического сотрудничества в Арктике, Arctic Military Environmental Cooperation), принятая министрами обороны Норвегии, США и России в 1996 г. Цель Программы – решение проблем охраны окружающей среды в Арктике, возникших в результате военной деятельности. Программа АМЕС включает в себя целый ряд проектов по вопросам транспортировки и хранения облученного ядерного топлива (ОЯТ), переработки радиоактивных отходов (РАО). Программа финансируется и управляется министерствами обороны США, Норвегии и России. С начала работы программы затраты составили 41,5 млн долл.¹¹, из которых 10 млн долл. было предоставлено Норвегией, 25 млн долл. – Соединенными Штатами и 6,5 млн долл. выделила Россия¹².

Далее следует отметить План действий Северного измерения, принятый в рамках инициативы «Экологического партнерства Северного измерения»¹³ (ЭПСИ; The Northern Dimension Environmental Partnership, NDEP) в 2002 г., согласно которому предусматривалось выделение 73 млн долл.¹⁴ из общей суммы 130 млн долл. на проекты по ядерной и радиационной безопасности. Эта сумма явилась стартовым вкладом в Фонд Северного измерения. Доля ЕС составила 59 млн долл., Дания, Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Швеция и Россия вложили по 12 млн долл. Однако, несмотря на все достигнутые на декларативном уровне финансовые успехи, после принятия Плана действий Северного измерения часть вопросов по практической реализации многосторонних соглашений так и не была решена. Для выполнения проектов, предусмотренных Планом действий, требовалось подписание Соглашения о МНЭПР¹⁵. После четырехлетних переговоров соглашение о МНЭПР было подписано 21 мая 2003 г. в Стокгольме. Подписание Соглашения стало знаковым событием в работе международного сообщества и России с целью решения проблем обращения с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами с атомных подводных лодок, а также утилизации атомных подводных лодок на Северо-Западе России. Соглашение о МНЭПР подписали Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Евратом, ЕС, Нидерланды, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция. Соглашение освободило от налогообложения оборудование и услуги, предоставляемые России странами-донорами. До МНЭПРа эти вопросы оговаривались в двусторонних или многосторонних соглашениях на межправительственном уровне. Подписание таких соглашений требовало большего количества времени и усилий от государств. МНЭПР же ввел некий единый стандарт на содержание подобных соглашений. Заключение МНЭПР позволило, таким образом, открыть каналы для поступления указанных 73 млн долл. на комплексную утилизацию российских АПЛ в России из инициативы «Экологического партнерства Северного измерения»¹⁶. На конец 2003 г. Фонд ЭПСИ собрал достаточно солидные суммы, которые по разным оценкам превышают 150 млн долл.¹⁷. «И из 150 млн евро, которые переведены в фонд, 107 млн евро – это ядерно-экологические деньги, это примерно две трети средств»¹⁸.

Подписание Соглашения о МНЭПР, инициированного Норвегией еще в 1999 г., затягивалось по ряду причин. В частности, отказывалась подписать Соглашение Россия, ссылаясь на то, что некоторые его пункты, в частности касающиеся налогообложения на территории Российской Федерации, противоречат внутреннему законодательству. Но все разногласия были в конечном итоге устранены. В настоящее время еще предстоит провести ратификацию документа в некоторых странах-участниках¹⁹.

Однако Соглашение о МНЭПР не явилось окончательным документом, регулирующим юридическую основу многостороннего сотрудничества. Все еще существуют сложности с вопросом об ответственности за ущерб, куда входит и ядерная ответственность. Суть проблемы заключается в том, кто будет нести материальные обязательства в случае, если, например, на оборудовании, поставленном страной-донором, произойдет авария.

На сегодня существуют разные трактовки этого вопроса в ранее подписанных двусторонних соглашениях. Их можно разделить на три группы. Первый вариант подразумевает возложение полной ответственности на Российскую Федерацию, как это сделано в российско-американской программе Совместного уменьшения угрозы, продленной в 1999 г. и истекающей в 2006 г. Второй вариант, более мягкий, который присутствует в Протоколе по вопросам претензий, судебных разбирательств и освобождения от материальной ответственности к МНЭПР²⁰, содержит оговорки, например, «преднамеренные действия, повлекшие за собой ущерб»²¹. Третий вариант включает в себя временные соглашения, переговоры о ратификации которых продолжаются. В большинстве случаев на данный момент этот вопрос решается по конкретным двусторонним соглашениям.

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Норвегия первой из стран, не являющихся членами «Большой восьмерки», заявила о своем участии в программе Глобального партнерства. Присоединение к инициативе стран «Большой восьмерки» по ГП стало закономерным событием, поскольку, начиная с 1995 г., Норвегией был разработан целый ряд проектов по оказанию помощи России по проблеме обеспечения радиационно-экологической безопасности и нераспространения ОМУ, соответствующих материалов и технологий. Эти проекты охватывали вопросы утилизации радиоактивных отходов (РАО), перевозки и хранения облученного ядерного топлива (ОЯТ), демонтажа российских АПЛ. На сегодняшний день основным с точки зрения объемов вложенных средств направлением российско-норвежского сотрудничества является комплексная утилизация российских АПЛ²².

По данным Посольства Норвегии в Москве, за последние 10 лет Норвегия профинансировала проекты по российско-норвежскому сотрудничеству на сумму 120 млн долл. Норвегия планирует вложить 118 млн долл. США за 10 лет (т.е. по 12 млн долл. в год, что сопоставимо с вкладом в ГП Японии и ставит Норвегию в один ряд со странами «Большой восьмерки» по объемам планируемого финансирования проектов в рамках Глобального партнерства) с целью финансирования различных проектов этой программы, главным образом в России²³.

Нормативная база российско-норвежского сотрудничества

26 мая 1998 г. было подписано первое российско-норвежское двустороннее соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей природной среды в связи с утилизацией российских АПЛ, выведенных из состава ВМФ России в Северном регионе, и повышения ядерной и радиологической безопасности, в котором был оговорен ряд конкретных проектов:

- Освобождение и вывод из эксплуатации хранилища ОЯТ АПЛ в губе Андреева; проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию в губе Андреева времен-

ного хранилища твердых радиоактивных отходов (ТРО). Выполнение проекта было затруднено нежеланием Министерства обороны РФ предоставить доступ международным экспертам на объект в губе Андреева. Несмотря на это, Норвегия начала выполнение субпроекта, выделив около 817 тыс. долл. США на отвод ручья, впадающего в залив Западная Лица на Кольском полуострове, от хранилища ОЯТ. Проект был завершен в сентябре 1999 г. Все работы на объекте выполнила российская сторона. Норвегия получила отчет о проделанной работе в виде фотографий. Первоочередная задача – реабилитация береговой технической базы и территории в губе Андреева. В сентябре 2001 г. было начато финансирование работ по восстановлению и наращиванию инфраструктуры в губе Андреева в размере более 3 млн долл.

- Создание на перерабатывающем предприятии «Маяк» промежуточного хранилища для ОЯТ судовых ядерных установок. Изучение возможности строительства «сухого» хранилища на предприятии «Маяк» было завершено. Минатом не согласился с представленной концепцией и продолжает настаивать на завершении строительства существующего хранилища с использованием «мокрой» технологии. Исследование было совместно профинансировано ЕС, Норвегией и Швецией. Норвегия выделила на проект 209 тыс. долл. США.
- Проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию специального самоходного судна для перевозки контейнеров с ОЯТ. Обсуждение возможности предоставления ВМФ России судна технологического обслуживания для перевозки ОЯТ началось в 1995 г. Норвежская компания «Kvaerner Maritime» провела исследование и представила описание проекта, но далее этого ничего не двинулось. Среди причин остановки проекта называлось отсутствие соглашения с Россией об ответственности за ядерный ущерб. Работы были профинансированы Министерством иностранных дел Норвегии, выделившим на эти цели 423 тыс. долл. США.
- Строительство и ввод в эксплуатацию четырех специальных железнодорожных вагонов для перевозки контейнеров с ОЯТ. Норвегия выделила 3,1 млн долл. на строительство четырех вагонов типа ТК-ВГ-18 для транспортировки ОЯТ, выгружаемого из АПЛ Северного флота, на перерабатывающее предприятие «Маяк». До этого времени в России имелся один эшелон, состоящий из четырех вагонов. Строительство вагонов было проведено на Ижорских заводах, которые построили существующие ТК-ВГ-18. Проект завершился весной-летом 2000 г.
- Модернизация и ввод в эксплуатацию промежуточного хранилища для жидких радиоактивных отходов (ЖРО) на судоремонтном заводе «Звездочка» (г. Северодвинск). Этот проект касается модернизации так называемого Объекта 159 на СРЗ «Звездочка» в Северодвинске. Объект включает в себя две емкости типа А-02 для хранения низкоактивных ЖРО. Вместимость каждой емкости составляет 500 м³. Емкости расположены рядом с площадкой предполагаемого размещения установки по переработке ЖРО и используются в качестве буферного хранилища. Работы по модернизации начались в мае 1998 г. и были завершены в августе 1999 г. Общие затраты Норвегии по этому проекту составили 4,3 млн долл.
- Поставка мобильной установки для переработки ЖРО (г. Мурманск). Цель проекта – разработка и строительство мобильной установки по переработке ЖРО для Северного флота. На сегодня проект не имеет четкой схемы финансирования и исполнения.
- Утилизация плавучей технической базы «Лепсе».
- Модернизация установки по переработке ЖРО на предприятии «Атомфлот» (г. Мурманск). Результаты по двум последним направлениям будут рассмотрены далее²⁴.

По химическому оружию сотрудничество реализуется через Межправительственное соглашение с Великобританией от 20 декабря 2001 г. и Меморандум о взаимопонимании

между Великобританией и Норвегией относительно уничтожения химического оружия в России от 14 марта 2002 г.²⁵.

В рамках программы Глобального партнерства первым документом российско-норвежского сотрудничества стало соглашение от 27 июня 2003 г., согласно которому норвежская сторона будет финансировать демонтаж и утилизацию двух российских АПЛ класса *Victor-II* Северного флота. Один из контрактов был подписан с судоремонтным заводом «Нерпа» (Мурманская область), второй – с судоремонтным заводом «Звездочка» (Архангельская область). По поручению правительства Российской Федерации госзаказчиком и координатором работ с российской стороны выступает Минатом РФ. С российской стороны документы подписали заместитель министра по атомной энергии РФ С.В. Антипов, заместитель директора по производству судоремонтного завода (СРЗ) «Нерпа» А.В. Горбунов и главный инженер машиностроительного предприятия «Звездочка» О.А. Фролов, с норвежской – заместитель министра иностранных дел Норвегии К. Тровик и посол Норвегии в России О. Нордслеттен. На утилизацию двух российских АПЛ правительство Норвегии выделило 10 млн долл. Сумма каждого контракта составляет 5 млн долл. Средства выделяются в том числе и на выгрузку, транспортировку и временное хранение ядерного топлива подводных лодок до его переработки²⁶.

Сотрудничество по проектам в губе Андреева и на предприятии «Нерпа»

База в губе Андреева на берегу Баренцева моря была сооружена в начале 1960-х гг. и обслуживала атомный ледокольный флот СССР, а потом России. Основные объекты базы были предназначены для хранения и обращения с ядерными материалами и радиоактивными отходами. Они были построены 30–40 лет назад и за этот период не подвергались капитальному ремонту. С 1993 г. база не используется. Губа Андреева находилась в ведении Министерства обороны РФ, теперь она передана под юрисдикцию Минатома России. По данным специалистов, в губе Андреева хранятся 21 640 отработанных тепловыделяющих сборок, в которых находится около 35 т топливной композиции и 12 тыс. м³ твердых и жидких радиоактивных отходов.

Территория базы определена как экологически неблагоприятная и требующая реабилитации. Российская сторона акцентирует внимание на том, что инфраструктура объекта нуждается в реконструкции и необходимо провести ряд работ по приведению этой территории в безопасное для окружающей среды состояние²⁷.

6 августа 2002 г. на базе технического хранения радиоактивных отходов Северного флота в губе Андреева был сдан в эксплуатацию административно-бытовой комплекс «Норвежская деревня», построенный Федеральным государственным унитарным предприятием «СевРАО» при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Королевства Норвегия. Для создания «Норвежской деревни», то есть инфраструктуры, необходимой для того, чтобы персонал мог работать и активно заниматься реабилитацией этой базы, Норвегией было выделено 2 млн долл.²⁸.

Правительство Норвегии выделило также около 1 млн долл. США на строительство водовода в губе Андреева, который обеспечит водоснабжение всех находящихся на территории сооружений²⁹.

4 сентября 2002 г. между администрацией Мурманской области, государственным предприятием «СевРАО» и Правительством норвежской провинции Финнмарк подписано соглашение о сотрудничестве в области обеспечения радиационной безопасности. Норвежская сторона профинансирует строительство участка дороги протяженностью 16 км, чтобы вывозить ядерное топливо из хранилища на переработку, и создание физической защиты базы в Андреевой губе.

Правительство Норвегии выделило в 2003 г. 3,7 млн долл. на работы в губе Андреева и на предприятии «Нерпа»: 660 тыс. долл. США получил Снежногорский судоремонтный завод для разделки атомной подводной лодки класса *Victor-II*; 2 млн долл. были использованы на строительство участка автодороги от шоссе Мурманск – Печенга до техниче-

ской базы в губе Андреева, еще свыше 660 тыс. долл. пошло на возведение элементов физической защиты³⁰.

15 октября 2003 г. состоялась церемония открытия водовода, караульных помещений, элементов физической защиты базы и дороги, ведущей к берегу Мотовского залива. В церемонии принимали участие заместитель министра иностранных дел Королевства Норвегия К. Тровик, заместитель министра по атомной энергии России С.В. Антипов, первый заместитель губернатора Мурманской области А.А. Селин.

По словам заместителя министра иностранных дел Королевства Норвегия К. Тровика, «экологическая безопасность Мурманской области – один из главных наших приоритетов. У нас есть прочная основа для сотрудничества, хорошие контакты между губернами двух областей, мы сумели вызвать интерес к этому вопросу в мире». Заместитель губернатора Мурманской области А.А. Селин, говоря о международном сотрудничестве, заметил: «Стоимость трех контрактов – 3,7 млн долл. Направлены они в первую очередь на создание нормальных условий для специалистов «СевРАО», работающих в Андреевой губе. Импровизированный фонтан из гидранта – это своеобразный отчет о проделанной работе. В одно из самых грязных мест планеты, где хранится треть радиоактивных отходов Кольского полуострова суммарной активностью 16 млн кюри, наконец-то поступает чистая вода». В скором будущем планируется подписание еще двух контрактов на общую сумму более 1 млн долл. на проектирование и строительство производственной разделки и проведение инженерно-геологических исследований в Андреевой губе³¹.

Обеспечение безопасности на Кольском полуострове и Кольской АЭС

Объемы накопленных на Кольском полуострове ЖРО составляют 10 тыс. т. В основном это продукт деятельности атомных подводных лодок и гражданского ледокольного флота. До 1989 г. ЖРО с российских атомных ледоколов сливались в Баренцево море, ЖРО с атомных подводных лодок Северного флота – до 1993 г. Ситуация стала меняться лишь после того, как на мурманском предприятии «Атомфлот» была построена установка для переработки ЖРО. Мощность установки составляла 1200 м³ в год, и перерабатывалось только отработанное ядерное топливо с атомных ледоколов; при этом считалось, что для переработки ЖРО с Северного флота требовалось оборудование большей мощности. Это и стало главным мотивом модернизации старой установки и строительства на ее основе новой – мощностью до 5000 м³ в год, финансировать которое взялись Норвегия и США.

США и Норвегия согласились участвовать в данном проекте, который получил название «Мурманская инициатива – РФ», в 1994 г., чтобы помочь России выполнить требования Лондонской конвенции 1972 г., запрещающей захоронение в Мировом океане радиоактивных отходов.

Стоимость установки составила, по оценкам представителей «Атомфлота», примерно 6 млн долл. (участники проекта, включая Россию, выплатили эту сумму примерно в равных долях). Деньги выделялись постепенно: США и Норвегия согласились финансировать проект поэтапно. Норвежцы и американцы, не видевшие в реализации проекта особых проблем, ожидали, что уже через пару лет новая установка заработает. Но проекту была уготована сложная судьба. В 1998 г. намечалось официальное открытие установки с присутствием министра иностранных дел Норвегии (в то время этот пост занимал К. Воллебек), сопровождаемого норвежскими журналистами. Но министр был лишен чести провести церемонию открытия, так как в то время на месте установки была лишь строительная площадка. В том же году король Норвегии Харальд тоже посетил строительную площадку, но также был лишен возможности официально ее открыть. В мае 2002 г. делегация норвежского МИДа во главе с госсекретарем министерства Э. Тронстад приехала в Мурманск, чтобы ознакомиться с результатами реализации проекта «Мурманская инициатива», однако норвежцы не были допущены в цех, где находится новая установка, из-за отсутствия у членов делегации справок о прохождении медицинского обследования.

В июле 2003 г., когда прошли все контрольные сроки, специалисты «Атомфлота» пришли к выводу, что запустить новую установку по переработке ЖРО, в которую вложены значительные средства зарубежных партнеров России, в сегодняшних условиях невозможно. Директор «Атомфлота» А.В. Синяев заявил, что установка не может быть введена в строй из-за технических недостатков проекта и проблем с финансированием: «По нашим оценкам, сегодня для окончательной технической доводки и сертификации некоторых узлов установки, необходимых для ее пуска, требуется около 67 тыс. долл. США, но поскольку наше предприятие дополнительно вложило в строительство установки 435 тыс. долл. США из собственных средств, которые нам пока никто не возместил, для завершения проекта потребуется в общей сложности 502 тыс. долл. США». Норвежцы и американцы по понятным причинам больше не хотят вкладывать деньги в этот проект³².

За период с 1994 по 2002 г. на Челябинское производственное объединение (ПО) «Маяк» с Кольского полуострова было отправлено 29 спецэшелонов с облученными тепловыделяющими сборками, а в 2002 г. к ним добавилось еще 10. Это более 15 тыс. облученных тепловыделяющих сборок. В решении проблемы освобождения региона от отработанного ядерного топлива, вывоза его на комбинат «Маяк» для хранения и утилизации приняла активное участие Норвегия. В частности, на средства Норвегии был построен второй спецэшелон, предназначенный для вывоза хранящегося на борту плавучих технических баз пароходства ОЯТ на ПО «Маяк», что позволило вдвое ускорить темпы работ. Всего на строительство четырех вагонов типа ТК-ВГ-18 Норвегия выделила 3,1 млн долл. В каждом из вагонов находится по три ударопрочных контейнера, изготовленных из нержавеющей стали, весом 40 т и с толщиной стенок 30 см³³, позволяющих удерживать уровень радиации в пределах нормы.

6 июня 2002 г. был подписан контракт на утилизацию радиоизотопных термоэлектрических генераторов (РИТЭГ), применяемых в качестве источника питания на маяках в труднодоступных районах побережья Кольского полуострова. Большинство РИТЭГов, которые используются в навигационном оборудовании Гидрографической службы Северного флота, выработали свой ресурс, представляют потенциальную угрозу радиоактивного загрязнения окружающей среды и подлежат замене. До конца 2002 г. было утилизировано 10 РИТЭГов, для чего норвежской стороной выделено 190 тыс. долл. США. Взамен РИТЭГов на навигационном оборудовании планируется устанавливать солнечные батареи³⁴.

Кроме того, Норвегия принимает участие в работе по обеспечению безопасности на Кольской АЭС. Пуск первого блока КолАЭС состоялся в 1973 г., а последний, четвертый блок был пущен в 1984 г. Усилия Норвегии направлены на то, чтобы сделать эксплуатацию Кольской АЭС более безопасной. За последние 10 лет Норвегия потратила 19 млн долл. на работы по повышению безопасности электростанции³⁵.

Утилизация АПЛ

По данным на январь 2004 г. из состава Северного флота выведено 117 АПЛ³⁶, из которых 37 до сих пор имеют на борту невыгруженное ОЯТ, и только примерно 60 АПЛ были полностью утилизированы. ОЯТ из более чем 100 реакторов находится на хранении на береговых базах и судах технологического обслуживания, и еще около 130 активных зон реакторов до сих пор остаются на борту списанных АПЛ³⁷.

В 1991 г. была принята российско-американская программа Совместного уменьшения угрозы, которая, однако, была рассчитана лишь на утилизацию российских стратегических АПЛ³⁸. Начиная с 1995 г. разрабатывались проекты содействия других стран России в решении проблемы утилизации многоцелевых АПЛ, однако лишь после принятия программы Глобального партнерства круг государств-доноров значительно расширился, увеличились объемы инвестиций, необходимые для утилизации всех списанных АПЛ. С подписанием МНЭПР планируется увеличение объемов финансирования проектов комплексной утилизации российских многоцелевых АПЛ за счет Фонда ЭПСИ.

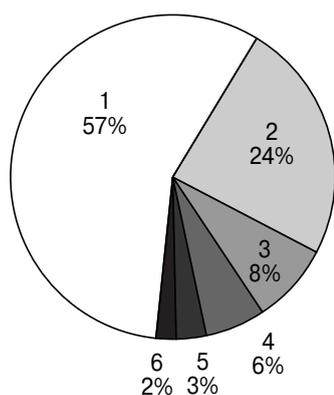
Как уже было сказано выше, по Российско-норвежскому соглашению от 27 июня 2003 г. норвежская сторона финансирует демонтаж и утилизацию двух российских АПЛ класса *Victor-II* Северного флота. Соглашение стало пилотным проектом, который привлек в Мурманскую область экологические транши других европейских государств. На данный момент о своем участии и заинтересованности в программах по утилизации многоцелевых АПЛ в Северном регионе России заявили Великобритания и Франция³⁹. Планируется также подписание соглашений по утилизации 6 многоцелевых российских АПЛ с Италией⁴⁰. Заявленные суммы финансирования в проекты по утилизации российских многоцелевых АПЛ для сравнения представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Средства, выделяемые на комплексную утилизацию российских многоцелевых АПЛ (млн долл. США)

Япония	Великобритания	Франция	Канада	Германия	Норвегия
100 млн долл.	100 млн долл.	40 млн евро	200 млн кан. долл.	300 млн евро	100 млн долл. ⁴¹

Финансирование проектов по комплексной утилизации российских многоцелевых АПЛ

- 1 – Германия
- 2 – Япония
- 3 – Великобритания
- 4 – Франция
- 5 – Канада
- 6 – Норвегия

Проект «Лепсе»

Судно «Лепсе» было спущено на воду в 1936 г. В 1962 г. оно прошло переоборудование в плавучую техническую базу (ПТБ). С 1981 г. используется как хранилище облученного ядерного топлива, радиоактивных отходов, технологической оснастки и является ядерно- и радиационно-опасным объектом в регионе Баренцева моря.

На ПТБ «Лепсе» хранятся 639 отработавших тепловыделяющих сборок активностью 700 тыс. кюри. В результате длительного хранения произошло их коррозионное разрушение, исключающее возможность свободного извлечения из хранилища при помощи существующих технологий и оборудования.

Весь процесс утилизации – от выгрузки топлива до разделки и переплавки чистых частей судна – обойдется в 30,7 млн долл. и займет не менее пяти лет. Учитывая финансовые проблемы России, в 1995 г. был создан Консультационный комитет по международному экологическому проекту «Лепсе», в работе которого приняли участие Норвегия, Франция, Великобритания, «Северная экологическая финансовая корпорация» НЕФКО (The Nordic Environment Finance Corporation, NEFCO)⁴². Долгое время проект не трогался с места – из-за нерешенного вопроса об ответственности за ядерный ущерб между Россией и странами-донорами. Лишь 25 сентября 2002 г. ОАО «Мурманское морское паро-

ходство» и «Северная экологическая финансовая корпорация» подписали Протокол о финансировании международной программы по утилизации ПТБ «Лепсе»⁴³. Королевство Норвегия выделило на реализацию этого проекта около 3 млн долл.⁴⁴.

Совместные работы по уничтожению российского химического оружия

Содействие Норвегии по ликвидации российского химического оружия реализуется через Межправительственное соглашение с Великобританией от 20 декабря 2001 г. Согласно договоренностям Норвегия заявила о финансировании поставки электрооборудования в г. Щучье на 2,25 млн долл. в течение 2002 г. 14 марта 2002 г. в посольстве Норвегии в Москве состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между Великобританией и Норвегией относительно уничтожения химического оружия в Российской Федерации. В соответствии с этим документом Норвегия выделит 1 млн долл. на уничтожение российского химического оружия через британскую программу помощи России, которая регулируется Российско-британским межправительственным соглашением, подписанное 20 декабря 2001 г. в Лондоне. Норвегия планировала направить эту сумму через американскую программу помощи России в строительстве объекта по уничтожению химического оружия в г. Щучье Курганской области. Однако медлительность американцев в вопросах начала строительства привела к решению Норвегии подключиться к британской программе в целях скорейшего начала работ по созданию инженерной инфраструктуры этого объекта⁴⁵.

Оценка российско-норвежского сотрудничества: результаты и перспективы

На сегодняшний день заложена хорошая основа для развития российско-норвежского сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия и обеспечения радиационно-экологической безопасности. Начиная с 1995 г. накоплен большой опыт по взаимодействию двух стран в данной области. В рамках программы Глобального партнерства Норвегия первой подписала соглашение об утилизации двух российских многоцелевых АПЛ, и вскоре за Норвегией подобные соглашения подписали Великобритания и Япония. Таким образом, Российско-норвежское соглашение явилось своеобразным катализатором для развития дальнейшего сотрудничества России и стран-участниц программы Глобального партнерства в сфере утилизации многоцелевых АПЛ.

Однако, несмотря на заметный прогресс последних лет во взаимодействии России и Норвегии, на пути сотрудничества в рамках программы Глобального партнерства существует также и ряд различных препятствий. Ярким примером может служить история со строительством нового завода по переработке ЖРО.

Другим примером стал вопрос о подписании российско-норвежского соглашения по утилизации двух российских АПЛ, которое первоначально было запланировано на 12 июня 2003 г. На состоявшейся встрече норвежской стороне пришлось отказать от подписания контракта, поскольку Минатом РФ рассчитывал, что Норвегия заплатит также и за переработку отработанного ядерного топлива с подлежащих разделке АПЛ. Конвенция ядерного содействия другим государствам, ратифицированная Норвегией в 2002 г., запрещает ей использовать финансирование, выделяемое на ядерный демонтаж, на цели переработки ОЯТ. Новый контракт, так же как и не подписанный старый, подразумевает, что Норвегия выделит 10 млн долл. на проекты, связанные с судоремонтными заводами «Нерпа» и «Звездочка», но по новому контракту Норвегия заплатит только за выгрузку ОЯТ, демонтаж подлодок и отправку ОЯТ на место надежного хранения⁴⁶.

7 августа 2003 г. американо-норвежская делегация, прибывшая в Мурманскую область, чтобы обсудить вопросы утилизации российских многоцелевых подводных лодок на заводе «Нерпа», отказалась от поездки на предприятие. Причиной послужил запрет на по-

сещение завода шести членам делегации. Как заявил на встрече делегации с заместителем губернатора Мурманской области В.Н. Мотлоховым специальный советник МИД Норвегии Т. Нурендал, в знак солидарности с коллегами от поездки отказались и остальные гости. В.Н. Мотлохов выразил сожаление, что посещение предприятия сорвалось. Однако, заявил он, это произошло не по вине местных властей. Так решило Министерство обороны, в чьем ведении находится завод «Нерпа»⁴⁷.

Ряд сложностей на пути российско-норвежского сотрудничества возник в связи с гибелью АПЛ «К-159» 30 августа 2003 г. Норвежский министр по вопросам защиты окружающей среды выразил недовольство по факту того, что российские власти не проинформировали норвежских коллег о произошедшей аварии. Вопрос по системам оповещения в случае аварии будет поднят на норвежско-российской комиссии по защите окружающей среды⁴⁸.

Указанные выше сложности могут стать в будущем серьезной помехой в российско-норвежском сотрудничестве. Повторение подобных неточностей и несогласованности может негативно сказаться на российско-норвежских отношениях в этой области.

Следует все же отметить, что на сегодняшний день российско-норвежское сотрудничество по радиационно-экологической безопасности представляется достаточно стабильным. Норвегия, как, впрочем, и остальные страны Скандинавии, намерена продолжать совместную работу в данной области, но сразу отметим, что программа Глобального партнерства явилась скорее продолжением развития уже ведущихся программ. Основные векторы сотрудничества по-прежнему направлены на поддержку проектов по предотвращению возникновения экологических катастроф, только если в случае со Швецией и Финляндией большее внимание уделяется вопросам уничтожения российского химического оружия, то Норвегия по-прежнему преимущественно заинтересована в продвижении проектов по утилизации российских АПЛ. Следует также добавить, что на сегодняшний день позиции норвежских экологических организаций, которые выступают за расширение финансирования программ по оказанию помощи России, внутри Норвегии представляются достаточно крепкими. Россия на сегодняшний день действительно может рассчитывать на поддержку со стороны Норвегии по проектам в рамках ГП⁴⁹.

Для России присоединение Норвегии к программе Глобального партнерства – это еще и возможность привлечения других стран к проектам по оказанию помощи России в Северо-Западном регионе и, соответственно, расширения финансовых вложений, а также ускорения темпов решения существующих на данный момент в регионе проблем⁵⁰.

РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Российско-шведское сотрудничество в области нераспространения ОМУ, соответствующих материалов и технологий берет начало в 1992 г.⁵¹.

В деле нераспространения ОМУ российско-шведское сотрудничество включает следующие направления: учет и физическая защита ядерных материалов на российских атомных ледоколах (АЛ) и судоремонтных заводах (СРЗ), поддержка проектов по уничтожению российских запасов химического оружия.

Швеция является также одним из доноров Международного научно-технического центра⁵² в Москве по поддержке программ, связанных с трудоустройством специалистов-оружейников. Однако на сегодняшний момент двустороннее сотрудничество по данному направлению значительно сократилось, а поддержка подобных проектов осуществляется в рамках программы технической помощи государствам СНГ TACIS, инициированной ЕС, которая направлена также на сотрудничество не только с Россией, но и со странами СНГ⁵³.

С 1992 г. по сегодняшний день Швецией в целом выделено 10 млн долл. и в 2004 г. планируется выделить 3 млн долл.⁵⁴.

Правовая база российско-шведского сотрудничества

В рамках российско-шведского сотрудничества в первую очередь необходимо отметить программы по вопросам систем физической защиты ядерных материалов, поскольку именно в данном направлении были сделаны первые совместные шаги двух стран в области нераспространения оружия массового уничтожения. Начиная с 1992 г. было разработано несколько проектов по сотрудничеству в области систем физической защиты ядерных материалов на российских атомных ледоколах⁵⁵. Работы по этим проектам были проведены в соответствии с постановлением Правительства РФ от 7 марта 1997 г. «Об утверждении правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов» и на основе межправительственных соглашений России с Норвегией, Швецией, Великобританией, а еще ранее — с США⁵⁶.

29 апреля 1993 г. было подписано соглашение по опытному проекту уничтожения химического оружия в РФ, и 30 октября 1997 г. был принят совместный протокол четырехсторонних консультаций между представителями РФ, Финляндии, Нидерландов, Швеции. Эти соглашения предусматривали оказание содействия Швецией России в развитии социальной инфраструктуры в районе расположения объекта уничтожения химического оружия (ОУХО) в Камбарке на общую сумму 248 тыс. долл. США, из которых было перечислено только 91,5 тыс. долл.⁵⁷.

После принятия программы Глобального партнерства круг интересов Швеции был значительно расширен, и 18 марта 2003 г. в Стокгольме был подписан договор по утилизации твердых радиоактивных отходов в губе Андреева между Шведским международным проектом по ядерной безопасности, с одной стороны, администрацией Мурманской области и организацией «СевРАО», представляющей Минатом России, с другой стороны. Согласно договору Швеция выделяет 422 тыс. долл. США на финансирование проектов по утилизации радиоактивных отходов Мурманской области⁵⁸.

В настоящее время Швеция планирует расширять сотрудничество с Россией по уже отработанным направлениям сотрудничества. По данным на октябрь 2003 г. планируется подписание соглашения по улучшению инфраструктуры в Камбарке на сумму 1,2 млн долл.⁵⁹.

Сотрудничество в области систем физической защиты ядерных материалов на российских атомных ледоколах и судоремонтных заводах

Сотрудничество России и Швеции в области систем защиты ядерных материалов на российских атомных ледоколах было инициировано в 1992 г. В октябре 2000 г. совместными усилиями трех стран, при участии Норвегии, была введена в строй первая система защиты на атомном ледоколе «Советский Союз». Вторая система была установлена на атомном лихтеровозе «Севморпуть» в августе 2002 г. В реализации второго проекта принимала участие также Великобритания. В начале июня 2003 г. системой физической защиты против несанкционированного проникновения на борт судна посторонний был оборудован еще один атомный ледокол – «Арктика». Работы по оборудованию «Арктики» системой физзащиты продолжались с декабря 2002 г. Генеральным подрядчиком выступило специализированное предприятие ЗАО «Эскорт-Центр», а экипаж атомохода обеспечивал установку и оптимизацию стандартной системы защиты к судовым условиям. Система вибро- и помехоустойчива, а также обладает всеми необходимыми параметрами надежности в работе. Техническую консультационную помощь при ее развертывании на судне морякам оказывали представители Шведского ядерного инспектора, Норвежского управления радиационной защиты, Министерства торговли и промышленности Великобритании. После завершения работ на «Арктике» было начато создание аналогичной системы физической защиты на атомном ледоколе «Ямал».

Работы были завершены в конце сентября 2003 г. совместными усилиями Великобритании, Норвегии и Швеции. На проекты по данному направлению Швеция выделила 650

тыс. долл. США⁶⁰. В настоящее время также ведутся переговоры по оказанию поддержки России Швецией в области проектов по установлению систем контроля доступа в российских портах.

В августе 2002 г. был начат проект по установлению систем физической защиты на российском судоремонтном заводе «Нерпа». В апреле 2003 г. был завершен первый этап данного проекта, который включал в себя введение в строй систем защиты реакторных отсеков с ОЯТ. На эти цели Швеция выделила 350 тыс. долл. США⁶¹.

По данным на октябрь 2003 г. планировалось подписание российско-шведского соглашения по проектировке систем физической защиты в губе Андреева на сумму 150 тыс. долл. США, а также ведутся переговоры по подписанию соглашений по установке систем физической защиты на судоремонтных заводах «Севмаш» и «Звездочка», где ведется работа по демонтажу российских АПЛ. Швеция в рамках Глобального партнерства привлекает к финансированию проектов по системам физической защиты и другие страны. Примечательно также, что, несмотря на многостороннюю поддержку проектов по укреплению физической защиты атомных ледоколов, именно Швеция осуществляет управление проектом⁶².

Утилизация твердых радиоактивных отходов

Из рассмотренного в разделе о российско-норвежском сотрудничестве списка проблем на губе Андреева не было уделено должного внимания проблеме утилизации ТРО. В настоящее время береговые хранилища практически полностью заполнены. Имеющиеся временные площадки хранения ТРО не отвечают требованиям: они открыты, не защищены от атмосферных осадков и не оборудованы системами отвода атмосферных вод. С 1993 г. из-за недостаточного финансирования не было введено в строй ни одного нового хранилища, ПТБ, стационарного причала. Существует ряд проблем, связанных с нехваткой транспортных средств для перевозки ТРО в целях переработки на ПО «Маяк». Учитывая все вышесказанное, очевидно, что для вывоза всех имеющихся на сегодняшний день ТРО потребуются десятки лет. Тем временем все новые лодки будут отправляться в отстой при отсутствии береговых емкостей для радиоактивных отходов⁶³.

В данном аспекте помощь Швеции согласно Договору об утилизации твердых радиоактивных отходов от 18 марта 2003 г. представляется крайне важным вкладом в процесс комплексной утилизации АПЛ. Швеция выделяет деньги на изучение состояния хранящихся РАО и ОЯТ. Цель сотрудничества – проведение монтажных работ установок по прессованию ТРО и выводу их с губы Андреева. Стоимость проекта составляет 422 тыс. долл. США. Кроме того, в Стокгольме был подписан контракт о выделении шведским правительством 84 тыс. долл. США для информационной поддержки мероприятий по повышению ядерной радиационной безопасности на Кольском полуострове. Губернатор Мурманской области Ю.А. Евдокимов заявил о важности подписания данного соглашения, поскольку Швеция впервые готова принимать участие на основе двустороннего сотрудничества в утилизации РАО в Северном регионе⁶⁴.

Таблица 2

Объем финансирования проектов в губе Андреева (млн долл. США)

Норвегия	Швеция	Россия
1,5 ⁶⁵	0, 506 ⁶⁶	0,5 ⁶⁷

Оценка российско-шведского сотрудничества: результаты и перспективы

Оценивая результаты российско-шведского сотрудничества в рамках Глобального партнерства, в первую очередь следует сказать о двух основных векторах сотрудничества России и Швеции. Если в начале 1990-х гг. для Швеции приоритетным направлением содействия являлись экологические проекты, то после событий 11 сентября 2001 г. акцент был сделан на проекты нераспространения ОМУ и соответствующих материалов. Таким образом, сегодня российско-шведское сотрудничество развивается как по уже действовавшим до принятия программы Глобального партнерства, так и по новым проектам.

В силу географической близости России и Швеции приоритетным направлением сотрудничества является Северо-Западный регион России. На сегодняшний день накоплен достаточный опыт сотрудничества Швеции с областями этого региона. Именно Северо-Запад России и в частности Кольский полуостров является районом наибольшей концентрации ядерных проблем в мире. Существуют определенные лимиты во времени и силах, в связи с чем ресурсов для расширения географических рамок сотрудничества явно недостаточно⁶⁸.

Юридическая основа российско-шведского сотрудничества представляется на сегодняшний день достаточно слабой. Срок действия двустороннего договора 1997 г. по системам защиты ядерных материалов закончился в декабре 2002 г., после чего проекты по данному соглашению осуществлялись по взаимным договоренностям Шведского инспектората по ядерной энергии и Госатомнадзора. Аналогичным образом ведется работа в других областях на базе договоренностей между отдельными организациями и региональными властями⁶⁹.

По приоритетным направлениям сотрудничества на одно из первых мест в ближайшее время может выйти взаимодействие в области химического разоружения⁷⁰. Большое внимание по-прежнему уделяется вопросам совершенствования систем защиты ядерных материалов, хотя уже сегодня ведутся переговоры по совместной работе по утилизации российских АПЛ.

Швеция планирует расширять партнерство и увеличивать объемы вложений в проекты двухстороннего сотрудничества в рамках ГП. Следует отметить определенные усилия Швеции по привлечению к сотрудничеству новых стран. За расширение партнерства говорит также тот факт, что на сегодняшний день существует определенный консенсус внутри Швеции относительно оказания помощи России в рамках программы Глобального партнерства. В «Стратегии развития сотрудничества на 2004 г.» говорится о расширении интересов и дальнейшее взаимодействие рассматривается в рамках региональной кооперации по проектам Глобального партнерства с выделением следующих приоритетных регионов: Мурманск, Архангельск, Псков⁷¹. Псков выделен в этом списке в связи с намерением Швеции оказать помощь России в подготовке к закрытию и обеспечению экологической безопасности военного объекта – бывшей ядерной базы в г. Остров под Псковом. Этот проект был разработан еще в конце 2002 г. и на сегодняшний день находится на стадии рассмотрения⁷².

РОССИЙСКО-ФИНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОГРАММЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Российско-финское сотрудничество в ядерной области началось в 1992 г. Взаимодействие велось по следующим направлениям: учет и контроль ядерных материалов, снижение рисков, связанных с хранением и транспортировкой РАО, пресечение незаконной транспортировки ядерных материалов, контроль над уровнем радиации и системы быстрого оповещения на ядерных объектах, повышение квалификации персонала АЭС.

По вопросам уничтожения запасов химического оружия Финляндия сотрудничает с Россией с 1996 г.⁷³

Юридическая база российско-финского сотрудничества

Основой сотрудничества в области атомной энергетики является Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 14 мая 1969 г., продленное в 1999 г. сроком на пять лет путем обмена нотами между правительством Российской Федерации и правительством Финляндии. Поскольку срок действия Соглашения истекает в 2004 г., в скором будущем планируется подписание нового соглашения⁷⁴. Следует сразу отметить, что сотрудничество в области мирного использования атомной энергии не относится напрямую к сфере вопросов Глобального партнерства, однако в данной работе мы решили осветить этот вопрос, поскольку на протяжении нескольких десятилетий именно эта тема была основной в диалоге двух стран и является направляющим вектором в перспективах сотрудничества.

По проблеме химического оружия основой сотрудничества является Соглашение от 25 октября 2000 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндии об оказании ею содействия в уничтожении запасов химического оружия в России, которое предусматривало поставку и монтаж Финляндией на безвозмездной основе системы анализаторов боевых отравляющих веществ на объект хранения химического оружия в городе Камбарка Удмуртской Республики, и соглашение от 25 октября 2002 г. между Российским агентством по боеприпасам и МИД Финляндской Республики о поставке Финляндией на безвозмездной основе системы технического контроля за безопасностью хранения люизита на объекте уничтожения химического оружия в пос. Горный Саратовской области. По данным МИД РФ на 21 июня 2003 г. из заявленных Финляндией 894 тыс. долл. США 358 тыс. долл. уже затрачено на проект в Камбарке⁷⁵ и около 500 тыс. долл. планируется вложить на проект в пос. Горный.

Сотрудничество по проектам, связанным с обеспечением безопасности работы АЭС

По данному вопросу российско-финское сотрудничество ведется по двум направлениям: обеспечение безопасности уже действующих АЭС и строительство новых с учетом всех требований безопасности их эксплуатации.

Что касается первого направления, Финляндия заинтересована в оказании поддержки проектов, связанных с совершенствованием систем аварийной защиты на Кольской и Ленинградской АЭС. Проекты сотрудничества включают в себя: усовершенствование систем физической защиты и контроля ядерных материалов, безопасную транспортировку РАО, мониторинг уровня радиации, усовершенствование систем быстрого оповещения в случае возникновения аварий.

В 1992 г. благодаря сотрудничеству Центра радиационной безопасности Финляндии⁷⁶ и Госатомнадзора была проведена проверка оборудования и оценка подготовленности персонала на ЛАЭС, а в 1996 г. на КолАЭС. Результаты проверки показали высокий уровень аварийности Ленинградской АЭС и несоответствие систем обеспечения безопасности нормам на Кольской АЭС⁷⁷.

В настоящее время по данному направлению ежегодно принимаются программы сотрудничества между Финским инспекторатом по ядерной энергии (STUK) и ЛАЭС. За период с 2000 г. по август 2002 г. на ЛАЭС было поставлено оборудование и материалов на сумму более 258 тыс. долл. США (в 2000 г. – более 150 тыс. долл. США, в 2001 г. – более 80 тыс. долл. США, за первые 8 месяцев 2002 г. – более 28 тыс. долл. США)⁷⁸.

В 2001 г. для строящегося комплекса Аварийно-технического центра (АТЦ)⁷⁹ в г. Санкт-Петербург финской стороной было поставлено оборудование для систем воздушного отопления и вентиляции на общую сумму около 128 тыс. долл. США.

В Северо-Западном регионе России создана Автоматизированная система контроля радиационной обстановки (АСКРО). Официальный сервер, доступный для всех стран, в том числе для Финляндии, поддерживает АТЦ. АСКРО является наиболее развитой системой в России по сбору и обработке информации в области ядерной и радиационной безопасности и доступна для срочного предоставления информации по радиационной обстановке на Северо-Западе России⁶⁰.

Уничтожение химического оружия

В 1997 г. финские, датские, шведские эксперты посетили объект по уничтожению химического оружия в г. Камбарка для оценки системы мониторинга. Результаты визита подтвердили необходимость содействия России в данной области⁸¹. В октябре 2001 г. было подписано российско-финское соглашение о поставке Финляндией на безвозмездной основе системы технического контроля за безопасностью хранения люизита на объекте уничтожения химоружия в пос. Горный Саратовской области.

По словам бывшего генерального директора Российского агентства по боеприпасам З.П. Пака, российско-финское соглашение «относится ко второй очереди финской программы поддержки реализации Федеральной целевой программы России». З.П. Пак напомнил, что в соответствии с первым двусторонним соглашением, подписанным в 2000 г., Финляндия на безвозмездной основе поставила систему анализаторов боевых отравляющих веществ на объект хранения химического оружия в г. Камбарка Удмуртской Республики. Финское оборудование позволило усовершенствовать систему мониторинга в зоне хранения химоружия и способствует повышению уровня экологической безопасности в населенных пунктах, расположенных вблизи химического арсенала в Камбарке⁸².

На объекте в Горном уже начала работать новая автоматическая система экологического мониторинга и контроля в хранилищах отравляющих веществ. В систему входят стационарные газосигнализаторы, установленные в хранилищах отравляющих веществ, и комплекс переносных детекторов. Эти приборы реагируют на малейшее появление отравляющих веществ в воздухе и сразу же подают сигнал опасности. Такая же система уже работает на арсенале хранения химического оружия в Камбарке⁸³.

Оценка российско-финского сотрудничества

На сегодняшний день заложена хорошая основа для развития российско-финского сотрудничества по вопросам радиационно-экологической безопасности. Основными приоритетами развития сотрудничества являются проекты по обеспечению безопасности на российских АЭС и уничтожению химического оружия.

В частности, интерес Финляндии направлен на содействие РФ по проектам, связанным с совершенствованием систем аварийной защиты на российских атомных электростанциях и усовершенствованием систем технического контроля на объектах по хранению химического оружия. Основной проблемой на пути развития российско-финского сотрудничества является проблема финансирования. Финляндия на сегодняшний день не обладает возможностями широкого финансирования программ оказания помощи России, однако средства выделяются на конкретные проекты по контролю экологической обстановки окружающей среды⁸⁴. В ближайшем будущем Финляндия планирует расширять сотрудничество в рамках программы Глобального партнерства. В частности, ведутся переговоры по проектам строительства хранилища РАО в губе Андреева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После принятия программы Глобального партнерства российско-скандинавское сотрудничество вышло на качественно новый уровень. В период с октября 2002 г. по июнь

2003 г. со странами Скандинавии было подписано три соглашения в сфере уничтожения запасов химического оружия, обеспечения радиационной безопасности на российских АЭС, утилизации российских многоцелевых АПЛ. Общий вклад по этим трем соглашениям составил около 11 млн долл. Инициативы, разработанные до принятия программы Глобального партнерства, получают сегодня практическое воплощение. Решена проблема целостного финансирования отдельных проектов по средствам многостороннего сотрудничества. Явным лидером по объему вложений, равно как и по охвату различных направлений сотрудничества, в программу Глобального партнерства среди стран Скандинавии является Норвегия. За последние 10 лет Норвегия профинансировала проекты двустороннего сотрудничества на сумму 120 млн долл., а с начала 2003 г. Норвегией уже выделено около 18 млн долл.

Общий объем сумм, вложенных различными странами Скандинавии в проекты содействия России, на октябрь 2003 г. составляет:

- в целом по данным норвежского посольства за последние 10 лет Норвегия вложила в различные проекты сотрудничества в Северо-Западной России 120 млн долл.;
- по данным шведского посольства Швеция за последние 10 лет вложила 10 млн долл.;
- по данным МИД РФ Финляндия вложила около 1,5 млн долл.

Объемы финансирования по основным направлениям сотрудничества представлены в следующих таблицах⁸⁵.

Таблица 3

Финансирование по основным направлениям российско-норвежского сотрудничества (млн долл. США)

	По проектам в губе Андреева	По программе АМЕС	Комплексная утилизация АПЛ	Обеспечение безопасности на Кольском полуострове и Кольской АЭС	Утилизация ПТБ «Лепсе»	Содействие России по уничтожению запасов химического оружия
Объем финансирования	6,7	10	10	24,3	3	2,25

Таблица 4

Финансирование по основным направлениям российско-шведского сотрудничества (млн долл. США)

	По установлению систем физической защиты на АЛ и СРЗ	Содействие России по уничтожению запасов химического оружия	Сотрудничество в области утилизации ТРО
Объем финансирования	1,0	0,248	0,5

Финансирование по основным направлениям российско-финского сотрудничества (млн долл. США)

	Содействие России по уничтожению запасов химического оружия	Обеспечение безопасности работы АЭС
Объем финансирования	0,894	0,386

Однако, несмотря на заметный прогресс последних лет во взаимодействии Скандинавских стран, на пути сотрудничества в рамках программы Глобального партнерства существует также и ряд различных препятствий. Одним из них является определение проектов, относящихся к Глобальному партнерству, и соответственно объемов заявленного финансирования в рамках программы. Нет явного критерия разделения заключенных соглашений на относящиеся к ГП и не относящиеся к нему. За вычетом тех средств, которые были затрачены странами Скандинавии до принятия инициативы стран «Большой восьмерки», суммы, которые предполагается внести по Глобальному партнерству, представляются на порядок меньше. Однозначного ответа на этот вопрос пока нет⁸⁶.

О претензиях со стороны стран Скандинавии уже говорилось ранее по каждой отдельно взятой стране, поэтому следует добавить несколько слов относительно претензий со стороны России. Одним из существенных моментов является то, что подавляющая часть расходов по проектам выделяется на западных специалистов и оборудование, в результате чего до России часть денег не доходит. В дополнение к этому, российская сторона устала от «бумажного» сотрудничества, которое не приносит ощутимых результатов.

Юридическая база сотрудничества так и не была определена окончательно и представляется достаточно слабой как по двустороннему, так и по многостороннему сотрудничеству, поскольку после подписания Соглашения о МНЭПР часть вопросов так и не была решена⁸⁷.

Однако, несмотря на указанные трудности, страны планируют развивать сотрудничество как на двусторонней, так и на многосторонней основе. По российско-норвежскому сотрудничеству по данным на октябрь 2003 г. планируется подписание соглашения по химическому оружию и новое соглашение по утилизации многоцелевых АПЛ, поскольку уже существующее соглашение по утилизации двух российских АПЛ является пилотным проектом и в настоящее время находится на стадии успешного выполнения работ. Сотрудничество со Швецией и Финляндией будет продолжено в области проектов по химическому оружию, хотя о каких-либо конкретных проектах пока не говорится. С Финляндией также планируется подписать соглашение по строительству хранилища для РАО. В отношении Дании остается только предполагать, что она присоединится в программе Глобального партнерства, но никаких официальных подтверждений этого пока нет⁸⁸.

В завершение следует также отметить, что на Северо-Западе России по-прежнему сохраняется целый ряд проблем, требующих решения. Одной из таких проблем на сегодняшний день является вопрос об утилизации крейсера «Адмирал Ушаков». По предварительным подсчетам, утилизация «Адмирала Ушакова» обойдется в 40 млн долл., разработка проекта утилизации стоит не менее двух миллионов. Пока ни одна страна не высказала желания выделить деньги под этот проект. На этом фоне гораздо более прозаичной выглядит проблема под названием «Ягринский мост» («Звездочка» расположена в островном районе Северодвинска, и добираться на нее приходится по мосту). Построенный 40 лет назад, мост требует ремонта. На его ремонт необходимо 6 млн долл. В скором времени вполне возможен запрет на транспортировку по нему вагонов с ядерными

отходами. Прекращение транспортировки будет означать остановку процесса утилизации. В такую же сумму оценивается и реконструкция могильника радиоактивных отходов, находящегося на территории «Звездочки»⁸⁹.

Другим вероятным направлением сотрудничества со странами Скандинавии можно считать проект сооружения хранилища РАО на Новой Земле. Как уже было сказано выше, хранилища РАО на Кольском полуострове на сегодняшний день заполнены на 80%; в связи с увеличением финансирования проектов по комплексной утилизации российских АПЛ обострился вопрос о строительстве новых хранилищ. Одним из мест строения хранилища рассматривается архипелаг Новая Земля. Этот проект был разработан еще в 1991 г., когда Всероссийский научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт промышленной технологии (ВНИПИпромтехнологии) разработал технико-экономическое обоснование (ТЭО) строительства опытно-промышленного объекта для подземной изоляции РАО, образующихся при эксплуатации атомных кораблей Северного флота и Мурманского морского пароходства. Местом размещения такого объекта был выбран район пос. Башмачный на Южном острове архипелага Новая Земля. Но исследование в этом направлении не продвинулось дальше общих планов и идей. Завершение исследований в рамках проекта размещения могильника на Новой Земле не будет автоматически означать начала строительства этого объекта. Создание инфраструктуры для нормального функционирования могильника потребует привлечения больших финансовых средств. В то же время ряд независимых экспертов считает, что для принятия правильного решения о месте размещения подобного объекта на Северо-Западе России необходимо иметь несколько хорошо проработанных альтернативных проектов. На данный момент наиболее приемлемым выходом из критической ситуации является создание долговременного хранилища для ОЯТ и РАО на Кольском полуострове, что явно негативно скажется на и без того сложной экологической обстановке Северо-Запада России, а соответственно и всего Балтийского региона. Страны Скандинавии неоднократно высказывались о готовности оказать финансовую помощь России в строительстве хранилища на архипелаге, однако Новая Земля категорически отвергнута Россией в качестве могильника РАО. Никаких планов захоронений на этой территории РАО нет и не предвидится, заявил министр по атомной энергии А.Ю. Румянцев. В бывшем СССР существовала идея использовать шахты, оставшиеся на Новой Земле после испытания ядерного оружия, для захоронения низкоактивных отходов, уточнил министр. По его словам, «Россия не может позволить себе» отправить в шахты РАО. На Новой Земле нет никаких гарантий безопасного хранения отходов на протяжении ста лет. Более того, на южной оконечности Новой Земли, согласно прогнозам климатологов, «может появиться заболоченная тундра», – сказал А.Ю. Румянцев⁹⁰. Все эти проблемы ставят под сомнение перспективы российско-скандинавского сотрудничества на этом направлении⁹¹.

Примечания

¹ Раздел Глобальное партнерство, <http://www.pircenter.org/rus/gp/index.html>.

² Из личной переписки автора с полномочным министром-советником посольства Дании в Москве и первым секретарем посольства Исландии в Москве Й. Г. Йоханнесом.

³ См. ниже.

⁴ Из личной переписки автора с первым секретарем посольства Исландии в Москве Й. Г. Йоханнесом.

⁵ О присоединении стран, не входящих в «Группу восьми», к Глобальному партнерству против распространения оружия и материалов массового уничтожения, см. № 1555-04-07-2003, официальный сайт МИД РФ. <http://www.in.mid.ru/Ns-vbr.nsf/arh/432569D80022638743256D5C0039D6EB?OpenDocument>.

⁶ Annex to Plan of action for nuclear safety issues. List of measures and projects, Royal Norwegian Ministry of foreign Affairs, 2000, January.

⁷ Вестник Глобального Партнерства. 2003, №2, лето. С. IV.

⁸ Соглашение от 18.03.2003 г. по утилизации ТРО в губе Андреева между Шведским международным проектом по ядерной безопасности, администрацией Мурманской области и организацией «СевРАО»; 2002, сентябрь. Протокол о сотрудничестве между Госатомнадзором России и SKI.

⁹ Соглашение между правительством Мурманской области и губернским правлением норвежской провинции Финнмарк о строительстве водовода в губе Андреева от 06 июня 2002 г.; Соглашение между правительством Мурманской области и руководством норвежской провинции Финнмарк об утилизации 20 РИТЭГов от 06 июня 2002 г.; Соглашение между правительством Мурманской области и губернским правлением норвежской провинции Финнмарк о строительстве участка дороги и создании системы физической защиты в губе Андреева от 4 сентября 2002 г.

¹⁰ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 14 мая 1969 г.; Соглашение между Правительством Королевства Норвегия и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области охраны окружающей среды в связи с утилизацией российских атомных подводных лодок, выведенных из состава Военно-Морского Флота в северном регионе, и повышения ядерной и радиационной безопасности от 26 мая 1998 г.

¹¹ Здесь и далее значения указаны в долларах США.

¹² Горбунов Н., ИТАР-ТАСС – Трехстороннее сотрудничество, *Дуэль*, № 33(80), 1998, 6 октября, http://www.duel.ru/199833/?33_7_11.

¹³ Инициатива «Северное измерение» становится одним из заметных направлений сотрудничества России и ЕС. Особое место в нем занимает калининградская проблематика. Идея субрегионального «Северного измерения» в процессе европейской интеграции была выдвинута правительством Финляндии в 1997 г. и активно продвигалась в период председательства этой страны в ЕС во второй половине 1999 г. В ее основе лежит стремление северных стран-членов ЕС и кандидатов в Евросоюз не отстать от быстро развивающейся субрегиональной интеграции на южном фланге ЕС в Средиземноморье и укрепить свои позиции в Евросоюзе, в том числе с опорой на природные ресурсы Севера России, http://www.council.gov.ru/kom_home/kom_155/ssi/cooperation/northdim.shtml.

¹⁴ Здесь и далее пересчитано автором по курсу на дату подписания соглашения с использованием данных сайта Росбизнесконсалтинг, <http://www.rbc.ru>.

¹⁵ «План действий Северного измерения» Совета Европейского союза, Брюссель. 2000, 14 июня, www.europra.eu.int/comm/external_relations/north_dim/ndap/06_00_en.pdf;

NDEP: конференция доноров для Фонда поддержки NDEP: IP/02/1024-Brussels. 2000. 2002, 9 июля, www.europra.eu.int/comm/external_relations/north_dim/ndep/ip02_1024.htm; www.bellona.no/ru/international/russia/waste-mngment/ipwg/26350.html.

¹⁶ Чашкин Антон. Итог многолетней работы. *Европа*. 2003. №6, июнь, http://www.eur.ru/neweur/emag/33/eu29_08.htm.

¹⁷ Антипов Сергей. Финишной ленточки пока не пересек никто. *Вопросы Безопасности*. 2003, № 10, ноябрь.

¹⁸ Рабочая встреча управляющей группы фонда «Северное экологическое партнерство» (27–29 октября 2003 г.), Интервью С.В. Антипова, опубликованное на сайте Минатома, http://www.minatom.ru/presscenter/document/det/det_67.htm.

¹⁹ В Москве состоялось первое заседание комитета Многосторонней ядерно-экологической программы (МНЭПР), http://www.energorisk.com.ua/russian/News_arc/news_all.htm.

²⁰ Brubaker Douglas, Spector Leonard. Liability and western Nonproliferation Assistance to Russia: Time for a fresh look, <http://Cns.miis.edu/pubs/npr/vol10/101/brub.pdf>. P. 18.

²¹ Чашкин Антон. Цит. соч.

Кудрик Игорь, Диггес Чарльз. В Стокгольме подписано Соглашение МНЭПР. 2003, 21 мая, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/co-operation/29654.html>.

²² Из личной переписки автора с советником по вопросам энергетики и окружающей среды посольства Норвегии в Москве Т. Гульдбрандсен.

²³ Там же.

²⁴ Соглашение между Правительством Королевства Норвегия и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области охраны окружающей среды в связи с утилизацией российских атомных подводных лодок, выведенных из состава Военно-Морского Флота в северном регионе, и повышения ядерной и радиационной безопасности от 26 мая 1998 г.

²⁵ По данным МИД РФ.

²⁶ Карелин А. Подписание контрактов по утилизации АПЛ Северного флота между Россией и Норвегией (Москва, 2003, 30 июня), http://www.minatom.ru/presscenter/document/news/PRINT_news364.htm.

²⁷ Кондратьев Вячеслав. «Норвежская деревня» в губе Андреева. *Мурманский Вестник*. 2002. № 34, 19 февраля, <http://www.trifon.ru/ecology/content/4.shtml>.

Калиберда Елена. Международный проект по реабилитации территории на губе Андреева, http://www.minatom.ru/presscenter/document/news/PRINT_news124.htm.

Мурманская область. Губернатор Юрий Евдокимов – об экологических проблемах Кольского полуострова, <http://www.volgainform.ru/allnews/27913/>.

²⁸ «Международное содействие утилизации российских АПЛ: некоторые достижения и проблемы» (стенограмма семинара), <http://cns.miis.edu/cns/projects/nisnp/research/seminar/proceed.htm>.

²⁹ Швеция выделяет полмиллиона долларов на утилизацию радиоактивных отходов в Мурманской области, <http://www.murmannews.ru/allnews/77857/>.

³⁰ Там же.

³¹ Норвежская делегация ознакомилась с ходом совместных проектов в сфере ядерной безопасности и утилизации атомных подводных лодок в Мурманской области, <http://www.regnum.ru/allnews/168202.html>.

В хранилище радиоактивных отходов в Андреевой губе открыты новые объекты (Мурманская область), <http://www.murmannews.ru/allnews/168895/>.

³² Жевелюк Игорь. И теперь наш грязный атом иностранцы кроют матом. *Правда.Ру*. 2003, 24 июля, http://economics.pravda.ru/economics/2003/7/22/329/12445_dollar.html.

³³ Мурманская область. К 2007 г. Кольский полуостров будет свободен от отработавшего ядерного топлива, <http://murmannews.ru/allnews/66634/>.

³⁴ Мурманская область. Около полутора миллиардов долларов необходимо затратить на утилизацию и реабилитацию радиационно-опасных объектов на территории региона, <http://www.regnum.ru/allnews/28785.html>.

Мурманская область. Заключены три новых контракта в области ядерной и радиационной безопасности, <http://www.murmannews.ru/allnews/106246/>.

Мурманская область. Норвегия примет участие в реконструкции спецкомбината «Радон», <http://www.regnum.ru/allnews/65998.html>.

Мурманская область. Норвегия профинансирует мероприятия по обеспечению радиационной безопасности на территории области, <http://www.regnum.ru/allnews/51620.html>.

Мурманская область. В губе Андреева сдается в эксплуатацию «Норвежская деревня», <http://www.regnum.ru/allnews/65860.html>.

³⁵ Кольская АЭС успешно сотрудничает с Норвегией в области обеспечения безопасности, <http://www.elec.ru/news/1056618526.html>.

Европейская комиссия отказывает в помощи Кольской АЭС, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/npps/kola/9321.html>.

Норвегия приступила к выполнению второй стадии проекта по повышению безопасности Кольской АЭС: Безопасность остается проблемой, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/npps/kola/9310.html>.

Опыт международного сотрудничества Кольской АЭС, <http://www.kolanpp.ru/russian/safety/cooperation.html>.

С начала года Кольская АЭС выработала почти 5 млрд квтч электроэнергии,
<http://www.utro.ru/2001/07/05/economics.shtml>.

На Кольском полуострове построили первый современный завод по переработке ядерных отходов. 2001, 20 июня, <http://newsru.com/dosjex/2727.html?cnt=20>.

³⁶ Литовкин Виктор. Набранный темп утилизации нас устраивает. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 6 февраля.

³⁷ Норвегия и Россия не нашли общего языка в проекте по утилизации нестратегических АПЛ, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/co-operation/30019.html>.

³⁸ Филиппова Валентина. О российско-германском соглашении по утилизации АПЛ. Эксклюзивное интервью с заместителем министра РФ по атомной энергии С. Антиповым. 2003, 24 октября, <http://nuclearno.ru/text.asp?7064>.

³⁹ Россия получает первые денежные взносы на ядерную безопасность и демонтаж АПЛ, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/co-operation/30403.html>.

⁴⁰ www.sjpproject.org/archives_index.html#NewsArchives.

⁴¹ Подробнее, см.: *Вестник Глобального Партнерства*. 2004, №1, весна. С. IV–V.

⁴² Северная экологическая финансовая корпорация (НЕФКО) – организация, предоставляющая финансирование на экологические проекты в Центральной и Восточной Европе. НЕФКО была учреждена в 1990 г. пятью северными странами (Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией). Цель создания корпорации – способствовать осуществлению значимых экологических проектов сопредельных регионов. Проекты также должны быть финансово жизнеспособными и в первую очередь основываться на кооперации различных предприятий Северного региона Европы. В 1996 г. финансовый вклад стран – участниц НЕФКО составил 80 млн евро. Штаб-квартира НЕФКО располагается в Хельсинки, совместно с Северным инвестиционным банком, <http://www.nefco.org/>.

⁴³ Денисенко Елена. Плавающая «зона», <http://www.murman.ru/expertnw/04-11-2002.shtml>.

⁴⁴ Норвегия поможет Мурманской области утилизировать радиационно-опасное судно, <http://www.rosbalt.ru/2002/9/25/szfo/economics/65170.html>.

Корабль с радиоактивными отходами может стать причиной экологической катастрофы в Мурманске, <http://www.newsru.com/russia/12May2001/murmansk.html>.

ОАО «ММП» и Северная экологическая финансовая корпорация подписали Протокол о финансировании работ по извлечению ОЯТ из плавтехбазы «Лепсе», <http://www.aviaport.ru/news/Markets/36565.html>.

Мурманская область. Начинается финансирование работ по извлечению отработавшего ядерного топлива из хранилища плавтехбазы «Лепсе», <http://www.newsru.com/allnews/55802/>.

⁴⁵ Norwegian assistance for the destruction of chemical weapons in Russia, No.: 196/01. Date: 2001, December 6, <http://odin.dep.no/odinarkiv/norsk/dep/ud/p10002480/eng/032091-070109/indexdok000-b-n-a.html>.

О подписании Меморандума о взаимопонимании между Великобританией и Норвегией относительно уничтожения химического оружия в России, №502-19-03-2002, <http://www.in.mid.ru/nsdvbr.nsf/0/432569d80022638743256b82002cf674?OpenDocument>.

⁴⁶ Норвегия и Россия не нашли общего языка в проекте по утилизации нестратегических АПЛ, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/co-operation/30019.html>.

⁴⁷ Мурманск. Американско-норвежская делегация отказалась от поездки на завод «Нерпа». 2003, 7 августа, <http://www.murman.ru/news/07-08-2003.shtml>.

⁴⁸ В Баренцевом море затонула атомная подводная лодка с экипажем. 2003, 2 октября, <http://www.gazeta.ru/2003/08/30/last97059.shtml>.

Norway concerned over Russian submarine accident. *Norway Post*. 2003, September 5, http://www.norwaypost.no/default.asp?folder_id=1&cache=setting.

⁴⁹ Из личной переписки автора с советником по вопросам энергетики и окружающей среды посольства Норвегии в Москве Т. Гульдбрандсен.

⁵⁰ Там же.

- ⁵¹ Из личной переписки автора с вторым секретарем посольства Швеции в Москве М. Квик.
- ⁵² МНТЦ – Межправительственная некоммерческая организация, созданная в 1994 г. на основании соглашения между Европейским союзом, Россией, США и Японией. Другие стороны: Норвегия, Республика Корея. Секретариат МНТЦ расположен в Москве. В рамках деятельности по распространению знаний и технологий производства оружия массового уничтожения МНТЦ финансирует научные исследования мирной направленности в России, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Киргизии. <http://www.istc.ru/>.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Из личной переписки автора со Шведским инспектором по ядерной энергии (SKI).
- ⁵⁵ Einhorn R.J., Flournoy M.A. Protecting against the spread of nuclear, biological and chemical weapons. 2003. CSIS, Vol.3, P.167.
- ⁵⁶ Ледокол «Арктика» оборудован системой физической защиты против несанкционированного проникновения. 2003, 16 июля, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/icebreakers/30402.html>.
- Атомоход «Арктика» теперь надежно защищен от проникновения на борт посторонних, <http://www.rosbalt.ru/2003/6/2/szfo/economics/100896.html>.
- ⁵⁷ По данным МИД РФ.
- ⁵⁸ Божко Людмила. Швеция выделяет полмиллиона долларов США на финансирование проектов по утилизации ядерных отходов в Мурманской области. 2003, 18 марта, <http://www.fishinfo.ru/archive/328293.html>.
- ⁵⁹ Финансовое содействие стран-доноров российской программе уничтожения химического оружия, <http://www.munition.gov.ru/rus/inter.html>.
- ⁶⁰ Из личной переписки автора с вторым секретарем посольства Швеции в Москве М. Квик.
- Ледокол «Арктика» оборудован системой физической защиты против несанкционированного проникновения. 2003, 16 июля, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/icebreakers/30402.html>.
- Атомоход «Арктика» теперь надежно защищен от проникновения на борт посторонних, <http://www.rosbalt.ru/2003/6/2/szfo/economics/100896.html>.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Из личной переписки автора со вторым секретарем посольства Швеции в Москве М. Квик.
- ⁶³ Швеция выделяет полмиллиона долларов на утилизацию радиоактивных отходов в Мурманской области, <http://www.fishinfo.ru/archive/328291.html>.
- ⁶⁴ Швеция выделяет полмиллиона долларов на утилизацию радиоактивных отходов в Мурманской области, www.energoatom.kiev.ua/nngc.php/ru/news/nuclear/news2907?from=30.
- ⁶⁵ Мурманская область. Около полутора миллиардов долларов необходимо затратить на утилизацию и реабилитацию радиационно-опасных объектов на территории региона, <http://www.regnum.ru/allnews/28785.html>.
- Мурманская область. Заключены три новых контракта в области ядерной и радиационной безопасности, <http://www.murmannews.ru/allnews/106246/>.
- Мурманская область. Норвегия примет участие в реконструкции спецкомбината «Радон», <http://www.regnum.ru/allnews/65998.html>.
- Мурманская область. Норвегия профинансирует мероприятия по обеспечению радиационной безопасности на территории области, <http://www.regnum.ru/allnews/51620.html>.
- Мурманская область. В губе Андреева сдаётся в эксплуатацию «Норвежская деревня», <http://www.regnum.ru/allnews/65860.html>.
- ⁶⁶ Швеция выделяет полмиллиона долларов на утилизацию радиоактивных отходов в Мурманской области, www.energoatom.kiev.ua/nngc.php/ru/news/nuclear/news2907?from=30.
- ⁶⁷ Кудрик Игорь. Министерство обороны выделяет полмиллиона долларов США на приведение в безопасное состояние хранилища в губе Андреева, <http://www.bellona.no/ru/12176.html>.

⁶⁸ Из личной переписки автора с директором по ядерной программе Л. В. Дассеном Шведского инспектората по ядерной энергии (SKI).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Einhorn R.J., Flournoy M.A. Op.cit. P. 168. «Химическое оружие всегда рассматривалось как более вероятная угроза шведским силам и территории, чем ядерное оружие».

⁷¹ Стратегия сотрудничества с Россией на 2002–2004 гг., Правительственная канцелярия, Министерство иностранных дел Швеции, №17-10-2002, http://www.sweden.ru/rus/pages/STRATEGI_RY_2002.pdf.

⁷² *Вестник Глобального Партнерства*. 2003, №2, лето. С. IV. <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/index.html>.

⁷³ Einhorn R.J., Flournoy M.A. Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. 2003. Vol. 3, CSIS. P. 49.

⁷⁴ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 14 мая 1969 г.

⁷⁵ Финляндия выделит средства на утилизацию российских запасов химического оружия, www.ng.ru/forces/2002-12-27/1_korotko.html.

Мехтиев Айдын. Финляндия окажет России помощь в уничтожении запасов химоружия. 2002, 25 октября, www.vesti.ru.

Финансовое содействие стран-доноров российской программе уничтожения химического оружия, <http://www.munition.ru/rus/inter.asp>.

⁷⁶ СТУК – Управление по радиационной и экологической безопасности, Финляндия. Управление было создано для осуществления контроля над ядерными материалами. Основная задача – способствовать снижению рисков радиационной опасности. Управление также занимается изучением радиационных эффектов, <http://www.stuk.fi/english/>.

⁷⁷ На Кольскую АЭС поставлено оборудования и материалов на сумму около 1 млн долл. На Кольской АЭС существуют также проекты по многостороннему сотрудничеству. В частности, в ноябре 2001 г. на Кольской атомной электростанции было введено в эксплуатацию оборудование, обеспечивающее дополнительную защиту в случае возникновения нештатной ситуации. Новая дизель-насосная установка разработана и смонтирована в соответствии с международными требованиями, предъявляемыми к защитным системам атомных электростанций последнего поколения. Ее аналогов в России пока нет. В случае экстренного отключения электроснабжения на Кольской АЭС установка позволит поддерживать необходимый уровень воды в парогенераторах третьего и четвертого блоков электростанции. Строительство установки, продолжавшееся три года, обошлось в 5 млн долл. 3 млн долл. были перечислены из федерального бюджета Российской Федерации, 1 млн долл. был выделен правительством Норвегии и по 500 тыс. долл. США – правительствами Финляндии и Швеции. Оборудование для монтажа установки поставлялось из США, Норвегии и Финляндии. На церемонии запуска объекта присутствовали представители органов Госатомнадзора России, Норвегии и Финляндии, <http://www.kolanpp.ru/russian/index.html>.

⁷⁸ По данным Министерства по атомной энергии РФ.

⁷⁹ Постановлением Совета Министров–Правительства Российской Федерации от 25 марта 1993 г. № 246 «О создании аварийно-технических центров для ликвидации чрезвычайных ситуаций на объектах ядерного комплекса Российской Федерации» в Минатоме России были созданы аварийно-технические центры по производственно-территориальному принципу. Аварийно-технический центр Минатома России в г. Санкт-Петербурге (АТЦ) является элементом отраслевой подсистемы Российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях, <http://www.atom.nw.ru/atc/about.html>.

⁸⁰ Минатом отказывается от денег на ядерную безопасность. 2003, 14 мая, <http://www.antiatom.ru/pr/pr030514.htm>.

⁸¹ Einhorn R.J., Flournoy M.A. Protecting against the spread of nuclear, biological and chemical weapons. 2003. Vol. 3, CSIS. P.49.

⁸² Финляндия выделит средства на утилизацию российских запасов химического оружия, www.ng.ru/forces/2002-12-27/1_korotko.html.

⁸³ Там же.

⁸⁴ По данным официального сайта Центра радиационной безопасности Финляндии, www.stuk.fi.

⁸⁵ Данные таблиц составлены по представленным выше соответствующим разделам.

⁸⁶ По данным МИД РФ.

⁸⁷ Из личной переписки автора с посольствами Норвегии, Швеции и Финляндии в Москве.

⁸⁸ Из личной переписки автора с посольствами Норвегии, Швеции и Финляндии в Москве.

⁸⁹ Михайлов Андрей. Варяжский гость оценил, давать ли России на утилизацию субмарин. *Правда.Ру*. 2003, 20 октября, <http://nuclearno.ru/text.asp?7011>.

Стоимость утилизации тяжелого атомного крейсера «Адмирал Ушаков» оценивается в 40 млн долл., http://ia.vpk.ru/cgi-bin/access/reg_news/ch.pl?file=/news/reg/1/10_03/2_093831.htm.

⁹⁰ Архипелаг Новая Земля не будет могиликом ядерных отходов, http://www.energorisk.com.ua/russian/News_arc/news_all.htm.

⁹¹ Кудрик Игорь. Могиликом РАО на Новой Земле: Инженерно-изыскательские работы предполагается завершить в этом году. 1997, <http://www.bellona.no/imaker?sub=2&id=8411>.

Кудрик Игорь. Отработанное топливо реакторов РБМК: Рассматривается возможность хранения на Новой Земле. 1997, <http://www.bellona.no/ru/international/russia/waste-mngment/8478.html>.

Михайлов Андрей. Могиликом для «корабельной» радиации: Новая Земля – «Нет»! Кольский полуостров – «Да»? <http://nuclearno.ru/text.asp?6605>.

Михайлов Андрей. Прощай, Новая Земля. *Северный Рабочий*. 2003, 25 октября, http://www.nworker.ru/news/2003/08/27/27-08-03_06.htm, сайт о полигоне на Новой Земле <http://www.belushka.narod.ru/>.

Повышенное внимание мирового сообщества к странам Ближнего и Среднего Востока (БСВ) обусловлено многими причинами. Важнейшими из них являются очень высокая конфликтогенность региона, определенные военно-политические, социально-этнические и экономические особенности стран региона, а также наличие в регионе крупнейших мировых запасов углеводородного сырья.

Высокая конфликтогенность региона на фундаментальном уровне обуславливается общей мировой политической обстановкой, характеризующейся формированием на протяжении 1990–2000 гг. новой системы мировых взаимоотношений («нового мирового порядка») в виде сложного симбиоза, сочетаний и пересечений интересов различных «центров силы», стран и групп «многополюсного мира» при явной гегемонии «одного полюса». Военные конфликты и противостояния последних двух десятилетий в регионе фактически отражают реальную картину глобального военно-политического «передела мира». Этим конфликты региона фундаментально отличались от собственно локальных конфликтов в других регионах мира, хотя в последние годы некоторые конфликтогенные районы по периметру бывшего СССР начали приобретать аналогичные характеристики.

К фундаментальным причинам высокого уровня военно-политической напряженности следует добавить противоречивость развития стран Ближнего и Среднего Востока, обусловленную региональными социально-этническими и конфессиональными особенностями стран БСВ, прежде всего сложность взаимоотношений арабских стран как с неарабскими и немусульманскими государствами, так и друг с другом. При этом и в последнем случае наблюдаются как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы – явная противоречивость друг другу неоднократно и одновременно декларированных концепций «арабского единства», «исламской солидарности», «арабского национализма», «мусульманского национализма» вкупе с политическими концепциями отдельных стран (или этнических/конфессиональных групп) по реализации своих узконациональных (групповых) интересов за счет других стран (групп) региона¹.

Наконец, причины конфликтности и нестабильности региона проявляются на уровне отдельно взятых государств БСВ и связаны с высокототалитарной формой власти некоторых стран региона (не только так называемых *стран-изгоев*, по определению Государственного департамента США², но и «стратегических союзников в регионе», например Саудовской Аравии), а также с предрасположенностью руководства многих стран региона решать внешне- и внутривнутриполитические, а также социально-этнические проблемы силовыми военными и/или полицейскими методами.

Экономика многих стран БСВ имеет отличительные особенности, которые заключаются в том, что основные макроэкономические показатели ближневосточных стран очень жестко зависят от экспорта углеводородного сырья, а не, скажем, от объемов производства национальной промышленности. Доходы от нефтяного экспорта составляют в среднем

30–40% объемов ВВП и 70–90% от общих объемов товарного экспорта стран БСВ и фактически определяют тенденции роста/падения объемов ВВП и величины государственных бюджетов³.

При этом, учитывая, что доходы стран БСВ от экспорта нефти зависят от мировых цен на нее, которые в свою очередь подвержены резким флуктуациям⁴, мы видим, что эта экономическая особенность БСВ высокой зависимости национальных экономик стран региона от экспорта нефти имеет как положительные, так и отрицательные черты. Отрицательные выражаются в том, что при неблагоприятной конъюнктуре мирового нефтяного рынка экономики стран региона находятся в лучшем случае под давлением стагнационных, а чаще под давлением негативных тенденций. Положительный же аспект этих особенностей проявляется в том, что государства БСВ по сравнению со странами, основой экономики которых является производство или переработка, находятся в более выгодной ситуации в том смысле, что менее подвержены ограничениям экономического характера и дефицита финансовых ресурсов, обладают более свободными ресурсами, которые возможно направить на различные программы (в том числе на военные расходы и/или закупку ВВТ) без ущерба для национальной экономики.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЫНОК ОРУЖИЯ

Для мировых производителей вооружений и военной техники (ВВТ) повышенное внимание к региону объясняется очень высокой емкостью рынка вооружений стран БСВ.

Таблица 1

**Мировой импорт ВВТ и стран БСВ в 1978–1988 гг., млн долл.
(по данным WMEAT 1989⁵ и WMEAT 1990⁶)**

Год	Весь мир	БСВ	Доля БСВ
1978	26 500	10 110	38%
1979	31 940	10 940	34%
1980	35 690	11 760	33%
1981	43 740	16 330	37%
1982	47 880	20 420	43%
1983	49 140	21 330	43%
1984	52 520	22 380	43%
1985	46 390	16 730	36%
1986	46 090	16 320	35%
1987	54 160	20 720	38%
1988	48 610	15 815	33%

На протяжении последних нескольких десятилетий страны Ближнего и Среднего Востока лидируют по объемам импорта вооружений и военной техники среди всех регионов мира. В конце 1970-х гг. на долю региона приходилось порядка 10–11 млрд долл. в год, что соответствовало 34–38% общемировых объемов импорта ВВТ (27–32 млрд долл.). Позднее страны БСВ существенно увеличили объемы импорта вооружений, которые в конце 1980-х гг. составили 16–21 млрд долл. в год, т.е. 33–38% общемировых объемов поставок ВВТ (49–56 млрд долл.).

В 1990-е гг. ближневосточные страны несколько уменьшили объемы оружейных закупок, так что к концу десятилетия они снизились до 16–17 млрд долл. (порядка 32–35% от общемировых).

Таблица 2

**Мировой импорт ВВТ и стран БСВ в 1989–1999 гг., млн долл.
(по данным WMEAT 1999–2000⁷)**

Год	Весь мир	БСВ	Доля БСВ
1989	56 040	18 515	33%
1990	55 490	19 840	36%
1991	48 100	17 090	36%
1992	43 770	18 070	41%
1993	42 580	17 650	41%
1994	39 890	16 320	41%
1995	43 170	18 790	44%
1996	43 740	17 920	41%
1997	56 880	21 530	38%
1998	46 810	16 490	35%
1999	51 570	16 720	32%

В целом доля стран региона обычно превышала треть всего мирового импорта ВВТ и колебалась в пределах от 32–35 до 40–44%, так что за последние два десятилетия составила в среднем примерно 38% объема всего мирового оружейного импорта. По показателям военных закупок страны БСВ много лет удерживали «пальму первенства» среди всех мировых регионов. Однако если в 1980-х гг. рынок БСВ как по абсолютным, так и по относительным параметрам во много раз превосходил все другие регионы мира (в 3–4 раза страны Западной Европы, в 5 раз страны Восточной Европы, в три с лишним раза регион Южной Азии и в пять – Восточной, на порядок – страны других регионов мира), то в 1990-х гг. регион ЮВА уже фактически сравнивался по многим показателям с БСВ.

По нашему мнению, несмотря на огромную емкость ближневосточного рынка вооружений, его значение как основного потребителя ВВТ в перспективе постепенно будет снижаться. Это связано с определенным развитием ближневосточного мирного процесса, а именно с тем обстоятельством, что страны Персидского залива начали ограничивать свои закупки по финансовым соображениям, а также с объективными причинами наступающей «насыщенности» региона – невозможностью государствами региона освоить уже имеющиеся в их распоряжении ВВТ (например, из-за нехватки обученного персонала) и отсутствием «целесообразности и необходимости» закупок новых вооружений. Тем не менее в ближайшей и среднесрочной перспективе Ближний и Средний Восток останется лидером по закупкам вооружений, однако его доля в мировом импорте ВВТ, по-видимому, будет постепенно снижаться и опустится до 30% и менее.

Страны региона тратят на военные цели от 55–63 до 82–87 млрд долл. в год. В период с 1989 по 1999 г. страны БСВ затратили на военные нужды порядка 730 млрд долл. В отличие от объемов импорта ВВТ доля региона БСВ в общемировых военных расходах достаточно скромна – колеблется от 6 до 10%. Тенденции изменения военных расходов региона примерно соответствуют общемировым – постепенное уменьшение военных затрат с максимальных объемов во второй половине 1980-х гг. (пик в 1987 г.) до минимальных зна-

чений в середине 1990-х гг. и незначительное увеличение во второй половине 1990-х гг. Отличием региона БСВ от общемировых тенденций в этой связи является резкий всплеск в начале 1990-х гг. (пик в 1990 г. и высокие значения в 1991–1992 гг.), который был связан с войной в Персидском заливе. Скачок доли региона в общемировых расходах (до 10%) был связан двумя противоположными процессами – ростом военных расходов стран БСВ и плавным спадом размеров общемировых оборонных бюджетов. В дальнейшем, в связи с насыщением заказами и колебаниями цен на нефть, страны региона значительно снизили объемы военных затрат, которые стабилизировались на уровне в 60 млрд долл. по абсолютной величине (незначительные колебания), а доля региона – на уровне 7–8%.

Таблица 3

Мировые военные расходы и региона БСВ в 1989–1999 гг., млн долл. (по данным WMEAT 1999–2000)

	Весь мир		БСВ		
	в текущих ценах	в ценах 1999 г.	в текущих ценах	в ценах 1999 г.	доля региона, %
1989	1 050 000	1 310 000	59 369	75 232	5,7
1990	1 060 000	1 280 000	82 248	99 141	7,8
1991	991 000	1 160 000	84 875	98 691	8,6
1992	834 000	950 000	86 557	99 323	10,4
1993	798 000	887 000	58 139	64 825	7,3
1994	787 000	858 000	55 161	59 715	7,0
1995	772 000	823 000	55 348	58 772	7,2
1996	785 000	821 000	61 370	63 711	7,8
1997	815 000	836 000	62 875	65 084	7,7
1998	821 000	833 000	61 722	62 847	7,5
1999	852 000	852 000	65 374	65 374	7,7

Как было сказано выше, в отличие от военных расходов доля БСВ в общемировых объемах оружейного импорта значительно превышала треть всего мирового импорта ВВТ и составляла в разные периоды от 32–35 до 40–44% от общемировых значений. Тенденции изменения объемов импорта странами БСВ аналогичны вышеописанным тенденциям военных затрат – постепенное уменьшение объемов закупок ВВТ с максимальных величин во второй половине 1980-х гг. (пик в 1987 г.), всплеск в начале 1990-х гг., затем спад до минимального значения в 1994 г. и вновь рост во второй половине 1990-х гг.⁸.

ОСНОВНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ВООРУЖЕНИЙ И ОСНОВНЫЕ ИМПОРТЕРЫ ВВТ РЕГИОНА БСВ

Ниже представлены таблицы, в которых приводятся данные по объемам контрактов на поставки вооружений (Таблица 4), заключенных в период 1991–2002 гг. крупнейшими экспортерами со странами Ближнего и Среднего Востока, а также данные по объемам поставок ВВТ (Таблица 5), осуществленных в 1991–2002 гг. крупнейшими экспортерами в страны БСВ.

Экспортеры

Таблица 4

Объемы контрактов на поставки ВВТ странам БСВ в 1991–2002 гг., по странам и основным экспортерам, млн долл. в текущих ценах*

Экспортеры Импортеры****	США	Россия	КНР	Западная Европа**	Остальные страны Европы***	Другие	Всего	Доля, импортер
Саудовская Аравия	27 900	0	0	11 300	1 700	0	40 900	32,6%
ОАЭ	8 000	1 800	0	10 100	1 200	200	21 300	17,0%
Египет	15 100	1 000	500	400	300	300	17 600	14,0%
Израиль	12 600	0	100	1 300	0	300	14 300	11,4%
Кувейт	5 900	700	200	1 900	100	200	9 000	7,2%
Иран	0	1 700	1 400	500	500	1 400	5 500	4,4%
Катар	0	0	0	2 900	0	0	2 900	2,3%
Оман	800	0	0	1 200	200	200	2 400	1,9%
Йемен	0	300	200	200	1 400	200	2 300	1,8%
Алжир	0	800	200	0	900	200	2 100	1,7%
Сирия	0	800	0	100	300	500	1 700	1,4%
Бахрейн	1 200	0	0	0	0	0	1 200	1,0%
Иордания	700	0	0	300	0	200	1 200	1,0%
Ливия	0	100	100	0	200	800	1 200	1,0%
Марокко	100	0	0	500	200	300	1 100	0,9%
Ирак	0	0	0	0	200	0	200	0,2%
Ливан	100	0	0	100	0	0	200	0,2%
Тунис	100	0	0	0	0	100	200	0,2%
Всего	72 500	7 200	2 700	30 800	7 200	4 900	125 300	100,0%
Доля, экспортер	57,9%	5,7%	2,2%	24,6%	5,7%	3,9%	100,0%	

Примечания:

* составлено на основе агрегированных данных CRS-1995⁹ и CRS-2003¹⁰

** в группу «Западная Европа» включены основные западноевропейские поставщики ВВТ – Франция, Великобритания, Германия и Италия

*** в группу «Остальные страны Европы» включены все европейские страны-экспортеры ВВТ, за исключением России, Франции, Великобритании, Германии и Италии

**** указаны импортеры–страны БСВ, за исключением Судана и Турции

В 1991–2002 гг. ведущее место по стоимости соглашений по продаже вооружений странам Ближнего и Среднего Востока занимали США, на долю которых приходилось порядка 72,5 млрд долл. (58%) из 125 млрд долл. общей стоимости соглашений на поставки вооружений, заключенных странами БСВ в указанный период. Основными покупателями американских вооружений на Ближнем Востоке по показателям стоимости заключенных соглашений были Саудовская Аравия, на которую пришлось около 40% американских продаж в регион (27,9 млрд долл.), Израиль (12,6 млрд долл.), Египет (15,1 млрд долл.), ОАЭ (8 млрд долл.) и Кувейт (5,9 млрд долл.).

На долю основных западноевропейских экспортеров вооружений, взятых как единая группа (Великобритания, Франция, Германия и Италия), в 1991–2002 гг. приходилось 25% общей стоимости соглашений со странами Ближнего Востока (30,8 млрд долл.). Общая стоимость соглашений по продаже вооружений, заключенных Россией с ближневосточными странами в указанный период, составила 7,2 млрд долл., что соответствует 6% от общей суммы контрактов БСВ. Основными заказчиками вооружений группы четырех западноевропейских стран являлись Саудовская Аравия (11,3 млрд долл.), на которую, так же как и в случае с США пришлось порядка 40% западноевропейских продаж в регион, а также ОАЭ (10,1 млрд долл.) и Катар (2,9 млрд долл.). Кроме этих стран западноевропейские вооружения на достаточно крупные суммы закупали Кувейт, Израиль и Оман (1,9, 1,3 и 1,2 млрд долл. соответственно).

К основным заказчикам российских вооружений относились ОАЭ, Иран, Египет и Кувейт (1,8, 1,7, 1,0 и 0,7 млрд долл. соответственно). Китайское вооружение закупал главным образом Иран, на который пришлось чуть более половины (52%) китайских продаж в регион (1,4 из 2,7 млрд долл.).

Таблица 5

Объемы поставок ВВТ странам БСВ в 1991–2002 гг., по странам и основным экспортерам, млн долл. в текущих ценах*

Экспортеры Импортёры****	США	Россия	КНР	Западная Европа**	Остальные страны Европы***	Другие	Всего	Доля, импортёр
Саудовская Аравия	36 600	100	300	48 900	6 500	100	92 500	58,7%
Египет	12 700	800	100	200	300	300	14 400	9,1%
Израиль	8 700	0	100	1 400	0	300	10 500	6,7%
ОАЭ	1 500	800	0	6 400	1 000	300	10 000	6,3%
Кувейт	6 200	900	200	2 100	200	200	9 800	6,2%
Иран	0	3 600	1 900	200	400	600	6 700	4,3%
Сирия	100	1 200	0	100	300	500	2 200	1,4%
Алжир	0	900	200	0	700	300	2 100	1,3%
Катар	0	0	0	1 900	0	0	1 900	1,2%
Йемен	0	300	400	200	500	200	1 600	1,0%
Оман	100	0	0	900	100	300	1 400	0,9%
Бахрейн	1 200	0	0	0	0	0	1 200	0,8%
Марокко	200	0	0	400	300	100	1 000	0,6%

Иордания	600	0	0	100	0	200	900	0,6%
Ливия	0	500	100	0	100	200	900	0,6%
Тунис	200	0	0	0	100	0	300	0,2%
Ирак	0	0	0	0	100	0	100	0,1%
Ливан	100	0	0	0	0	0	100	0,1%
Всего	68 200	9 100	3 300	62 800	10 600	3 600	157 600	100,0%
Доля, экспортер	43,3%	5,8%	2,1%	39,8%	6,7%	2,3%	100,0%	

Примечания:

* составлено на основе агрегированных данных CRS-1995 и CRS-2003

** в группу «Западная Европа» включены основные западноевропейские поставщики ВВТ – Франция, Великобритания, Германия и Италия

*** в группу «Остальные страны Европы» включены все европейские страны–экспортеры ВВТ, за исключением России, Франции, Великобритании, Германии и Италии

**** указаны импортеры–страны БСВ, за исключением Судана и Турции

По объемам поставок качественная картина рынка вооружений БСВ за прошедшие годы выглядела аналогично. В 1991–2002 гг. страны Ближнего и Среднего Востока импортировали ВВТ на сумму порядка 158 млрд долл., из которых чуть менее половины (43%) пришлось на американские вооружения – Соединенные Штаты в указанный период поставили в регион ВВТ на 68,2 млрд долл. Более половины американских оружейных поставок на Ближний Восток было осуществлено в Саудовскую Аравию – сумма составила 36,6 млрд долл. Другими основными импортерами американских вооружений в 1991–2002 гг. были Египет (12,7 млрд долл.), Израиль (8,7 млрд долл.) и Кувейт (6,2 млрд долл.).

Группа основных западноевропейских экспортеров поставила в страны Ближнего и Среднего Востока вооружений на сумму несколько меньшую, чем США, – объем экспорта группы в страны БСВ в 1991–2002 гг. составил около 63 млрд долл., что соответствует 40% общего объема импорта ВВТ региона. В отличие от США объем оружейного экспорта четырех западноевропейских стран в Саудовскую Аравию составил около 80% общего объема поставок (48,9 млрд долл.) указанных стран в регион БСВ. Другие основные получатели западноевропейских вооружений импортировали ВВТ на существенно меньшие суммы: ОАЭ (6,4 млрд долл.), Кувейт (2,1 млрд долл.), Катар (1,9 млрд долл.), Израиль (1,4 млрд долл.) и Оман (0,9 млрд долл.).

Общая стоимость поставок вооружений, осуществленных Россией в ближневосточные страны в 1991–2002 гг., составила 9,1 млрд долл., что соответствует 6% от общей суммы импорта ВВТ странами БСВ. Крупнейшим импортером российских вооружений был Иран, на который пришлось 40% оружейных поставок России в регион (3,6 млрд долл.). Второй крупный импортер российских ВВТ – Сирия получила вооружений на 1,2 млрд долл. Объемы импорта в 1990-е гг. новых клиентов в области военно-технического сотрудничества (ВТС) России – ОАЭ и Кувейта – составили 800 и 900 млн долл. соответственно.

Доля КНР на ближневосточном рынке вооружений в 1991–2002 гг. составила 2% – было поставлено вооружений на 3,3 млрд. долл., из которых более половины (58%) пришлось вновь на Иран (1,9 млрд долл.).

Импортеры

Основными и крупнейшими покупателями вооружений в регионе являются Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Израиль, Кувейт и Иран. На эти шесть стран пришлось 109 из 125 млрд долл., то есть 87% объема контрактов по закупкам вооружений, заключенных в

1991–2002 гг. странами БСВ. Этими же странами в указанный период было импортировано ВВТ на сумму 144 млрд долл., что соответствует 91% общего объема поставок вооружений в регион.

Крупнейшим покупателем вооружений среди стран БСВ в прошедшее десятилетие была Саудовская Аравия, которая на протяжении 1991–2002 гг. заключила контрактов на 41 млрд долл., что составило около 1/3 общей суммы соглашений по закупкам вооружений всего региона. Из этой суммы около 96% (39,2 млрд долл.) пришлось на США и на основных западноевропейских поставщиков. Саудовская Аравия лидировала в регионе и по объемам импорта вооружений – на ее долю пришлось около 60% всего оружейного импорта региона (92,5 млрд долл.).

Второй страной БСВ по стоимости контрактов на закупки ВВТ были ОАЭ, которые в указанный период заключили соглашений на 21,3 млрд долл. (17% общего объема контрактов на закупки вооружений региона). В этот же период Эмираты импортировали вооружений на 10 млрд долл. (6% всех поставок в регион).

Египет в 1991–2002 гг. заключил контрактов на закупки оружия на 17,6 млрд долл. и импортировал ВВТ на 14,4 млрд долл.

С четвертого по шестое место по объемам контрактов занимали Израиль, Кувейт и Иран, которые в период 1991–2002 гг. заключили контрактов на 14,3, 9,0 и 5,5 млрд долл. и импортировали вооружений и военной техники на 10,5, 9,8 и 6,7 млрд долл. соответственно.

Примечательно, что из указанных выше шести основных крупнейших стран–импортеров вооружений в регионе первые пять (Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Израиль и Кувейт) являются основными клиентами в военно-технической области для США и западноевропейских стран, а Иран – основным клиентом в регионе для России и Китая. При этом совокупная доля оружейных закупок и военного импорта первой пятерки оценивается в 82–87% закупок и импорта всего региона, в то время как доля Ирана по данным показателям не превышает пяти процентов.

Доли других стран региона в объемах закупок и импорта ВВТ варьируются от нуля или десятых долей процента до полутора-двух процентов, а их абсолютные годовые объемы импорта ВВТ или объемы контрактов оцениваются или нулевыми значениями, или несколькими десятками миллионов долларов, так что за весь период 1991–2002 гг. их показатели были оценены в несколько сот миллионов долларов, максимум 1–2 млрд долл. Исключение из этого составил только Катар, который за указанный период заключил соглашений на сумму 2,9 млрд долл. (с западноевропейскими поставщиками, в основном с Францией), хотя его импорт составил много меньшую величину.

Разница по объемам поставок и по объемам контрактов как экспортеров, так и импортеров объясняется тем фактом, что контракт, заключенный в определенный год, далее реализуется в течение нескольких последующих лет, то есть объемы поставок, соответствующие данному контракту, засчитываются со смещением уже в следующий период или периоды. При этом разница сумм также объясняет и качественную динамику военных закупок определенной страны.

Так, на примере Саудовской Аравии мы видим, что объем совершенного импорта вооружений в 1991–2002 гг. превышает объем заключенных контрактов в этот период на сумму свыше 50 млрд долл. Это характеризует упомянутую выше «насыщенность региона», в данном случае – крупнейшего импортера региона: Саудовская Аравия во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. закупала вооружения в огромных количествах, и суммарные объемы контрактов на закупки ВВТ в эти годы значительно превосходили объемы импорта. Например, в период 1987–1990 гг. было заключено контрактов на сумму около 46 млрд долл. при импорте ВВТ в этот же период на 26 млрд долл. Затем, в первой половине 1990-х гг., когда начались поставки по масштабным контрактам конца 1980-х гг., Саудовская Аравия продолжала закупать вооружения на значительные суммы, но динамика заключения контрактов была уже несколько ниже уровня конца 1980-х гг., так что объемы импорта начали «догонять» объемы соглашений. Например, объем заключен-

ных контрактов в 1991–1994 гг. составил 30 млрд долл., а объем импорта ВВТ в этот же период вырос до 28 млрд долл. Во второй половине 1990-х гг. Саудовская Аравия фактически достигла уровня насыщения, значительно снизив объемы собственных закупок вооружений (заключения контрактов) и продолжая осуществлять импорт ВВТ по уже заключенным до этого контрактам – в 1995–1998 гг. объем контрактов составил 6,6 млрд долл., а поставки достигли максимума – 38 млрд долл.

Наконец, в 1999–2002 гг. Саудовская Аравия достигла минимума в своих закупках ВВТ (объем заключенных соглашений в эти годы составил «всего» 4,1 млрд долл.). При этом начали снижаться и объемы поставок – 26,6 млрд долл. за указанный период.

Аналогичные тенденции масштабных закупок вооружений конца 1980-х – начала 1990-х гг., «насыщения» в закупках ВВТ в середине – второй половине 1990-х гг. и превышения объемов импорта над объемами контрактов в 1991–2002 гг. наблюдаются фактически во всех странах БСВ – Бахрейне, Египте, Иране, Кувейте, Омане, Сирии и др. Правда, стоит отметить, что некоторые из этих стран не достигли насыщения, а по определенным, прежде всего финансово-экономическим и внешнеполитическим причинам в 1990-х гг. свели закупки к минимальному или даже нулевому уровню (Иран, Ирак, Сирия).

Исключение из вышеуказанных тенденций превышения объемов поставок над контрактами составляют такие страны, как Израиль, Катар и ОАЭ, однако о двух последних можно также сказать, что они достигли уровня насыщения, но со смещением сроков по сравнению с Саудовской Аравией, так как Катар достиг максимума объема контрактов в середине 1990-х гг., а ОАЭ – в конце 1990-х гг., при отсутствии тенденции наращивания объемов импорта. Израиль же на протяжении 1990-х гг. динамично увеличивал как объемы закупок ВВТ, так и объемы импорта.

Примерно так же объясняются расхождения между величинами контрактов и поставок для экспортеров. Так, США в 1987–1990 гг. заключили контрактов со странами БСВ на 25,8 млрд долл., в 1991–1994 гг. на 32,4 млрд долл., в 1995–1998 уже «всего» на 13,1 млрд долл., однако в 1999–2002 гг. за счет масштабных контрактов с ОАЭ, Израилем и Египтом объем контрактов составил 27 млрд долл. Соответствующие объемы поставок составили 12,7 млрд долл., 21,5 млрд долл., 26,9 млрд долл. и 19,8 млрд долл.

Российский объем поставок в страны БСВ в период 1991–2002 гг. несколько превышает объем контрактов. Это превышение объясняется теми же причинами, что и в случае с Саудовской Аравией: в конце 1980-х гг. было заключено большое количество контрактов на поставки, которые реализовывались уже в 1990-х гг., при этом темпы заключения новых контрактов в 1990-х гг. значительно снизились и их падение происходило быстрее, чем снижение объемов поставок.

ВТС РОССИИ СО СТРАНАМИ БСВ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Как уже было сказано выше, основными покупателями российских вооружений в регионе являются ОАЭ, Иран, Египет и Кувейт, которые в 1991–2002 гг. закупили в России вооружения на значительные суммы. Соглашения на достаточно крупные суммы в указанный период были заключены также с Сирией, Алжиром и Йеменом (см. Таблицу 4).

Общий объем стоимости поставок ВВТ, осуществленных Россией в ближневосточные страны в 1991–2002 гг., по данным CRS составил 9,1 млрд долл., что соответствует порядка четверти (23%) от общего объема российского экспорта ВВТ во все страны мира, который в указанный период составил 40,2 млрд долл. (авторская оценка на основе официальных и экспертных данных – см. Таблицу 6).

Учитывая, что по разным оценкам доля двух основных клиентов России в области ВТС (Индии и КНР) оценивается в 60–70%, а также принимая во внимание экономические особенности региона БСВ, можно утверждать, что военно-техническое сотрудничество со странами Ближнего и Среднего Востока является очень важным для российских интересов как с точки зрения диверсификации клиентов в сфере ВТС, так и с финансово-экономической точки зрения.

**Объемы экспорта ВВТ России за 1991–2002 гг.
(по официальным и авторским оценочным данным¹¹) (млн долл. США)**

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Итого
Объем	6300	2329	2504	1718	3047	3515	2600	2604	3393	3681	3705	4820 ¹²	40 216

ВТС России и Ирана

Крупнейшим импортером российских вооружений среди стран БСВ в 1991–2002 гг. был Иран, на который пришлось 40% оружейных поставок России в регион (3,6 млрд долл. из 9,1 млрд долл.). В общем иранском импорте ВВТ за этот же период (6,7 млрд долл.) российские военные поставки составили 54%. Стоит также отметить, что по объемам ВТС в 1990-х гг. Иран являлся третьим российским клиентом после Китая и Индии.

Во времена СССР Иран фактически не был крупным клиентом Советского Союза – отдельные поставки в рамках ВТС осуществлялись эпизодически в 1960-х–1970-х гг., а масштабное военно-техническое сотрудничество началось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. – в этот период было заключено значительное количество масштабных контрактов в рамках межправительственных соглашений, подписанных в 1989–1991-х гг. Согласно этим документам Россия обязалась поставить Тегерану самолеты *МиГ-29*, *Су-24МК*, дизель-электрические подводные лодки (ДЭПЛ) проекта *877ЭКМ* (включая сооружение объектов берегового базирования для них), комплексы ПВО *С-200ВЭ*, а также наладить лицензионное производство танков *Т-72* и боевых машин пехоты *БМП-2*.

Поставки вооружений в Иран из СССР начались только в 1990 г. До этого исключением стал 1986 г., однако тогда поставки в Иран составили очень незначительную сумму – порядка 14–22 млн долл. В 1990 г. СССР поставил в Иран вооружений на сумму, по данным различных источников, от 733 млн до 890 млн долл. Следующий, 1991 г. был по объемам поставок максимальным за всю историю ВТС с Ираном – в этот год Россия поставила Ирану ВВТ на сумму 1,3 млрд долл. В последующие годы объемы экспорта российских вооружений в Иран существенно сократились и составляли гораздо более скромные суммы (см. Таблицу 7).

Таблица 7

Объемы импорта ВВТ Ирана в 1989–2002 гг., млн долл. в текущих ценах

Год	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	1900	0
1990	1900	733
1991	1600	1 300
1992	850	180
1993	1400	470
1994	390	770
1995	360	20
1996	370	190
1997	900	25

1998	370	25
1999	150	н.д.
1999–2002	700	400
1989–1999	10 190	3713
1991–2002	6700	3600

Примечание: составлено на основе данных CRS¹³, WMEAT¹⁴, SIPRI и на основе авторских оценочных данных¹⁵

Номенклатура поставок российских ВВТ включала в себя вооружения для ВВС, ВМС и СВ.

Наиболее крупные поставки были реализованы в области авиационной и военно-морской техники. В 1990 г. в Иран было поставлено 14 самолетов *МиГ-29*. В 1991 г. было поставлено 12 *Су-24МК* и порядка 20 *МиГ-29/МиГ-29УБ* (по официально неподтвержденным данным¹⁶). Еще 6 *МиГ-29/МиГ-29УБ* были поставлены в 1993–1994 гг. В 1990–1991 гг. для вооружения *МиГ-29* были поставлены авиационные ракеты *P-27Р* (350 ед.) и *P-60* (576 ед.). Еще 94 ракеты *P-27Р* для *МиГ-29* были поставлены в 1994 г.¹⁷. В СМИ в тот период появилась информация о том, что существовал согласованный контракт на лицензионное производство 126 *МиГ-29*, который пришлось заморозить из-за соглашения «Гор – Черномырдин»¹⁸, однако данная информация не подтверждается другими источниками (официальными или неправительственными), более того, вызывает сомнение достоверность или корректность этой информации. Вполне вероятно, что планировалось заключить такой контракт и, возможно, даже велись российско-иранские переговоры на этот счет, но маловероятно, что Россия добровольно отказалась бы от выполнения уже заключенного масштабного контракта, который оценивался минимум от полутора до двух с лишним миллиардов долларов; более вероятно, что данная сделка не была реализована по другим причинам, например финансовым¹⁹.

В сфере военно-морской техники (ВМТ) Россия в 1991 г. заключила с Ираном контракт на общую сумму 750 млн долл. на производство и поставку трех дизель-электрических подводных лодок проекта *877ЭКМ* (*Кило* по западной классификации), включая техсопровождение и техсодействие строительству и эксплуатации объектов базирования ДЭПЛ. Первая подлодка была поставлена в сентябре 1992 г., вторая в июле 1993 г. и третья в 1996 г.²⁰. Стоит заметить, что поставка третьей ДЭПЛ первоначально планировалась на 1994 г., но неоднократно откладывалась по причине проблем с оплатой с иранской стороны: в 1994 г. просроченная задолженность за поставки ВВТ составляла 380 млн долл.²¹.

В 1991 г. в Иран были поставлены зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) *С-200ВЭ* и партия зенитных управляемых ракет (ЗУР) для него²².

Из бронетехники Россией в Иран в 1993–1998 гг. было поставлено 126 основных боевых танков (ОБТ) *T-72М1* (*T-72С*). Из них 100 ОБТ были поставлены в 1993 г., 20 в 1994 г., два в 1996 г. и четыре в 1998 г.²³ (по другим, официально неподтвержденным данным, за период 1993–2000 гг. было поставлено 422 танка²⁴).

Было реализовано соглашение по лицензионному производству в Иране ОБТ *T-72С1*, в рамках которого в 1994–1998 гг. в Иран было поставлено порядка 100–200 танкокомплектов²⁵.

Кроме того, Россия поставила в Иран в общей сложности порядка 165 боевых машин пехоты (БМП) *БМП-1/2* в период с 1992 по 1998 г.²⁶, а также порядка 800 противотанковых управляемых ракет (ПТУР) *9М111* для *БМП-2*. При содействии России в Иране было налажено лицензионное производство *БМП-2*, в рамках которого Россия поставила Тегерану с 1993 по 1998 г. порядка 200 комплектов для лицензионной сборки²⁷. Согласно данным SIPRI общий объем контрактов на поставки и лицензионное производст-

во/сборку российской бронетехники оценивается в 2,2 млрд долл.²⁸. Общее количество ОБТ *T-72С1* при этом составляет порядка 1000 единиц, а *БМП-2* – 1500 единиц. В рамках этих соглашений за период 1997–2002 гг. было произведено 420 танков, а с 1994 по 2002 г. – 420 БМП. При темпах производства в 70–100 единиц бронетехники в год лицензионные контракты на *T-72* и *БМП-2* будут завершены, по-видимому, в 2007–2008 гг.

В 1998 г. Иран заключил контракт на сумму порядка 30 млн долл. на 5 вертолетов *Ми-171* производства Улан-Удэнского авиазавода (УУАЗ), поставки которых осуществлялись в конце 1999 г. (две единицы) и в начале 2000 г. (три единицы). В 2000 г. УУАЗ заключил новый контракт, предусматривающий поставку Ирану до конца 2001 г. дополнительного количества (16 или 21 единица) вертолетов *Ми-8/Ми-171* и в 2001 г. продолжил экспорт вертолетов – в течение года было поставлено не менее 12 вертолетов, запчастей и вооружений к ним на общую сумму в 30–50 млн долл.²⁹.

Из последних контрактов можно упомянуть контракт 2002 г. на капитальный ремонт иранских *МиГ-29*, включая ремонт двигателей *РД-33* и закупку новых авиадвигателей³⁰.

В последние два-три года в прессе и в специализированных изданиях, в связи с официальным отказом России от обязательств, принятых на себя меморандумом от 30 июня 1995 г. (меморандум «Гор – Черномырдин», согласно которому РФ обязывалась завершить выполнение всех своих подписанных на текущий момент контрактов с Ираном в области ВТС на поставки ВВТ до 31 декабря 1999 г. и не заключать новых соглашений на поставки ВВТ), появилось значительное количество публикаций, рассматривающих и затрагивающих вопросы ВТС России с Ираном. В значительном количестве статей, сообщений и телевизионных программ «высказывались негодование и сожаление в связи с принятием Россией на себя обязательств по меморандуму», из-за которых «Россия ежегодно недополучала значительные финансовые суммы»³¹, так как «не успела осуществить выполнение всех поставок по межправительственным соглашениям и поставочным контрактам 1989 г.»³². Основная масса таких публикаций была выдержана также в оптимистическом духе, и в них давались обнадеживающие прогнозы относительно того, что с выходом России из меморандума объемы продаж и поставок российских вооружений в Иран значительно возрастут. (В СМИ циркулировали данные о возможных объемах закупок российских вооружений Ираном на суммы от 4 до 8 млрд долл.) Приводились также «оценки», согласно которым Иран станет третьей страной среди российских клиентов в сфере ВТС после КНР и Индии, а его годовые объемы импорта составят 300–400 млн долл. Также сообщалось о «планах Ирана» закупать с 2002–2003 гг. в России ВВТ по широкому спектру – от современных средств ПВО (модификации ЗРК *С-300ПМУ* и *С-300В (Антей-2500)*, Бук, *Тор-М1*) до усовершенствованных версий боевых самолетов (штурмовиков *Су-25* и истребителей типа *Су-27* и *МиГ-29*, обладающих ударными возможностями).

По нашему мнению, ситуация с возможной активизацией российского ВТС с Ираном несколько отличается от описанной выше картины. Если же говорить о самом факте «финансовых потерь и невыполнения поставок по межправительственным соглашениям из-за меморандума», то картина следующая. Проанализировав информацию о планировавшихся поставках ВВТ в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и о экспорте, совершенном на протяжении 1990-х гг., мы увидим, что основная масса поставок ВВТ, осуществленных в Иран как до 1995 г., так и уже после подписания меморандума, относится именно к тем самым межправительственным соглашениям 1989–1991 гг. А контракты на поставки упомянутых боевых систем *МиГ-29*, *Су-24МК*, подводных лодок ПЛ проекта *877ЭКМ*, *С-200ВЭ*, а также по лицензионному производству танков *T-72С* и боевых машин пехоты *БМП-2* в своей основной массе были выполнены до 1995 г. и вполне успешно осуществлялись после того. Таким образом, фактически меморандум 1995 г. не сказался негативно на ВТС России с Ираном³³ и не повлиял на соответствующую российскую финансовую выручку, на которую гораздо больше влияло экономическое положение Ирана. С момента же отказа России от обязательств по меморандуму «Гор – Черномырдин» в ноябре 2000 г. и по сегодняшний день российскими спецэкспортерами не было заключено с Ираном практически ни одного крупного контракта на поставки ВВТ³⁴. Формулировки, аналогичные фразе «выход Ирана на третье место с ростом годовых объемов до 300–400 млн долл.» отдадут лукавством, так как Иран на протяжении всех 1990-х гг. фак-

тически находился на третьем месте среди российских клиентов в области ВТС, а его усредненные годовые объемы в этот период и составляли 300–400 (в зависимости от выборки) млн долл. в год. С учетом положения дел в российском ВТС с Ираном в последние годы было бы корректнее говорить, наоборот, о вероятном уменьшении среднегодовых объемов импорта российских ВВТ этой страной в текущем десятилетии. При этом в конце 1990-х гг. Иран импортировал ВВТ, по нашим оценкам, на сумму порядка 20–25 млн долл. в год, а в 2000–2003 гг. объемы импорта фактически остались на том же уровне – 25–70 млн долл. в год (по сообщениям официальных лиц³⁵).

Что касается озвученных сумм планируемых закупок российских ВВТ на 4–8 млрд долл., то ситуация объясняется достаточно просто – в 2000 г. Иран принял и приступил к реализации масштабной программы перевооружения ВС страны, на которую планирует затратить порядка 25 млрд долл. за 25 лет (то есть 1 млрд долл. в год). Исходя из «экспертных оценок» иранского импорта российских вооружений в 300 млн долл. в год, на период в 25 лет эта «оценка» и даст цифры в 7,5–8,0 млрд долл. для российской доли. А сумма в 4 млрд долл. была озвучена еще президентом Ирана во время его визита в Москву в марте 2001 г.: «До 2010 г. Иран планирует переоснастить свою армию современным оружием на сумму 10 млрд долл., и до 4 млрд долл. придется на российское оружие». Таким образом, получается, что Иран, по-видимому, на закупку российских ВВТ затратит порядка 30–40% от планируемых расходов на переоснащение своих ВС. Данные цифры выглядят достаточно многообещающими, однако следует учитывать и тот факт, что состояние экономики Ирана напрямую зависит от конъюнктуры на мировом нефтяном рынке, а цены на нефть в последние годы не отличаются стабильностью и не характеризуются постоянным ростом³⁶. В связи с этим нестабильное финансовое положение Ирана, а также определенные экономические затруднения (снижение темпов прироста ВВП во второй половине 1990-х гг., снижение темпов промышленного производства, рост объемов внешнего долга, ужесточение политики бюджетных расходов и т.п.³⁷) будут явно ограничивать величины реально выделяемых сумм на модернизацию иранских ВС в целом, занижая их по сравнению с запланированными, и, следовательно, ограничивать объемы денежных средств, выделяемых на закупки вооружений за рубежом.

Таким образом, резкое и стабильное увеличение иранских закупок российских вооружений маловероятно. Гораздо более вероятны два других сценария развития российско-иранского ВТС:

1. Оптимистический, или максимальный, сценарий – повторение ситуации 1990-х гг., когда в рамках нескольких соглашений/контрактов Иран в течение десятилетия импортирует вооружений на сумму порядка 3 млрд долл. (в случае если руководство Ирана примет решение и изыщет средства для закупки перечисленных выше современных боевых систем).

2. Усредненный, или реалистичный, сценарий, при котором Иран ограничится закупками запчастей, боеприпасов и ремонтом систем вооружения, уже состоящих в составе его ВС, а также лицензионным производством техники по уже заключенным контрактам. При этом масштабные закупки новых боевых систем переносятся на период после 2008–2010 гг.; в этом случае будет определенное снижение (до 100–150 млн долл.) величин усредненных годовых объемов иранского импорта российских ВВТ в 2000–2010 гг. по сравнению с 1990-ми гг.

Кроме всего вышесказанного, следует учитывать общую политическую обстановку в регионе БСВ, а также взаимоотношения Ирана с США. В последние годы отношения Ирана и США значительно «потеплели», и хотя по формулировке Госдепартамента США Иран все еще числится «террористическим государством»³⁸, однако официальным военным противником Соединенных Штатов уже не считается³⁹. Официальная позиция Ирана в отношении США тоже постепенно меняется от откровенного неприятия в сторону нейтральной позиции и даже налаживания, пусть пока незначительных, контактов. А учитывая тот факт, что в настоящее время в результате военной операции США в Ираке военно-политическая обстановка в регионе БСВ кардинально меняется, рано или поздно Ирану придется окончательно определиться в своих отношениях с США. Маловероятно, что в этом случае Иран выберет путь явной конфронтации с государством, обладающим крупнейшими в мире во-

енным и экономическим потенциалами и укрепляющим в настоящее время свои позиции в регионе. Стоит также напомнить, что до исламской революции 1979 г. одним из основных поставщиков вооружений для Ирана были и США, и не исключен сценарий, что в будущем возможно возобновление американо-иранского сотрудничества.

Таким образом, вполне вероятно, что российско-иранское военно-техническое сотрудничество ограничивается не только объективными экономическими причинами⁴⁰, но и, возможно, иранским «нежеланием слишком раздражать» США, чтобы избежать ситуации перехода «потенциального заокеанского партнера» в категорию «потенциальный военный противник».

ВТС России и Сирии

Сирия, второй крупный импортер российских ВВТ, в 1991–2002 гг. импортировала российских вооружений на 1,2 млрд долл. (по данным CRS), что составило около 55% всего сирийского оружейного импорта за указанный период. Для России экспорт ВВТ в эту страну составил 13% от объема всего российского военного экспорта в регион БСВ.

Таблица 8

Объемы импорта ВВТ Сирии в 1989–2002 гг., млн долл. в текущих ценах

Годы	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	1100	643
1990	950	729
1991	800	н.д.
1992	390	270
1993	280	н.д.
1994	50	0
1995	110	0
1996	50	1,3
1997	40	1
1998	140	70
1999	210	70
1999–2002	400	200
1989–1999	4120	1784
1991–2002	2200	1200

Примечание: составлено на основе данных CRS-2002, WMEAT 1999–2000, SIPRI и на основе авторских оценочных данных

Сирия была традиционным партнером СССР в области ВТС. Военно-техническое сотрудничество с этой страной началось в 1955 г. и до 1990 г. сирийским ВС было поставлено ВВТ на общую сумму 26 млрд долл.⁴¹ (возможно, на несколько более высокую сумму – порядка 32 млрд долл.⁴²). Номенклатура поставленных вооружений включала в себя: 42–65 пусковых установок (ПУ) ракетных комплексов (ПК) тактического и оператив-

но-тактического назначения и более 250 ракет к ним, порядка 4,6–5 тыс. танков, 4,3–4,5 тыс. боевых бронемашин (БТР, БМП и БРДМ), 900–1200 боевых самолетов, 200 боевых и многоцелевых вертолетов, 4,2 тыс. артиллерийских систем и минометов (включая около 1 тыс. реактивных систем залпового огня – РСЗО), 7 подводных лодок, 70 боевых кораблей и катеров (включая 27 ракетных) и другие ВВТ. Были также подготовлены военные кадры (более 9,5 тыс. человек)⁴³.

Однако с 1991 г. ВТС с Сирией было практически заморожено. Исключением стал контракт с российским участием на поставку в 1992–1993 гг. партии танков *T-72A* стоимостью около 270 млн долл.⁴⁴.

В 1994 г. планировалось заключить масштабный пакет контрактов на общую сумму 1,6 млрд долл. на поставку 54 истребителей *МиГ-29С*, 350 ОБТ *T-72М*, крупной партии переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) *Игла-1* и другого специмущества⁴⁵, однако этот контракт реализован не был.

Среди причин прекращения ВТС с Сирией основными являются финансово-экономические: во-первых, не было выработано взаимоприемлемое решение урегулирования проблем сирийской задолженности по государственным кредитам бывшего СССР – задолженность Сирии по состоянию на начало 1990 г. составляла 6,74 млрд инвалютных рублей (порядка 10 млрд долл.)⁴⁶, а на начало 1999 г. она составляла уже 10,5 млрд долл. (см. Таблицу 15). Во-вторых, не была найдена взаимоприемлемая формула расчетов за поставку новых образцов ВВТ российского производства и оказания технической помощи по линии государственных посредников.

В ходе неоднократных переговоров, встреч и визитов официальных представителей обеих стран во второй половине 1990-х гг. были достигнуты определенные договоренности в отношении урегулирования вопросов задолженности Сирии (по-видимому, Сирия нашла источники ограниченного финансирования в некоторых арабских странах⁴⁷, осуществила несколько номинальных выплат, а Россия, видимо, списала некоторую часть долга), так как в прессе в 1997–1998 гг. стала появляться информация о возобновлении ВТС, а также о заключении контрактов и планируемых поставках российских вооружений в эту страну.

По данным CRS Россия в 1991–2002 гг. заключила с Сирией контракты на общую сумму 800 млн долл. Из этой суммы в 1991–1994 гг. было заключено контрактов на 500 млн долл., в 1995–1998 гг. на 100 млн долл. и в 1999–2002 гг. на 200 млн долл.

В российской прессе неоднократно появлялись сообщения о том, что Тульское конструкторское бюро приборостроения (КБП, г. Тула) в 1998 г. заключило с Сирией два контракта на поставки противотанкового ракетного комплекса (ПТРК) *Корнет-Э* на сумму 65 млн долл. и ПТРК *Метис-М* на сумму 73 млн долл. Контракты реализовывались в 1998–1999 гг.⁴⁸. О количестве ПТРК не сообщалось – по нашим оценкам порядка двух тысяч единиц⁴⁹.

Кроме этих осуществленных поставок ВВТ сообщалось о достигнутых принципиальных договоренностях между РФ и Сирией о поставках российских вооружений по широкой номенклатуре: крупных партий легких и стрелковых вооружений (ЛСО) – автоматов Калашникова, РПГ и выстрелов к ним; боевых самолетов *Су-27* (до 30 единиц), танков *T-80* и зенитно-ракетных комплексов *Бук-М1*, *Тор-М1*, *С-300ПМУ-1*⁵⁰ и *С-200 Ангара/Бера*⁵¹.

Кроме того, согласно договоренностям, российские специалисты обязались провести комплексную модернизацию сирийских танков *T-72* и *T-55*, поставку запасного имущества, принадлежностей (ЗИП)⁵², ремонт и модернизацию боевых самолетов *МиГ-21*, *МиГ-23*, *МиГ-25* и *МиГ-29* (этот контракт «РСК МиГ» оценивался в 60 млн долл.⁵³), ремонт транспортных самолетов *Ил-76*, а также модернизацию систем ПВО и РЛС.

Сообщалось, что общий объем поставок российских вооружений в Сирию составит более двух млрд долл.⁵⁴ (в 1998 г. величина планируемых объемов российско-сирийского ВТС оценивалась в три млрд долл.⁵⁵ – по нашим представлениям обе цифры определенно завышены.) Кроме поставки комплектующих изделий, узлов, агрегатов, запасных частей и расходных материалов, планировалось оказать сирийской стороне техническое

содействие в строительстве и модернизации заводов по производству вооружения, военной техники и боеприпасов в Сирии.

Кроме того, в российских СМИ озвучивалась неподтвержденная официально или экспертно информация, что Сирия приобрела для отправки в Ирак модернизированные двигатели для танков *T-55* и запчасти для танков *T-72* в Болгарии и Беларуси, военные грузовики в России, ракеты ПВО в Чехии, а также двигатели и радарные системы для самолетов *МиГ-29* на Украине, запасные части для самолетов *МиГ* в Венгрии и Сербии⁵⁶.

Расширение ВТС с Сирией имеет для РФ важное значение, поскольку за 1990-е гг. Россия значительно ослабила позиции на ближневосточном рынке вооружений. Однако очевидно, что финансово-экономические ограничения Сирии будут явно затруднять рост объемов российско-сирийского ВТС. В этом смысле информация о «готовящихся» или «планируемых» масштабных поставках российских ВВТ в Сирию на суммы в один-два или более млрд долл. и последующий выход на уровень в 200–300 млн долл. ежегодно⁵⁷ вызывает определенное сомнение. Это доказывается тем фактом, что кроме контрактов Тульского КБП на поставки ПТРК о других крупных или относительно крупных контрактах на поставки ВВТ Сирии пока ничего не известно⁵⁸.

Третье и четвертое места среди стран БСВ – российских клиентов в сфере ВТС в 1991–2002 гг. занимали «нетрадиционные клиенты», Объединенные Арабские Эмираты и Кувейт, объемы импорта российских вооружений которых в указанный период составили 800 и 900 млн долл. соответственно (по данным CRS).

ВТС России с ОАЭ и Кувейтом фактически началось в 1990-е гг. До этого обе страны несколько раз осуществляли спорадические, разовые закупки ВВТ на суммы в 5–10 млн долл. в 1970-х и 1980-х гг. (за исключением двух лет для Кувейта – в 1984–1985 гг. эта страна импортировала из СССР вооружения на 380 млн долл.).

Для России военно-технические контракты с указанными двумя странами являются одними из *наиболее предпочтительных* в регионе вследствие ряда особенностей: высокой платежеспособности данных государств, отсутствия политических препятствий и непричастности этих стран к так называемым «спискам стран-изгоев», «поддерживающих международный терроризм», к числу которых относится ряд стран – традиционных клиентов России в сфере ВТС.

Таблица 9

Объемы импорта ВВТ ОАЭ в 1989–2002 гг., млн. долл. в текущих ценах

Годы	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	975	0
1990	1600	0
1991	470	0
1992	725	114
1993	825	136
1994	750	181
1995	1500	186
1996	1100	36
1997	1400	97
1998	1400	39
1999	950	н.д.

1999–2002	3600	100
1989–1999	11 695	789
1991–2002	10 000	800

Примечание: составлено на основе данных CRS, WMEAT, SIPRI и на основе авторских оценочных данных

ВТС России с ОАЭ

Объединенные Арабские Эмираты в настоящее время являются одним из крупнейших мировых импортеров ВВТ. На протяжении всех 1990-х гг. ОАЭ стабильно входили в первую десятку крупнейших мировых импортеров ВВТ, а по объемам заключенных контрактов на закупки продукции военного назначения (ПВН) среди развивающихся стран – в первую тройку стран-импортеров этой продукции. Например, по данным CRS, ОАЭ в период 1991–1994 гг. заключили соглашений на общую сумму в 7,6 млрд долл., уступив по этому критерию лишь Саудовской Аравии (24,3 млрд долл.) и Тайваню (15,8 млрд долл.). При этом в 1995–1998 гг. ОАЭ с примерно таким же объемом заключенных контрактов (7,4 млрд долл.) вышли уже на второе место, незначительно отставая от Саудовской Аравии (7,9 млрд долл.), а уже в 1999–2002 гг. с объемом соглашений, равным 9 млрд долл., вышли на первое место в регионе⁵⁹. Это говорит о том, что многие развивающиеся страны, в том числе и страны БСВ, осуществлявшие масштабные закупки во время пика военных заказов начала 1990-х гг., достигли определенного насыщения и снизили свои объемы заключаемых контрактов, в то время как ОАЭ осуществляли свою программу перевооружения более стабильно как в первой, так и во второй половине 1990-х гг.

При этом ОАЭ являются одной из немногих стран мира, которые в течение 1990-х гг. значительно увеличили свои военные расходы: только в период с 1996 по 2000 г. объемы военных затрат ОАЭ увеличились в полтора раза – с 2,2 млрд долл. до 3,3 млрд долл.

Общие российские объемы поставок ВВТ в ОАЭ в 1990-х гг. составляли порядка 100–150 млн долл. в год (790 млн долл. в 1992–1998 гг.)⁶⁰, при этом в середине и во второй половине 1990-х гг. Эмираты по объемам импорта стабильно входили во второй эшелон крупнейших российских военно-технических клиентов (после Китая и Индии, занимающих стабильно первое и второе места соответственно) наряду с такими странами как Иран, Кувейт, Египет, Вьетнам, Южная Корея, КНДР и Малайзия. В то же время в конце 1990-х гг. и по итогам 2000 г. ОАЭ занимали третью-четвертую позицию среди всех российских клиентов в сфере ВТС. Более того, ОАЭ, как Иран и Вьетнам, осуществляли стабильный импорт российских ВВТ фактически на всем протяжении 1990-х гг., в отличие от таких стран как Египет, Кувейт, КНДР, РК и Малайзия, объемы импорта которых резко варьировались от сотен млн долл. до фактически нулевых значений и/или полного прекращения закупок российских ВВТ на несколько лет или полностью.

Такая стабильность импорта для России является одним из положительных моментов в сфере ВТС с ОАЭ, наряду с «политической чистотой»⁶¹ и достаточно высокой степенью платежеспособности – абсолютные и относительные макроэкономические показатели ОАЭ одни из высочайших в регионе: по состоянию на 1999 г. ВВП ОАЭ составил 53,6 млрд долл., ВВП на душу населения – 23 000 долл. (по данным WMEAT 1999–2000), в 2002 г. он составил уже 71 млрд долл. и 24 900 долл. соответственно⁶² (IISS). При этом ОАЭ на протяжении прошлого десятилетия вложили в западные учреждения и экономику других стран порядка 55 млрд долл., что приносит ежегодно в виде процентов 3,5–4,5 млрд долл.⁶³ и позволяет использовать эти суммы в целях развития своей непродуцированной сферы (включая социальную и оборонную).

Официальный график поставок БМ ОАЭ в 1992–2000 гг.⁶⁴

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Всего
Кол-во	80	95	118	122	25	69	82	32	30	653

Одним из крупнейших по значимости и объемам проектом оснащения армии ОАЭ современной военной техникой являлись фактически завершённые к настоящему моменту несколько контрактов общей суммой порядка 1 млрд долл. на закупку крупных партий российских боевых машин пехоты *БМП-3*. Согласно этому проекту Россия в 1992–1996 гг. заключила с ОАЭ ряд контрактов на поставки этой стране *БМП-3*. В общем итоге в рамках этих контрактов Россия с 1992 по 2000 г. экспортировала в ОАЭ 653 боевых бронированных машин – 588 *БМП-3* и 65 *БРЭМ-Л*⁶⁵.

В числе других российских поставок для ВС ОАЭ можно назвать регулярные поставки с 1995 г. продукции Казанского оптико-механического завода (КОМЗ), а также ГУП «ПО «Завод имени Серго» (г. Зеленодольск, Татарстан), который с 1992 по 2000 г. поставил в ОАЭ продукции более чем на 25 млн долл.⁶⁶.

Западными источниками⁶⁷ неоднократно упоминалось о том, что ОАЭ в 1996 г. заключили контракт на пробную партию из шести российских 300-мм реактивных систем залпового огня *БМ-23 Смерч*, однако в дальнейшем о статусе контракта не сообщалось и факт осуществления поставок официально подтвержден не был⁶⁸.

Кроме того, стоит упомянуть два российских контракта 1997 и 2000 гг. на поставки Министерству обороны ОАЭ полноприводных двухосных грузовиков *КамАЗ-4326 Мустанг* в количестве 20 и 200 машин соответственно⁶⁹. ОАЭ для нужд своей армии планируют закупить не менее 1,2 тыс. армейских джипов, и, вероятно, это будут машины российской разработки – бронированные многоцелевые вездеходы *ГАЗ-2975 Тигр*⁷⁰.

Вторым крупнейшим российским контрактом в области ВТС с Эмиратами после пакета контрактов на *БМП-3* является контракт 2000 г. Тульского КБП стоимостью 734 млн долл. на поставку ОАЭ новейшего зенитного ракетно-пушечного комплекса (ЗРПК) *Панцирь-С1*. Согласно контракту, в течение двух лет КБП должно провести и завершить опытно-конструкторские работы (ОКР) по *Панцирю* и затем поставить в ОАЭ тремя партиями 50 комплексов (12, 24 и 14 единиц) в течение трех лет (2003–2005 гг.)⁷¹. Согласно условиям контракта планировалось, что на завершение ОКР по *Панцирю* в течение двух лет Министерство обороны ОАЭ перечислит КБП авансовых платежей на сумму порядка 30% от стоимости контракта⁷². Другой особенностью контракта является то, что он в финансовом выражении на 50% идет в счет госдолга России – согласно условиям Эмираты оплатят 367 млн долл. валютой и на 367 млн долл. будет зачтено погашение государственного долга РФ перед ОАЭ⁷³, который по состоянию на начало 1995 г. составлял 611,8 млн долл.⁷⁴.

Кроме того, из российских поставок/контрактов в сфере ПВО можно упомянуть закупку Эмиратами в 1990-х гг. неопределенного количества опорно-пусковых установок *Джигит* для ПЗРК *Игла-1*, состоящих на вооружении ВС ОАЭ⁷⁵. Представители предприятия-производителя данных систем (Конструкторского бюро машиностроения) в настоящее время ведут переговоры с ОАЭ по вопросам поставок дополнительного количества систем ВВТ – ПЗРК, ПТРК, ОТР и комплексов активной защиты бронетехники.

Из российских поставок военно-морской техники (ВМТ) в ОАЭ стоит упомянуть о контракте 1994 г. на поставку двух (по другой информации трех) высокоскоростных десантно-грузовых катеров на воздушной каверне типа *Серна*⁷⁶. Кроме того, российское ФГУП «Рособоронэкспорт» планирует поставить Эмиратам несколько автоматизированных комплексов по охране побережья и морских нефтяных платформ⁷⁷.

Объемы импорта ВВТ Кувейта в 1989–2002 гг., млн. долл. в текущих ценах

Годы	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	260	47
1990	270	184
1991	330	
1992	1000	
1993	1000	
1994	390	5
1995	1300	128
1996	1700	65
1997	2000	
1998	450	0
1999	725	0
1999–2002	3600	100
1989–1999	9425	429
1991–2002	10 000	800

Примечание: составлено на основе данных CRS-2003, WMEAT 1999–2000, SIPRI и на основе авторских оценочных данных

ВТС России с Кувейтом

По данным Исследовательской службы Библиотеки Конгресса США Россия в 1991–2002 гг. заключила с Кувейтом соглашений на поставки ВВТ на сумму в 1,8 млрд долл. и при этом экспортировала в эту страну вооружений на 800 млн долл.⁷⁸

Фактически вся эта сумма (более 700 млн долл.) приходилась на пакет контрактов 1994 г. согласно которым Россия в 1994–1998 гг. поставила Кувейту 27 РСЗО *БМ-23 Смерч*, 46 *БМП-2* и 126 *БМП-3*, а также боеприпасы и вооружения к этим боевым системам, включая 460 ПТУР *9М111* и более 1200 единиц *9М117* для *БМП*⁷⁹.

В 2000–2001 гг. Россия вела переговоры с Министерством обороны Кувейта и планировала заключить контракты на осуществление работ по модернизации поставленных *БМП-2/3* и на поставки дополнительного количества боеприпасов для РСЗО *Смерч* и для *БМП*. Стоимость контрактов оценивалась в 150 млн долл. Статус данных контрактов на данный момент не определен.

Кроме указанных поставок *БМП* и РСЗО Россия в 1995 г. поставила Кувейту небольшое количество (порядка 30 единиц) ПЗРК *Игла*⁸⁰.

ВТС России и Египта

Среди других стран БСВ следует также отметить Египет, с которым у России во второй половине 1990-х гг. наметилась определенная активизация ВТС.

Во времена СССР Египет до определенного времени был одним из крупнейших советских клиентов в области ВТС. Военно-техническое сотрудничество Советского Союза с Каиром началось в 1955 г. и было прекращено в 1976 г. После долгого перерыва поставки российских ВВТ в Египет начались в 1990-х гг.

Таблица 12

Объемы импорта ВВТ Египта в 1989–2002 гг., млн долл. в текущих ценах

Годы	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	1000	н.д.
1990	1300	н.д.
1991	1600	н.д.
1992	1600	н.д.
1993	2000	н.д.
1994	1700	5
1995	2100	н.д.
1996	1700	н.д.
1997	1600	143
1998	1000	н.д.
1999	700	н.д.
1999–2002	4700	200
1989–1999	16 300	148
1991–2002	14 400	800

Примечание: составлено на основе данных CRS-2003, WMEAT 1999–2000, SIPRI и на основе авторских оценочных данных

По данным CRS-2002 Египет в 1991–2002 гг. импортировал российских вооружений на 800 млн долл. и заключил контрактов на 1 млрд долл.⁸¹.

В 1997 г. в Египет были поставлены 34 ОБТ *Т-80У* (14 командирских и 20 линейных). В настоящее время Омское КБ машиностроения при посредничестве «Рособоронэкспорта» предлагает египетской стороне провести работы по модернизации поставленных *Т-80У*, а также модернизировать состоящие на вооружении армии Египта танки *Т-54/55* и *Т-62*, поставленные еще во времена СССР⁸².

В том же 1997 г. Россия заключила контракт и поставила Египту 20 вертолетов *Ми-8/Ми-17*. При этом официально в Регистр ООН сообщалось о поставке 20 «боевых вертолетов», что означает, что вертолеты *Ми-8/17*, поставленные Египту в 1997 г., были вооружены или оснащались боевыми системами после поставки – по информации представителей российского МВЗ им. Миля, завод в 1998–2000 гг. проводил в Египте дооборудование вертолетов, закупленных ранее Каиром, оснащая их современным вооружением и средствами РЭП. В 1999 г. с Каиром был заключен дополнительный контракт на поставку семи «транспортных» вертолетов *Ми-8/Ми-17*. При этом вновь в Регистр ООН сообщалось об экспорте «боевых вертолетов», т.е. машины были оснащены вооружениями.

В 1997 г. в западной прессе публиковалась информация о том, что Каиром и Москвой планируется заключение масштабного контракта стоимостью более 700 млн долл. на закупку 12 батарей ЗРК *C-300* (около 100 ПУ и более 224 ЗУР)⁸³. Данная информация была опровергнута представителями ГК «Росвооружение» и до настоящего времени не была подтверждена другими источниками.

В 1999 г. Межгосударственная финансово-промышленная группа (МПФГ) «Оборонительные системы» и «Росвооружение» заключили контракт на модернизацию 50 ЗРК *C-125 Печора*, поставленных в Египет Советским Союзом в 1970-х гг., в вариант *Печора-2*. МФПГ «Оборонительные системы», в которую входят российские и белорусские оборонные предприятия, завершила модернизацию первого ЗРК и провела испытания комплекса в декабре 2000 г. Весь контракт планировалось завершить в 2003 г.

Кроме того, в 2000 г. «Промэкспортом» был заключен контракт на 20 млн долл. на модернизацию артиллерии, поставку боеприпасов и поставку средств связи для ВС Египта⁸⁴.

В 2002 г. сообщалось, что Омское КБТМ планирует заключить с Египтом контракт на ремонт и модернизацию 200 египетских танков *T-62* в вариант тяжелого бронетранспортера *БТР-Т*. Сумма планируемого контракта оценивалась в 150 млн долл.⁸⁵. Статус планируемого контракта на данный момент не определен.

Относительно финансовых параметров ситуация достаточно неопределенная – детальной открытой информации недостаточно, чтобы системно описать российское ВТС с Египтом. Известно, что контракт 1997 г. на поставку и модернизацию 20 *Ми-17-1В* оценивался в 100 млн долл.⁸⁶ (возможно, эта сумма соответствует 27 *Ми-17-1В*). Кроме того, объем египетского импорта российской ПВН в 1994 г., равный 5 млн долл., соответствует поставке аэродромной РЛС *PAR-10AM* производства ПО «Иртыш»⁸⁷. Существуют также данные, что «ежегодный оборот ВТС России с Египтом оценивается» в 30–40⁸⁸ или 50⁸⁹ млн долл., однако, видимо, данные суммы относятся к одному конкретному году или определенному периоду (концу 1990-х гг. и/или 2000–2003 гг.), в противном случае общие объемы ВТС России с Египтом в 1990-х – начале 2000-х гг. оценивались бы величинами 400–600 млн долл., что явно не соответствует действительности. Как уже было сказано выше, по всей видимости, объем российских поставок ПВН в Египет в 1991–2001 гг. составил порядка 160–180 млн долл.

ВТС России и Йемена

Таблица 13

Объемы импорта ВВТ Йемена в 1989–2002 гг., млн долл. в текущих ценах

Годы	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	470	н.д.
1990	30	75
1991	40	78
1992	5	0
1993	20	0
1994	260	0
1995	140	0
1996	80	0
1997	110	0

1998	30	0
1999	30	0
1999–2002	800	300
1989–1999	1215	153
1991–2002	1600	300

Примечание: составлено на основе данных CRS-2003, WMEAT 1999–2000, SIPRI и на основе авторских оценочных данных

Йемен, как Северный, так и Южный, был традиционным советским клиентом, ВТС с которым фактически непрерывно осуществлялось с 1957 и 1967 г. соответственно, вплоть до начала 1990-х гг. За эти годы СССР поставил в Йемен более 1300 танков, порядка 200 БМП, более 1200 БТР и БРДМ, свыше 600 РСЗО, а также другое специмущество на сумму более 6 млрд долл.⁹⁰. В результате на сегодня 90% военной техники, состоящей на вооружении йеменской армии, – советского/российского производства, а в ВВС все 100%⁹¹. Кроме прямых поставок Йемену были оказаны услуги военного назначения на сумму свыше 500 млн долл. Общий объем ВТС составил порядка 7 млрд долл. Специмущество довольно часто поставлялось в кредит, на льготных условиях или безвозмездно. В результате общий долг Йемена перед РФ составлял 5,665 млрд долл. по состоянию на начало 1999 г.⁹² (по несколько отличающимся данным к концу 1999 г. эта задолженность составляла 6,643 млрд долл.⁹³). С проблемами большой задолженности Йемена перед Россией и отсутствием реальных платежей связан тот факт, что с началом 1990-х гг. объемы ВТС России с Йеменом стали составлять нулевые величины.

Согласно данным CRS, Россия в период 1991–2002 гг. осуществила поставок ВВТ Йемену на сумму 300 млн долл., причем все в 2000–2003 гг. В первой половине 1990-х гг. не было заключено также ни одного контракта, и лишь в 1999–2002 гг. было заключено соглашений на 300 млн долл.

Размораживание российско-йеменских отношений началось в конце 1990-х гг. В марте 1998 г. было подписано межправительственное соглашение по ВТС, а в конце 1999 г. Россия списала основную часть государственной задолженности Йемена, так что долг составил всего 430 млн долл. Эти шаги позволили наладить работу на йеменском рынке российских спецэкспортеров, и в начале 2000 г. в Йемене возобновились переговоры с российскими государственными посредниками – «Промэкспортом», РСК «МиГ», КБМ и КБП – по вопросам поставок новых ВВТ и ремонта, модернизации техники, поставленной в советское время. В ходе переговоров российской стороне был предложен вариант закупки Йеменом вооружения и техники на сумму 1,5 млрд долл. с выплатой ее равными частями в течение 10 лет (при этом стоит упомянуть, что расходы Йемена на национальную оборону, заложенные в бюджетах 1999–2002 гг., составляют порядка 400–450 млн долл.⁹⁴, что говорит о возможных затруднениях в резервировании планируемых 150 млн долл. в год на закупки ВВТ в государственных бюджетах).

В марте 2000 г. во время визита в Москву министра обороны Йемена был подписан рабочий протокол, зафиксировавший перечень ВВТ, который хотел бы приобрести Йемен: свыше 10 Су-27СК, несколько Су-27УБ, порядка 10 МиГ-29, около 10 Ми-35, более 5 дивизионов С-300ПМУ или С-300ПМУ-1, около 100 Т-72Б, порядка 100 БМП-2 или БМП-3, около 20 РСЗО Смерч и определенное количество ПТРК Корнет-Э⁹⁵.

В мае 2000 г. в Йеменскую Республику были поставлены российские танки Т-72Б⁹⁶ в количестве 31 единицы⁹⁷, а также запчасти и боеприпасы на общую сумму в 20–25 млн долл. Поставки были произведены из наличия МО России по линии «Промэкспорта»⁹⁸. Это были первые российские поставки Йемену ВВТ после прекращения ВТС с этой страной в 1991 г. По данным SIPRI российский контракт на боевые танки был заключен в 1999 г. и общее количество машин составляло 39 единиц. Вторая партия из восьми Т-72Б была поставлена в 2001 г.⁹⁹, однако это не подтверждается официальными рос-

сийскими источниками. Как уже упоминалось выше, Минобороны Йемена планировало приобрести порядка 100 Т-72, однако о других российских поставках ОБТ Йемену официально не сообщалось. При этом Республика Беларусь сообщила об экспорте 27 Т-72Б в Йемен в 2000 г., упомянув в отчете, что «танки российские»¹⁰⁰.

В конце 2001 г. РСК «МиГ» заключила с Йеменом контракт на поставку в эту страну партии истребителей МиГ-29, а также ремонт и модернизацию самолетов МиГ йеменских ВВС. О деталях контракта на протяжении 2002–2003 гг. сообщались достаточно противоречивые данные: количество МиГ-29 варьировалось от 14–15 машин до 20–24, сумма же контракта оценивалась от 300 млн до более 400 млн долл. По-видимому, разночтения и противоречивость информации связаны с комплексностью контракта: поставка серийных строевых машин (14 единиц), производство и поставка шести новых МиГ-29СМТ с БРЛС Жук-МЭ, ремонт и модернизация четырех МиГ-29 из состава ВВС Йемена¹⁰¹. Поставки истребителей из наличия Минобороны начались летом 2002 г. и к концу года были поставлены все 14 машин¹⁰²; летные испытания и начало поставок 4–6 машин стандарта СМТ осуществлялись в 2003 г.¹⁰³, и можно уверенно утверждать, что к настоящему времени контракт стоимостью 437 млн долл.¹⁰⁴ находится в стадии завершения. Работы по ремонту и модернизации МиГ-29 ВВС Йемена (возможно, и МиГ-21) велись в 2002–2003 гг.¹⁰⁵.

По информации IISS¹⁰⁶ Россия в 1999 г. заключила контракт с Йеменом на поставку 14 Су-27 (12 одноместных и 2 двухместных Су-27УБ¹⁰⁷) в 2001 г., однако данные поставки не были осуществлены ни до 2001 г., ни позднее, а информация о контракте пока не подтверждается другими авторитетными источниками информации, включая экспертные неправительственные и официальные¹⁰⁸. Как уже было сказано выше, Йемен действительно планировал приобрести порядка 8–10 Су-27СК и 2 или более Су-27УБК, однако эта сделка планировалась в общем пакете контрактов на закупку Йеменом ВВТ по широкому спектру (включая боевые вертолеты Ми-35П и ЗРК С-300ПМУ/ПМУ-1) на общую сумму 1,5 млрд долл. и в 1999–2000 гг. велась активная работа в этой области во время рабочих встреч и официальных визитов министров обороны двух стран. Сообщалось даже, что «контракт на поставку в Йемен самолетов Су-27 находится в стадии финальных переговоров»¹⁰⁹, однако в конечном итоге контракт на истребители в частности и общий пакет контрактов на 1,5 млрд долл. в общем заключены не были – по всей видимости, по финансовым причинам, вследствие отсутствия взаимоприемлемого решения о способах и графиках оплаты поставок ВВТ йеменской стороной. В настоящее время работа по этому крупному пакету все же продолжается¹¹⁰ – в СМИ упоминается о ведущихся переговорах по планируемым поставкам С-300ПМУ/ПМУ-1 в Йемен¹¹¹.

Из других сделок в сфере российских ВВТ стоит упомянуть контракт на поставку в Йемен около 20 ПТРК Корнет-Э¹¹² и средств связи для йеменских ВС¹¹³.

ВТС России и Ирака

Таблица 14

Объемы импорта ВВТ Ирака в 1989–2002 гг., млн долл. в текущих ценах

Годы	Общий импорт	Импорт из РФ
1989	2800	1300
1990	2800	450
1991	0	0
1992	0	0
1993	0	0

1994	0	0
1995	0	0
1996	0	0
1997	5	0
1998	0	0
1999	5	0
1999–2002	0	0
1989–1999	5610	1750
1991–2002	0	0

Примечание: составлено на основе данных CRS-2003, WMEAT 1999–2000, SIPRI и на основе авторских оценочных данных

Ирак относился к традиционному клиенту СССР/России в сфере ВТС. Военно-техническое сотрудничество с ним началось в 1958 г. и регулярно, без перерывов осуществлялось до 1991 г. При этом в 1980-е гг. Ирак был самым крупным покупателем (а не получателем) советского оружия, который достаточно корректно осуществлял свои обязательства по платежам за поставки.

Всего за годы сотрудничества в Ирак было поставлено 4630 танков, в том числе 1038 Т-72. Кроме того – 2810 БМП, 2714 БТР, 3279 артсистем, 725 ПТРК. Для ПВО Ирака было поставлено 325 ЗРК различных типов, 1593 ПЗРК. В Ирак были поставлены также 1145 боевых и транспортных самолетов, 348 вертолетов, 41 боевой корабль и другое вооружение¹¹⁴.

Стоимость поставленного вооружения с 1958 по 1990 г. оценивается в 30,5 млрд долл. До начала вторжения в Кувейт в августе 1990 г. Ирак выплатил СССР за поставки ВВТ 22,43 млрд долл. (из них на 8,15 млрд долл. – нефтью, которая была потом продана на мировом рынке). Кроме того, за обучение иракских специалистов, ремонт спецтехники и прочую техническую помощь было перечислено 950 млн долл.

В ходе выполнения программ «техсодействия в создании объектов военного назначения и предприятий оборонной промышленности» Москва получила еще примерно 900 млн долл. В рамках этих программ были построены: завод по лицензионному производству артсистем и пулеметов и автоматов Калашникова (г. Юсуфия), завод «Хаттин» по производству артиллерийских боеприпасов (г. Искандерия), завод «Алькааа» по производству пироксилиновых порохов и твердого ракетного топлива различных марок, а также завод для производства авиационных боеприпасов и бомб. Всего СССР передал Багдаду более 60 лицензий на производство ВВТ и боеприпасов. В Ираке было запущено промышленное производство более чем по 30 лицензиям, в том числе сборочное производство танков Т-72М1 в городе Таджи.

Советские поставки оружия и программы ВТС были официально прерваны 1 сентября 1990 г. во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН (UNSCR 661), а Ирак прекратил осуществлять платежи. На 1990 г. и момент прекращения поставок иракский долг оценивался в 3795,62 инвалютных рубля (5,67 млрд долл.). В настоящее время официальными лицами России задолженность Ирака оценивается в 7,238 млрд долл. по поставкам вооружений плюс 586,7 млн долл. по программам технического содействия¹¹⁵.

Россия официально не поставляет оружие в Ирак с 1990 г. и соблюдает международные эмбарго в отношении Багдада¹¹⁶ (несмотря на значительное количество статей с «разоблачениями» в прессе¹¹⁷, подоплека которых часто имеет провокационный характер и

нередко связана с внешнеполитической¹¹⁸ или внутривнутриполитической конъюнктурой¹¹⁹). По данным CRS в период 1991–2002 гг. объемы контрактов и поставок ВВТ России в Ирак составляют нулевые величины. По данным других аналитических агентств ситуация выглядит аналогично.

До 2003 г. официальные российская и иракская позиции в сфере ВТС формулировались достаточно определенно – после снятия эмбарго планируется возобновление российско-иракского военно-технического сотрудничества и начало выплат в погашение иракской задолженности перед Россией.

В настоящее время в результате американской военной акции ситуация стала достаточно неопределенной как с выплатами, так и с возобновлением ВТС. Маловероятно, что после урегулирования военно-политической ситуации в стране новое правительство Ирака пойдет на масштабное сотрудничество с Россией в военно-технической сфере.

Небольшие шансы в области ВТС с Ираком есть у РФ в области поставок легких и стрелковых вооружений. В прессе сообщалось об американских заявлениях, что новая иракская армия будет вооружаться автоматами российского производства¹²⁰, что теоретически вполне возможно (представителями концерна «Ижмаш» сообщалось даже, что «от представителей коалиционных войск в Ираке предприятие получило ряд заявок на оружие системы Калашникова»¹²¹), однако получение крупных заказов маловероятно по следующим причинам: во-первых, в настоящее время количество стрелковых вооружений в Ираке, включая автоматы Калашникова, составляет убопомрачительные цифры – десятки миллионов единиц (количество АК-47 оценивается свыше десяти или даже 30 млн единиц), а во-вторых, заказы на автоматы Калашникова по политическим причинам будут выдаваться скорее польским или болгарским предприятиям¹²². Также публиковалась и альтернативная информация о том, что иракская армия будет вооружаться американскими *M-16*¹²³.

Есть также определенная вероятность получения в будущем заказов на ремонт и модернизацию боевой техники будущих ВС Ирака (российского производства). Но и в этом случае эта вероятность сводится к нулю следующими фактами: во-первых, неясна сама ситуация с военной техникой (спецобъектами), поставленной (построенными) Ираку в свое время Советским Союзом, – вполне возможно, что значительная ее часть будет просто уничтожена¹²⁴. А во-вторых, в случае передачи ее новым ВС Ирака шансов получить заказы на ремонт и модернизацию по политическим мотивам больше у израильских фирм и предприятий восточноевропейских стран. В основной своей массе новая иракская армия в будущем будет, вероятнее всего, оснащаться западной техникой¹²⁵.

Таблица 15

Задолженность стран БСВ перед РФ /на начало 1999 г. *

№	Страна	млн руб.	млн долл.
1	Сирия	242 346,3	10 476,9 (13 300**)
2	Ирак	131 041,6	5 665,1 (7824,7**126)
3	Йемен	126 831,2	5 483,1 (430***)
4	Алжир	66 576,8	2 878,2
5	Ливия	53 607,6	2 317,5
6	Египет	34 514,1	1 492,1
7	Судан	45,2	2,0

8	Иордания	3,6	0,2
	Итого	654 966,3	28 315,0

Примечания:

* авторская оценка; более полные сведения о задолженности иностранных государств опубликованы в книге «Россия на мировом рынке оружия»¹²⁷

** по состоянию на начало 2001 г.

*** по состоянию на начало 2000 г.

Что касается иракской задолженности и влияния американской военной операции на эту проблему, то здесь налицо явно негативный вариант – американская сторона пытается добиться от России «добровольного урегулирования в нулевой вариант», то есть списания долгов с весьма чувствительными финансовыми потерями для российских интересов, а некоторые иракские представители заявляют, что «новое руководство Ирака... не будет выплачивать свои долги России»¹²⁸. Российская позиция выражается в согласии списания части долга при условии «максимального задействования технического и инвестиционного потенциала российских компаний в деле восстановления иракской экономики»¹²⁹, то есть на иракском нефтяном и производственном рынке. Однако очевидно, что доступ на иракский рынок российских компаний будет сильно ограничен ввиду отсутствия у России эффективных рычагов давления и влияния на ситуацию.

Перспективы развития ситуации на рынке ВВТ БСВ

Рынок стран Ближнего и Среднего Востока является одним из предпочтительных и перспективных для многих мировых экспортеров ВВТ. Это объясняется очень высокой емкостью рынка вооружений стран БСВ, которая обусловливается политическими и экономическими особенностями региона.

К политическим особенностям можно отнести высокую конфликтогенность региона, наличие неразрешенных территориально-пограничных споров, продолжающиеся этнические конфликты, политическую нестабильность ряда стран региона. Как известно, любой военный конфликт и напряженность в регионе ведут к росту военных расходов и военных закупок. Так, во время ирано-иракских войн наблюдались явные всплески величин ВР и объемов закупок ВВТ странами БСВ. Война в Персидском заливе и операция «Буря в пустыне» были причинами резкого и рекордного всплеска в объемах закупок оружия ближневосточными странами.

Экономика многих стран БСВ имеет отличительные особенности, которые заключаются в том, что все макроэкономические показатели ближневосточных стран очень жестко зависят от экспорта углеводородного сырья, а не, скажем, от объема производства национальной промышленности. В этом смысле страны БСВ по сравнению со странами, основой экономики которых является производство или переработка, находятся в более предпочтительной ситуации в том смысле, что они менее подвержены ограничителям экономического характера и дефициту финансовых ресурсов, обладают более свободными ресурсами, которые возможно направить на военные расходы и/или закупку ВВТ без ущерба для национальной экономики. Этим и объясняется тот факт, что некоторые страны БСВ являются крупнейшими мировыми экспортерами ВВТ, при этом далеко отставая от многих стран мира по макроэкономическим показателям и по уровню военных расходов. Однако эти же причины указывают на то, что динамика военных расходов и военных закупок ближневосточных стран находится в прямой зависимости от тенденций мирового сырьевого рынка, и в случае негативных изменений, например падения цен на нефть на мировом рынке, страны БСВ будут вынуждены ограничивать свои военные расходы в гораздо большей степени, чем страны других регионов, экономика которых находится в меньшей степени зависимости от нефтяного экспорта. Проще говоря, динамика

военных расходов и закупок стран БСВ будет зависеть от того, упадет или же вырастет цена на нефть в ближней и в среднесрочной перспективе.

Из ряда прогнозов относительно поведения нефтяного рынка наиболее вероятным является тот, что «с началом масштабных поставок иракской нефти на мировой рынок цены на нефть снизятся весьма существенно»¹³⁰.

Одновременно с этим на динамику ВР и импорта ВВТ ближневосточных стран будет параллельно влиять и обратная тенденция – военные конфликты, как правило, ведут к *разогреву* оружейного рынка. Однако, в отличие от конца 1980-х – начала 1990-х гг., очередной военный конфликт в регионе БСВ, по всей видимости, не вызовет такого же всплеска, какой был на тот момент, так как в результате осуществленных масштабных закупок вооружений в 1990-е гг. некоторые страны региона достигли определенного уровня *насыщенности* в закупках ВВТ. Правда, стоит отметить, что эта *насыщенность* характерна не для всех стран, а прежде всего для Саудовской Аравии, группы богатых и малонаселенных арабских стран (ОАЭ, Кувейт, Оман), в меньшей степени Египта. Стоит отметить, что эти страны относят к традиционным военно-техническим клиентам США и Западной Европы.

В связи с такими странами, как Израиль, Турция (которые увеличили объемы закупок ВВТ к концу 1990-х гг. довольно существенно по сравнению с началом 1990-х гг.), Иран, Ирак, Сирия, Йемен и Судан (которые в 1990-х гг. закупали ВВТ по минимальному уровню или даже по нулевому), говорить о *насыщенности* было бы некорректно. При этом, за исключением Израиля и Турции, перечисленные страны являются традиционными российскими клиентами в области ВТС, а также не относятся к политическим союзникам США или даже проводят «откровенно антиамериканскую политику», то есть военная операция США в Ираке окажется психологическим стимулом к увеличению военных расходов и закупок ВВТ *антиамериканскими* странами. Однако эти страны более ограничены в финансовых средствах, и отрицательное влияние на нефтяной рынок в результате американской операции скажется на уровне закупок этих стран сильнее.

Таким образом, можно заключить, что в результате американской военной операции в Ираке динамика военных расходов и оружейных закупок региона БСВ в целом будет находиться под воздействием двух противоположных тенденций: с одной стороны, тенденции к увеличению в результате прямого военно-политического влияния вооруженного конфликта в регионе, и с другой – тенденции к уменьшению из-за финансово-экономических ограничений в результате опосредованного влияния конфликта на нефтяной рынок.

В то же время соотношение этих тенденций и их влияние на страны БСВ будет различным. По всей видимости, такие страны, как Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Египет и Оман, несколько снизят или же стабилизируют свои военные расходы и закупки на уровне более низком, чем в 1990-е гг. Израиль и Турция будут продолжать наращивать свои объемы как ВР, так и военного импорта. Относительно других стран БСВ (традиционных российских клиентов) ситуация неопределенная. Иран, скорее всего, будет планировать увеличение своих военных расходов, однако резкого всплеска закупок вооружений за рубежом, по крайней мере в ближайшие годы, не произойдет. Иран увеличит масштабы своих национальных оборонных программ, хотя, конечно, самостоятельно качественно повысит эффективность и боеспособность своих ВС и оснастит их современными системами вооружений по широкому номенклатурному спектру Иран не способен, и необходимость закупки таких систем за рубежом очевидна. Йемен и Судан в случае нерегулярного высвобождения финансовых ресурсов (вероятнее всего, зарубежных) будут осуществлять закупки ВВТ, но так же нерегулярно, как и прежде, так что говорить об увеличении объемов закупок и военных расходов было бы некорректно. Сирия, так же как и Иран, будет стремиться повысить затраты на оборону, однако, по-видимому, резкого скачка объемов закупок вооружений за рубежом не произойдет по финансовым причинам.

Примечания

- ¹ Современное вооружение в войне. Под ред. В.В. Панова, С.М. Прядилова. М., 1994. С. 14–19.
- ² Точная формулировка: «(1) – террористические государства, (2) – государства, поддерживающие [международный. – Авт.] терроризм, и (3) – государства, проводящие откровенно враждебную политику в отношении США и/или потенциальные военные противники США» (по формулировке Министерства обороны США). Среди стран региона БСВ к таковым относятся: Ирак (1, 3), Иран (1), Ливия (3), Сирия (3), Судан (2, 3). Иногда в СМИ к списку *стран-изгоев* причисляют и Йемен, однако юридически ни Госдепартамент, ни Минобороны США ни к одной из вышеупомянутых категорий Йемен не причисляют.
- ³ См.: International Financial Statistics (IFS). International Monetary Fund (IMF). W.: D.C., 2000; IFS. IMF. W.: 2001; World Economic Outlook Database. IMF. W.: 2002, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2002/02/data/>.
- ⁴ International Energy Outlook 2003. World Oil Markets. U.S. Department of Energy, 2003; сводки о динамике нефтяного рынка на Международной нефтяной бирже (IPE) в Лондоне, <http://www.energylive.com/>.
- ⁵ World Military Expenditures and Arms Transfers 1989. U.S. Arms Control and Disarmament Agency (ACDA), 1990.
- ⁶ World Military Expenditures and Arms Transfers 1990. ACDA, 1991.
- ⁷ World Military Expenditures and Arms Transfers 1999–2000. Bureau of Verification and Compliance, U.S. Department of State, 2003.
- ⁸ Достаточно подробный обзор по основным макроэкономическим и военным показателям региона в целом и по странам в отдельности см.: Кенжетаев М. Характеристики рынка ВВТ стран Ближнего и Среднего Востока. *Рынки Вооружений*. 2001. Т. I, № 2, февраль; Кенжетаев Марат. Главный оружейный рынок. *Арсенал. Военно-Промышленное Обзорение*. 2003. №1.
- ⁹ Grimmatt Richard F. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 1987–1994. CRS Report for Congress. Congressional Research Service. The Library of Congress, 1995.
- ¹⁰ Grimmatt Richard F. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 1995–2002. Report for Congress. Congressional Research Service. The Library of Congress, 2003.
- ¹¹ Авторские таблицы с большей детализацией данных по объемам экспорта ВВТ России в 1991–2001 гг. см.: Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А. Россия на мировом рынке оружия. М.: Военный Парад, 2001. С. 161–162; Кенжетаев Марат, Шварев Владимир. Предварительные итоги ВТС России с иностранными государствами в 2001 г. *Рынки Вооружений*. 2002. Т. 2, № 1–2, январь–февраль; Kenzhetaev Marat, Pronina Lyuba. Rocketing Up the Arms Sales Charts. *Moscow Times*. 2002, April 15.
- ¹² Вступительное слово Президента Российской Федерации на заседании Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества с зарубежными странами (пресс-релиз). 2003, 24 апреля.
- ¹³ Сводные данные за 1999–2002 и 1991–2002 гг.
- ¹⁴ Данные общего импорта ВВТ страны по годам с 1989 по 1999 г.
- ¹⁵ Данные импорта российских вооружений по годам с 1989 по 1999 г.
- ¹⁶ Вполне вероятно, что в действительности информация о 20 *МиГ-29* в 1991 г. является ошибочной и дублируется. Наиболее реальная картина в отношении поставок *МиГ-29* в Иран выглядит следующим образом: в 1989 г. было подписано соглашение на поставку 20 *МиГ-29* (возможно, 24 единиц). Поставки в 1990–1991 гг. – 14 единиц и в 1993–1994 гг. – 6 единиц (возможно, в 1990–1991 гг. все 20 истребителей, а в 1993–1994 гг. – 4 машины).
- ¹⁷ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 216–218; Кенжетаев Марат. Меморандум «Гор – Черномырдин»: пять лет в строю. *Рынки Вооружений*. 2001. Т. I, № 1, январь.
- ¹⁸ Фельгенгауэр Павел, Сафранчук Иван. За и против. Стоят ли российские поставки оружия Ирану споры с Америкой. *Московские Новости*. 2000, 4 декабря.

¹⁹ В пользу нашей версии говорят два следующих факта: во-первых, в случае если контракт действительно существовал, то юридически ничто не мешало его осуществлению, так как по меморандуму «Гор – Черномырдин» Россия принимала на себя обязательства не заключать новых контрактов, но имела полное право выполнять уже существующие; во-вторых, контракт на прямые поставки МиГ-29 был заключен в 1989 г., в основной своей части был реализован фактически в 1990–1991 гг., то есть минимум за четыре года до меморандума, что есть достаточно приличный срок для согласования всех параметров контракта и его подписания.

²⁰ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 217; Кенжетаев М. Цит. соч.

²¹ Кандауров Сергей. ВТС России с Ираном: возможности и перспективы. *Экспорт Вооружений*. 2000. №6, ноябрь–декабрь.

²² SIPRI. Transfers and licensed production of major conventional weapons. *Facts on International Relations and Security Trends (FIRST)*, International Relations and Security Network (ISN) and the Stockholm International Peace Research Institute, 2003.

²³ Официальные российские отчеты в Регистр поставок обычных вооружений ООН за соответствующие годы (регистры ООН 1993, 1994, 1996, 1998).

²⁴ The Middle East Military Balance 1999–2000. Brom Shlomo and Shapir Yiftah, eds. Jaffee Center for Strategic Studies (JCSS) in Tel Aviv. 1999, December. Pp. 188–189; The Middle East Military Balance 2001–2002. JCSS. 2002, June; Eisenstadt Michael. Russian Arms and Technology Transfers to Iran: Policy Challenges for the United States. *Arms Control Today*. 2001, March; Iran seen as major market for Russian weaponry. *Interfax*, 2001, March 10; Козюлин Вадим. Россия – Иран: что стоит за новым стартом военно-технического сотрудничества? *Вопросы Безопасности*. 2001. Т. 5, № 5; Коротченко Игорь. ВТС между Россией и Ираном не должно зависеть от политической конъюнктуры. *Независимое Военное Обозрение*. 2001, 21–27 сентября. С. 6.

По-видимому, данная информация о поставках указанного количества Т-72 является ошибочной или не совсем корректной и/или дублирует информацию о лицензионной сборке/производстве Т-72.

²⁵ Кенжетаев Марат. Меморандум «Гор – Черномырдин». Цит. соч.

²⁶ Официальные российские отчеты в Регистр ООН.

²⁷ Кенжетаев Марат. Меморандум «Гор – Черномырдин». Цит. соч.

²⁸ Iran: Deals with deliveries or orders made 1993-2002. *SIPRI arms transfers database*. 2003, March 7.

²⁹ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 217; Кенжетаев Марат, Шварев Владимир, Новичков Николай. Итоги и основные направления военного-технического сотрудничества России с иностранными государствами в 1998–2001 гг. *Рынки Вооружений*. 2001. Т. 1, № 7–8, июль–август.

³⁰ ММП им. В.В. Чернышева реализует ряд крупных контрактов по ремонту и модернизации двигателей РД-33 для самолетов МиГ-29. *АРМС-ТАСС*. 2003, 20 августа. По всей видимости, это единственный с 1995 г. российский контракт в сфере оснащения иранских ВВС.

³¹ А в общем итоге «порядка 2–4 млрд. долл.».

³² См.: Горностаев Дмитрий, Коротченко Игорь. Сделка Гор – Черномырдин: ущерб России – четыре миллиарда? У Москвы есть еще возможность исправить ошибку 1995 г. *Независимая Газета*. 2000, 19 октября. С. 1, 6; Шорина Ольга. Таких контрактов у России больше не будет. Интервью Константина Макиенко, замдиректора Центра АСТ. *Вести.Ru*. 2000, 28 декабря; Российские власти решили возобновить поставки оружия в Иран. *НТВ*. 2000, 23 ноября, 14:25; Iran may become third largest buyer of Russian arms after India and China. *Strana.ru*. 2001, March 10, 13:56; Iran seen as major market for Russian weaponry. *Interfax*. 2001, March 10.

³³ При этом очевидно положительно сказался на политических и, как следствие, на экономических отношениях России с США.

³⁴ За исключением упомянутых контрактов на поставку вертолетов Ми-8/Ми-17 и ремонт МиГ-29.

³⁵ Россия ежегодно поставляет Ирану военную продукцию на сумму от 25 до 70 млн долл. и не собирается сворачивать сотрудничество – КВТС РФ. *Интерфакс-АВН*. 2003, 19 сентября. При этом в конце 2000 г. сотрудниками ГК «Росвооружение» сообщалось, что «в структуре российского экспорта ПВН на Иран пришлось 6,1%». По всей видимости, речь шла не об общероссийском экспор-

те, а об экспорте по линии госкомпании «Росвооружение», и возможно, что опубликованные данные соответствовали не осуществленным поставкам, а платежам. В этом случае мы видим, что «платежи» Ирана «составили» 92 млн долл. на октябрь 2000 г. или 162 млн долл., если доля в 6,1% соответствовала всему 2000 г. (из расчета платежей в 1,5 млрд долл. по состоянию на конец октября 2000 г. или 2,65 млрд долл. за весь год). Если же речь шла о поставках, то объем поставок ВВТ в 2000 г. в Иран «составил» 180 млн долл.

³⁶ См.: International Energy Outlook. Цит. соч.; Сводки о динамике нефтяного рынка... Цит. соч.

³⁷ См. ежегодники International Financial Statistics. IMF; Кандауров Сергей. Цит. соч.

³⁸ С января 1984 г.

³⁹ Иран был исключен из списка «потенциальных военных противников» Министерства обороны США в марте 1999 г.

⁴⁰ Финансово-экономические затруднения Ирана препятствуют заключению масштабных контрактов на поставки этой стране вооружений.

⁴¹ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 214.

⁴² Уточненные авторские оценки.

⁴³ Кенжетаев Марат, Шварев Владимир. ВТС России со странами Ближнего Востока. *Рынки Вооружений*. 2001, Т. I, № 2, февраль; Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 214.

⁴⁴ *Jane's Intelligence Review*. 1997, April. Цит. по: Вольфсон Зеэв. Сирия собирает «трофеи». *Вести*. 2001, 8 марта; Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 214. Количество техники неопределенно, однако, по информации *Jane's*, Сирия в 1992 г. закупила в России 400 танков Т-72 и 300 артиллерийских систем. О фактах осуществления российских поставок 400 ОБТ и 300 артсистем Сирии в 1992 г. (или в последующих годах) официальной информации нет. Данный факт поставок значительного количества ОБТ Т-72 Сирии Россией или любой другой страной СНГ в 1992 г. (или в последующих) не фиксируется авторитетными международными аналитическими агентствами. Известно только о поставках Сирии в 1992 г. 81 танка Т-72М совместно Чехией и Словакией по контракту 1991 г. и о поставках Словакией в 1993 г. 58 танков без указания типа. Эта информация была подана Словакией и Чехией в соответствующие Регистры ООН. О поставках танков Сирии в другие годы в Регистр ООН не сообщалось. Примечательно, что в своем отчете в Регистр ООН-1992 Россия внесла примечание, что «продажи Сирии вооружений, произведенных в СССР и поставленных не с территории Российской Федерации, не включены в российский отчет». О поставках артиллерийских систем Сирии не сообщалось ни одной страной. Исходя из этого, следует, что информация *Jane's* о факте продажи и поставки Россией в 1992 г. Сирии 400 Т-72 и 300 артсистем является некорректной и неточной. Более вероятно, что Россия принимала участие (например, как посредник или собственник ВВТ) в чешском и словацком контрактах 1991 г. на поставку ОБТ Т-72 Сирии, но танки Т-72 поставлялись Чехией и Словакией из состава словацкой армии и при этом в гораздо меньшем количестве.

⁴⁵ SIPRI Yearbook 1996 (1997). World Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 1996 (1997). Газета *New-York Post* приводила несколько отличающийся список: «60 боевых самолетов, 300 танков Т-80, зенитных ракет различных типов». *New-York Post* о российской торговле оружием. *Эл. банк ИНФО-ТАСС, база ВЕГА*. 1997, 5 сентября, ссылка на *New-York Post* от 2 сентября 1997 г.).

⁴⁶ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 153–154.

⁴⁷ Основные кредиторы – Саудовская Аравия и, видимо, Иран (Иран играл скорее посредническую роль в российско-сирийских переговорах). В прессе сообщалось, что Сирия получила кредит от государств Персидского залива размером 350 млн долл. на закупки ВВТ (*Defense News*. 1997. Vol. 12, No.34, August 25–31, P.20).

⁴⁸ Согласно *Center for Defense Information (CDI)*, поставки начались в июне 1998 г. (*Center for Defense Information, Arms trade mailing list*. 1998, June 12, 1998, December 7).

⁴⁹ Кенжетаев Марат, Шварев Владимир. ВТС России со странами Ближнего Востока. Цит. соч.; Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 214.

⁵⁰ Там же.

- ⁵¹ Голотюк Юрий. Москва возобновляет поставки оружия на Ближний Восток. *Русский Телеграф*. 1998, 14 февраля. С. 1.
- ⁵² По публиковавшейся в 1997–1998 гг. информации модернизация Т-55 включала установку управляемого оружия и активной динамической брони, возможно, установку более мощных двигателей и новых заряжающих устройств. Сообщалось, что работы по модернизации Т-55 начались в первой половине 1997 г. (ВТС России с Сирией и Ираном. *Эл. банк ИНФО-ТАСС, база ВЕГА*. 1997, 16 апреля; *Defense News*. 1997. Vol. 12, No. 34, 25–31 August. P. 20).
- ⁵³ Никольский Алексей. Сирии пора укреплять оборону. Российский ВПК заработает на этом до 1 млрд долл. *Ведомости*. 2001, 24 мая; Германович Алексей, Козырев Михаил, Никольский Алексей. Тест на терпимость. Корпорация «МиГ» поставит 15 МиГ-29 в Йемен на сумму более 300 млн долл. *Ведомости*. 2001, 26 сентября.
- ⁵⁴ Кандауров Сергей. Оценка емкости рынка оружия нефтедобывающих стран Ближнего Востока – импортеров российского оружия. *Экспорт Вооружений*. 2001. № 6, ноябрь–декабрь; Никольский Алексей. Цит. соч.
- ⁵⁵ <http://intelligence-net.com/idmain.htm>. 1998, February.
- ⁵⁶ Сирия нарушает эмбарго на поставки вооружений Ираку. *Эл. банк ИНФО-ТАСС, база ВЕГА*. 2002, 16 июля; ссылка на израильскую газету *Гааретц*.
- ⁵⁷ Кандауров Сергей. Цит. соч.
- ⁵⁸ Кроме этого контракта, а также контрактов на ремонт, модернизацию поставленной во времена СССР техники и поставки ЗИП к ним, к настоящему моменту ничего из перечисленной выше широкой номенклатуры поставок ВВТ, по-видимому, реализовано не было.
- ⁵⁹ Во всем мире в этот период по объемам закупок лидировала уже КНР (11,3 млрд долл.).
- ⁶⁰ Авторская оценка.
- ⁶¹ Отсутствие в отношении ОАЭ санкций и эмбарго международных организаций (ООН, ЕС) и ряда западных стран.
- ⁶² *The Military Balance 2003–2004*. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Oxford University Press, 2003.
- ⁶³ Лященко В.П. Цит. соч. С. 102.
- ⁶⁴ Составлено на основе российских отчетов в регистры обычных вооружений ООН с 1992 по 2000 г.; в 2000 г. поставки российских бронемашин в ОАЭ были завершены полностью – в своих отчетах в Регистры ООН за 2001 и 2002 гг. о поставках ББМ в ОАЭ Россия уже не сообщала.
- ⁶⁵ Kenzhetayev Marat, Shvarev Vladimir. United Arab Emirates: The Structure and Dynamics of Arms Defense Procurements. The main Trends in Development of Air Force and Air Defense. Navy Development Programs. Modernization of Land Forces. *Arms Markets*. 2003. Vol. 3, No 3, March. P. 11.
- ⁶⁶ *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1997, № 14. С. 55; *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1997, № 40. С. 54; Kenzhetayev Marat, Shvarev Vladimir. *Op. cit.* P. 11.
- ⁶⁷ Например, IISS (The International Institute for Strategic Studies) в своих ежегодниках *The Military Balance*.
- ⁶⁸ Информация западных источников о наличии РСЗО *Смерч* в составе ВС ОАЭ не подтверждается: российскими официальными источниками информация о совершении поставок в ОАЭ данных артиллерийских систем не публиковалась, факт осуществления поставок не зафиксирован и другими аналитическими центрами.
- ⁶⁹ *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1997, № 14. С. 55; *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1997, № 40. С. 54; Садыков Раис. «КамАЗ» работает на оборону Эмиратов. *Время МН*. 2000, 5 сентября. С. 2. Цит. по: *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2000, № 36.
- ⁷⁰ Kenzhetayev Marat, Shvarev Vladimir. *Op. cit.* P. 11; *Русский Тигр для арабского шейха. Профиль*. 2001, 9 апреля.

⁷¹ Новичков Николай. Арабов прикроет *Ланцирь*. А Тула получит за него более 700 млн долл. *Независимое Военное Обозрение*. 2000, 16 июня; Кенжетаев Марат, Шварев Владимир, Новичков Николай. Цит. соч. С. 13; Kenzhetaev Marat, Shvarev Vladimir. Op. cit. P. 6.

⁷² С этой точки зрения эта сделка являлась уникальной в том смысле, что был заключен контракт на новейшую систему вооружения, которая фактически не существовала на момент подписания контракта, а российское оборонное предприятие сначала должно было завершить разработку системы по требованиям заказчика и только затем осуществить ее поставку.

⁷³ Интервью А.Г. Шипунова, ген. конструктора, начальника ГУП «КБ приборостроения». Некоторые аспекты выживания ВПК. *Промышленность России*. 2000. № 37, май. С. 23–24; Кенжетаев Марат, Шварев Владимир, Новичков Николай. Цит. соч. С. 13; Kenzhetaev Marat, Shvarev Vladimir. Op. cit. P. 6.

⁷⁴ Лященко В.П. Цит. соч. С.113.

⁷⁵ Советским Союзом в 1986–1987 гг. было поставлено порядка 100 (возможно, более) ПЗРК *Игла-1* и *Стрела-3*.

⁷⁶ Эcranопланы военного и гражданского назначения. *Эл. банк ИНФО-ТАСС, база ВЕГА*. 2000, 25 сентября; Kenzhetaev Marat, Shvarev Vladimir. Op. cit. P. 10.

⁷⁷ Kenzhetaev Marat, Shvarev Vladimir. Op. cit. P. 10.

⁷⁸ Указанный объем контрактов, вероятно, завышен, величина объема поставок выглядит более достоверной.

⁷⁹ Кенжетаев Марат. Россия на рынке оружия в 1994–1996 гг. Регистр поставок ВВТ. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1998. № 5. С. 55–79.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Вероятнее всего, завышенные цифры – минимум в несколько раз; по нашим оценкам объем поставок ПВН в Египет в 1991–2001 гг. составил порядка 160–180 млн долл.

⁸² *Рынки Вооружений*. 2002. Т. 2, № 8, август. С.5.

⁸³ На мировом рынке Россия испытывает жесткую конкуренцию со стороны Запада. *Эл. банк ИНФО-ТАСС, база ВЕГА*. 1997, 2 июня, ссылка на *Washington Times* от 30 мая 1997 г.

⁸⁴ Данилов Сергей. Военные тайны успеха «Промэкспорта». *Известия*. 2000, 16 октября. С. 4.

⁸⁵ Путилов Сергей. Африканская карта оружейников. *Время МН*. 2002, 3 августа; Путилов Сергей. Африканская карта. Россия планирует поставить оружие в Египет и Эфиопию. *Век*. 2002, 16 августа.

⁸⁶ *Arms Trade Doc*. ed. Pike John. Federation of American Scientists. 1997, March 25; *Defence Data Com*, <http://defence-data.com/archive/page1150.htm>; *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1997. № 41. С.16; 1998. № 1. С. 54; 1998. № 2. С. 34.

⁸⁷ *Военно-Техническое Сотрудничество*. 1997. № 41. С. 16; 1998. № 1. С. 54; 1998. № 2. С. 34.

⁸⁸ Лященко В.П. Торговля оружием: мировая конъюнктура и конъюнктурный анализ. М.: ИД «Новый век», 2001. С. 88.

⁸⁹ Путилов Сергей. Цит. соч.

⁹⁰ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 215; М. Кенжетаев, В. Шварев. ВТС России со странами Ближнего Востока. Цит. соч. С. 6.

⁹¹ Так сообщал посол Йемена в РФ А. Али Абдулрахман (Йемен выступает за восстановление военно-технического сотрудничества с Россией). *Информационное агентство ТС ВПК*. 2002, 2 октября). В реальности цифра по ВВС несколько некорректна – на вооружении ВС Йемена есть американские боевые самолеты *F-5E* и транспортные *C-130*.

⁹² Авторские оценочные данные. Цит. по: Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 154.

⁹³ Кенжетаев Марат, Шварев Владимир. ВТС России со странами Ближнего Востока. Цит. соч. С. 7.

⁹⁴ Ежегодники The Military Balance, IISS.

⁹⁵ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 215.

⁹⁶ По сообщению информационного агентства *Интерфакс-АВН* тип танков был *T-80*, но это ошибочная информация (Россия поставила Йемену более 30 танков *T-80* и 15 истребителей *МиГ-29*. *Интерфакс-АВН*. 2002, 17 декабря).

⁹⁷ Регистр ООН-2000. В этот же Регистр Россия сообщала об экспорте одной ББМ без указания типа.

⁹⁸ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 216; М. Кенжетаев, В. Шварев, Н. Новичков. Цит. соч. С. 12.

⁹⁹ SIPRI-FIRST. Op. cit.

¹⁰⁰ State of origin (if not exporter) – Russian Federation. Регистр ООН-2000. Стоит также упомянуть, что танки российского/советского производства поставлялись в Йемен в довольно значительном количестве рядом других стран: Чехия поставила в 2000 г. 97 танков *T-55* и в 2002 г. еще 35 *T-55*, Польша в 1999 г. – 20 ОБТ *T-72*, Болгария в 1994 г. – 56 танков *T-62* и шесть *T-55*.

¹⁰¹ Поставлены в 1994 г. Молдавией, отсюда, вероятно, и разночтения с общим количеством машин – 20–24 единицы.

¹⁰² Регистр ООН 2002.

¹⁰³ Год российской авиации. *Коммерсантъ Власть*. 2003, 3 февраля; ММП им. В.В. Чернышева реализует ряд крупных контрактов по ремонту и модернизации двигателей *РД-33* для самолетов *МиГ-29*. Цит. соч. Первый модернизированный *МиГ-29СМТ* будет оправлен заказчику в течение месяца. *АРМС-ТАСС*. 2003, 24 августа; Начинаются летные испытания истребителя *МиГ-29СМТ* с бортовой РЛС *Жук-МЭ*. *Интерфакс-АВН*. 2003, 15 сентября; Корпорация «МиГ» выполнит все свои обязательства. *АРМС-ТАСС*. 2003, 9 декабря .

¹⁰⁴ Наиболее достоверная сумма.

¹⁰⁵ Авиазавод «Сокол» поставит в Индию 72 комплекта для модернизации истребителей *МиГ-21-бис*. *АРМС-ТАСС*. 2002, 30 мая; ММП им. В.В. Чернышева реализует ряд крупных контрактов по ремонту и модернизации двигателей *РД-33* для самолетов *МиГ-29*. Там же.

¹⁰⁶ The Military Balance 2003–2004. Op. cit. P. 283.

¹⁰⁷ «Вооруженные силы Йемена». Интернет-сайт War-Online, <http://www.waronline.org/mideast/yemen.htm>.

¹⁰⁸ По словам официального представителя Минобороны Йемена, «никаких новых контрактов [кроме текущего контракта на поставку партии *МиГ-29*. – Авт.] по линии ВВС с Россией не заключалось» (Йемен опроверг сообщения о намерении купить у России самолеты *МиГ-29*. *Авиация, Космос и Оружие России*. 2002, 1 июля).

¹⁰⁹ Козырев Михаил. Российские танки дошли до Аравийского полуострова. *Коммерсант*. 2000, 24 мая.

¹¹⁰ По-видимому, Йемен нашел источники внешнего финансирования – вероятнее всего, ОАЭ.

¹¹¹ Россия поставит во Вьетнам партию зенитных ракетных систем *С-300ПМУ1*. *Интерфакс-АВН*. 2003, 22 августа; Юрченко В.П. Силы и средства ПВО вооруженных сил арабских стран. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока (IIIMES). 2003, 5 августа.

¹¹² Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 215; М. Кенжетаев, В. Шварев, Н. Новичков. Цит. соч. С. 13.

¹¹³ Данилов Сергей. Цит соч. С. 4.

¹¹⁴ Кенжетаев Марат, Шварев Владимир. ВТС России со странами Ближнего Востока. Цит. соч. С. 7; Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 218.

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Подтверждением этому служат как официальные российские данные, так и данные авторитетных западных источников, изучающих вопросы распространения обычных вооружений и мониторинга мирового оружейного экспорта, – SIPRI, CRS, IISS, WMEAT.

¹¹⁷ Sir Powell Charles. Threats of a new Cold War. *London Telegraph*, Issue 1360. 1999, 14, Sunday, February; Фельгенгауэр Павел. Минюст подключился к торговле оружием. С каждого проданного за рубеж снаряда российская юстиция получает комиссионные. *Сегодня*. 1999, 25 февраля. С. 1–2; Госкомпания «Росвооружение» заключила секретный контракт с Ираком. 2000, 28 сентября. <http://www.comprodat.ru/main/kotelkin/rosvor1.htm>; [Виртуальные] Ракеты для Саддама Хусейна. *FreeLance Bureau*. 2000, 3 октября, <http://www.flb.ru/>; Петров Иван. Тайные переговоры с Ираком. Послесловие. За публикацией компромата в интернете последовали отставки. *Газета.Ру*. 2000, 5 ноября; Фельгенгауэр Павел. Тайные поставки российского оружия в Ирак. *Новая Газета*. 2003. № 22, 27–30 марта. С. 8.

¹¹⁸ Например, публикации февраля 1999 г. о «заключении контрактов на поставки систем ПВО и других вооружений» были приурочены к визиту в Россию министра транспорта и коммуникаций Ирака и к моменту принятия решения по вопросу о предоставлении России кредитов МВФ. К слову, вышеуказанная информация о «контрактах» не была подтверждена официально британской стороной и была опровергнута официальными российскими лицами. Публикации весной 2003 г. о «тайных поставках российских вооружений» объяснялись подготовкой и началом американской военной операции в Ираке.

¹¹⁹ Публикации о «тайных поставках ВВТ Ираку» осенью 2000 г. совпали по времени с рядом кадровых перемещений и институциональных преобразований в системе ВТС.

¹²⁰ Новая иракская армия будет вооружена автоматами Калашникова – Пентагон. *Интерфакс-АВН*. 2003, 18 сентября.

¹²¹ Оружие для спецподразделений от ОАО «Концерн «Ижмаш» все больше интересует Европу. *АРМС-ТАСС*. 2003, 26 ноября.

¹²² Что в принципе уже и начало происходить – осенью 2003 г. достаточно крупный заказ получил болгарский завод «Арсенал» (Болгария поставит 40 тыс. автоматов Калашникова новой иракской армии. *РИА Новости*. 2003, 4 октября).

¹²³ Новая иракская армия поменяет «Калашникова» на М-16. *Defense News*. 2003, December 23, цитируется по <http://www.sniper.ru/news/index.php?news=1374>.

¹²⁴ Так, например, сообщается, что «по решению американской администрации в Ираке все 45 иракских боевых вертолетов советского производства [речь, очевидно, идет о *Ми-24*, поставленных Ираку в 1979–1984 гг. – Авт.] будут проданы на металлолом» (Советские вертолеты в Ираке пустят на металлолом. *Regions*. 2003, 16 декабря, <http://www.avia.ru/>, ссылка на арабскую газету *Аш-Шарк аль-Аусат*); хотя здесь возможна юридическая неопределенность со статусом собственности и правом распоряжения масштабным количеством вооружений и военной техники на территории Ирака.

¹²⁵ «По словам представителей американского военного командования, иракские летчики «предпочитают» ... винтокрылые машины, сделанные в США... Сейчас летную подготовку проходят около 20 местных летчиков». *Regions*. 2003, 16 декабря.

¹²⁶ «По данным Минэкономразвития РФ, внешний долг Ирака перед Россией [по состоянию на 2003 г. – Авт.] составляет 8,5 млрд долл.» (Ирак не собирается выплачивать России долги. *РТР-Вести.Ру*. 2003, 8 апреля. 23:15).

¹²⁷ Кузык Б. и др. Цит. соч. С. 153–154.

¹²⁸ Корнелюк Наталья. Интервью. Мувафак Фатухи: «Мы не станем возвращать долги прежнего режима». *Известия*. 2003, 8 апреля; *РТР-Вести.Ру*. 2003, 8 апреля. 23:15.

¹²⁹ Россия готова к переговорам в рамках Парижского клуба по проблеме иракских долгов. *РИА «Новости»*. 2003, 22 декабря.

¹³⁰ Op. cit.

Рожденная в 50-е гг. XX столетия атомная энергетика разделила историю подводного флота России на «до» и «после». «До» – это первая половина XX столетия, предвоенный, военный и послевоенный периоды бурного роста численности и тактико-технических качеств дизельных подводных лодок (ДЭПЛ) с вынужденно ограниченным временем пребывания в подводном положении. Именно из-за энергетики, требующей периодической связи с атмосферой, ДЭПЛ часто называли «ныряющими лодками». «После» – это начало строительства и выход в Мировой океан десятков подводных атомоходов на Севере и Дальнем Востоке без ограничений времени пребывания под водой, с большими водоизмещениями, вооружением и скоростями подводного хода. На многие годы ракетный щит Родины в значительной степени формировался атомным подводным флотом стратегического назначения. Это его предназначение сохраняется и поныне.

Прошли годы. Атомный подводный флот России постепенно приближается к своему 50-летию юбилею. Это не юбилей даты. Это юбилей десятилетия 1952–1961 гг. Юбилей периода рождения и становления отечественного атомного подводного флота.

В этот период произошло много знаменательных событий, достойных занять свое место в истории российской науки и промышленности, в памяти поколений российских моряков. Вот эти события – вехи атомного подводного флота.

Таблица 1

События в период создания отечественного атомного подводного флота

Год	Событие
Сентябрь 1948 г.	Предложение А.П. Александрова правительству о создании подводной лодки с атомной энергетической установкой. Предложение отверг Л.П. Берия, как несвоевременное.
Сентябрь 1952 г.	Решение Совмина СССР за подписью И.В. Сталина о разворачивании работ по сооружению подводной лодки с атомной энергетической установкой. Выход Постановления Правительства «О проектировании и строительстве объекта 627». Во исполнение этого решения к концу 1952 г. был образован «мозговой центр» создания первой АПЛ: В.Н. Перегудов – главный конструктор АПЛ, А.П. Александров – научный руководитель работ, Н.А. Доллежалъ – главный конструктор АЭУ.
Март 1953 г.	Начало проектирования первой АПЛ проекта 627 в СКБ-143 (ныне СПМБМ «Малахит»).

Год	Событие
Октябрь 1954 г.	Формирование и начало подготовки первых двух экипажей для создаваемых АПЛ «К-3» и «К-5».
Октябрь 1955 г.	Закладка первой в СССР АПЛ на заводе № 402 в г. Молотовске (ныне СМП г.Северодвинск).
Март 1956 г.	Первый пуск реактора типа ВМ-А на стенде.
Июль 1956 г.	Образование Учебного центра (в/ч 27013) в г. Обнинск для подготовки экипажей АПЛ.
Сентябрь 1956 г.	Начало проектирования первых АПЛ с ракетным вооружением в ЦКБ-18 (проекты 658, 659).
Октябрь 1956 г.	Решение ГК ВМФ об открытии новой специализации в Севастопольском ВВМИУ для подготовки инженеров по эксплуатации атомных энергетических установок подводных лодок.
Апрель 1957 г.	Спуск на воду первой АПЛ в г. Северодвинске.
Декабрь 1957 г.	Открытие специального факультета для подготовки инженеров-энергетиков атомного флота во ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского.
Апрель 1958 г.	Первый энергетический пуск реактора на АПЛ. Запись в вахтенном журнале: «Впервые в Советском Союзе без угля и мазута на подводной лодке дан пар».
Сентябрь–октябрь 1958 г.	Первый курсовой выпуск инженеров для атомного флота в Севастопольском ВВМИУ и ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского.
Декабрь 1958 г.	Закладка первой АПЛ Тихоокеанского флота ТОФ на заводе №199 в г. Комсомольске-на-Амуре.
Ноябрь 1958 г.	Формирование экипажа первой АПЛ Тихоокеанского флота «К-45».
Май 1960 г.	Спуск на воду первой АПЛ Тихоокеанского флота в г. Комсомольске-на-Амуре.

В годы, когда происходили указанные выше и сопутствующие им события, о них мало кто знал. Секретность работ по созданию первых атомных подводных лодок была абсолютной. К работам одно время не допускались даже те, для кого создавалась новая техника.

За последние годы появилось много публикаций, посвященных созданию отечественного атомного флота, однако одна из славных страниц его истории оставалась ненаписанной. Речь идет о создании в Комсомольске-на-Амуре первой дальневосточной атомной подводной лодки (АПЛ).

История атомного флота на Дальнем Востоке началась задолго до спуска на воду первой АПЛ в Комсомольске-на-Амуре. Еще до подписания И.В. Сталиным известного Постановления Правительства СССР от 12 сентября 1952 г. о создании опытной атомной подводной лодки проекта 627 работы в этом направлении уже велись в части разработки атомной энергетической установки. Они были начаты в инициативном плане еще на 9-м факультете Московского энергетического института (МЭИ) в конце 1940-х гг. и продолжены под руководством А.П. Александрова в секторе В.М. Меркина Института атомной энергии (ИАЭ). Там к тому времени уже работали выпускники этого факультета, ныне академик Н.С. Хлопкин, Б.А. Буйницкий и Г.А. Гладков.

С пуском весной 1954 г. первой атомной электростанции в Обнинске контуры создания реактора для АПЛ стали намного более реальны. К этому времени в обстановке строгой секретности уже велись разработки корабля в целом. Вначале над проектом в Москве работала специально созданная группа из сотрудников ЦКБ-18 и СКБ-143 под руководством Ф.Ф. Полушкина и В.Н. Перегудова. Затем работа была перенесена в перепрофилированное и доукомплектованное Ленинградское СКБ-143. Его возглавил Главный конструктор проекта, в прошлом выпускник ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского, капитан 1-го ранга В.Н. Перегудов. К этому же времени относится период формирования первых двух экипажей для подводного флота. Подготовка этих экипажей проходила в Обнинске, сначала в ФЭИ, а затем на первой в мире АЭС.

В 1956 г. в том же Обнинске был создан Учебный центр ВМФ (в/ч 27013) для подготовки экипажей атомных подводных лодок. В этом учебном центре прошли подготовку все экипажи АПЛ, построенных в период 1956–1966 гг., начиная с третьего. Девятым экипажем по нумерации Обнинского учебного центра стал первый дальневосточный экипаж, собравшийся в Обнинске в начале февраля 1959 г.

По официальной хронике 27 июня 1954 г. в Обнинске была запущена первая атомная электростанция мощностью 5 МВт. В это же время там же, но в другом здании (№150) велись работы по физическому пуску опытного атомного реактора ВМА для подводных лодок первого поколения. Одновременно с этим в мае 1954 г. в Северодвинске на заводе п/я №402 (ныне ПО «Севмашпредприятие») была заложена на стапеле опытная атомная подводная лодка проекта 627. Не дожидаясь результатов отработки опытного реактора на стенде и испытаний опытной подводной лодки, ВМФ выдал предприятию СКБ-143 (ныне СПМБМ «Малахит») тактико-техническое задание на корректировку технического проекта опытной подводной лодки с целью постройки серии многоцелевых атомных подводных лодок проекта 627А. Корректировка была закончена в марте 1956 г., а уже в августе того же года на ПО «Севмашпредприятие» была произведена закладка головной многоцелевой атомной подводной лодки проекта 627А. В том же году СКБ-143 были выданы предварительные требования на проектирование атомной подводной лодки проекта 658 с баллистическими ракетами и атомной подводной лодки проекта 659 с самолетами-снарядами (позднее эти самолеты-снаряды были переименованы в крылатые ракеты). АПЛ этого проекта с крылатыми ракетами и предназначались для использования прежде всего на Тихоокеанском флоте.

Естественно, с таким объемом работ СПМБМ «Малахит» справиться не могло и обратилось в Министерство судостроительной промышленности с просьбой перевести в него 200 конструкторов из ЦКБ МТ «Рубин». При рассмотрении этого вопроса в Министерстве начальник ЦКБ МТ «Рубин» П.П. Пустынцев выступил с предложением передать работы по проектированию атомных подводных лодок проектов 658 и 659 в его бюро, что и было сделано. Учитывая сжатые сроки проектирования и требования ВМФ о создании атомных подводных лодок проектов 658 и 659 на базе главной энергетической установки атомной подводной лодки проекта 627, в ЦКБ было решено начать проектирование со стадии технического проекта, минуя предэскизную проработку и разработку эскизного проекта. Работы были начаты с августа 1956 г., до выдачи утвержденного тактико-технического задания, и уже в I квартале 1957 г. технические проекты обеих лодок были представлены в министерство и в ВМФ на утверждение. Технический проект подводной лодки проекта 659 был утвержден 26 июня 1957 г. совместным решением Министерств судостроительной промышленности и Военно-морского флота. Не ожидая утверждения технического проекта, была начата подготовка рабочей документации. Основные рабочие чертежи были переданы Заводу им. Ленинского комсомола в октябре 1957 г.

Так было начато массовое строительство атомных подводных лодок первого поколения еще до окончания опытно-конструкторских работ на стенде в Обнинске и испытаний опытной атомной подводной лодки проекта 627. Отсюда многочисленные переделки, которые пришлось осуществлять в ходе строительства, испытаний и эксплуатации этих подводных лодок. В этом же и причина многочисленных, в основном мелких аварий энергетических установок на этих лодках, в том числе с облучением людей. Шла холодная война, и политика двух противостоящих государственных систем, очевидно, требовала быстрых и эффективных действий, не всегда подчинявшихся логике и даже здравому смыслу.

20 декабря 1958 г. на Заводе им. Ленинского комсомола в Комсомольске-на-Амуре была произведена закладка головной атомной подводной лодки проекта 659.

Закладка корабля – это не какой-то этап работ, а установившийся обряд, довольно-таки условный. Устанавливаются на стапель не менее двух секций прочного корпуса с приваренными к ним килевыми подсециями легкого корпуса, свариваются между собой, потом собирается толпа людей, произносятся дежурные речи с правильными словами и под оркестр производится приварка в килевой части этих секций специального кармана с закладной доской, на которой выгравированы слова о том, что данный корабль, имярек, закладывается такого-то числа, в бытность таких-то вождей государства и, естественно, для защиты Отечества. И на этом практически заканчивается вся процедура закладки. Желательно закладку производить в какой-нибудь знаменательный день. Нам не повезло. День 21 декабря «испортил» И.В. Сталин со своим «культом личности», а день 19 декабря еще не сделал знаменательным Л.И. Брежнев. Так получилось, что закладка головной АПЛ произошла как раз между днями рождения известных вождей.

Нет смысла писать обо всех деталях постройки головной подводной лодки. Многие эпизоды постройки позабылись, другие потеряли актуальность, часть переосмыслилась после получения дополнительной информации об обстоятельствах проектирования этого корабля. Кроме того, сама постройка – это довольно рутинный процесс. В нем было все: многочисленные исправления чертежей, ошибки проектанта и завода-строителя, споры и ругань, взаимные несправедливые обвинения и, вместе с тем, совместная дружная и самоотверженная работа. Много труда вложили в создание корабля начальник ЦКБ П.П. Пустынцев, Главный конструктор Н.А. Климов, заместители Главного конструктора О.Я. Марголин и В.К. Станкевич, Главный конструктор по специальности Г.Я. Альтшулер, начальник отдела С.М. Кузнецов, «хозяева» отсеков И.Л. Косьмин, В.В. Енюшин, В.С. Кайдаш, Э.Р. Поляк, А.В. Варламов и многие другие работники ЦКБ МТ «Рубин».

В целом же вся работа по постройке корабля по-прежнему представляется как многомесячный марафон без выходных, с раннего утра до позднего вечера заполненный лазаньем по отсекам корабля, составлением всевозможных графиков, хождением по цехам машиностроения, решением вопросов, составлением суточных заданий цехам верфи на следующий день. Проверки выполнения работ обычно проводились ежевечерне главным или старшим строителем. На них, кроме многочисленных исполнителей работ, присутствовали директор завода, главный инженер завода и секретарь парткома завода по отдельности, а зачастую и вместе. На этих проверках рассматривался ход исполнения суточных заданий, устанавливались новые сроки исполнения работ, ставились и решались технические и организационные задачи. Проверки продолжались час и более. Основное время на этих проверках тратилось на проработку исполнителей, не выполнивших суточное задание. Директорские проверки по утрам также проходили на повышенных тонах. Было много ругани и поисков виновных. Иногда дело доходило до курьезов. На одной из проверок в очередной раз начали «пытать» старшего мастера Турковского по срокам закрытия проектного документа по конденсатно-питательной системе и предъявлению ее к швартовым испытаниям. После того как Турковский получил сполна от ответсдатчика и директора, секретарь парткома завода Ю.З. Кучмин решил, что настала его очередь проработать нерадивого мастера. «Товарищ Турковский, – сказал он, – мало того, что вы плохо работаете, вы еще и плохо воспитываете своих подчиненных. Вчера ко мне приходила жена вашего рабочего и жаловалась, что ее муж вторую ночь не ночует дома». В ответ он услышал: «Юрий Захарович! Я уже третьи сутки не покидаю завода. Я не знаю, где ночует моя жена, а вы хотите, чтобы я знал, где ночует мой рабочий!» Этот ответ был по достоинству оценен всеми участниками проверки. Насколько я помню, после этого ответа Ю.З. Кучмин на проверках больше никого не «воспитывал».

Началом жизненного цикла корабля обычно считается дата закладки, или спуска на воду, или подъема военного-морского флага, или вхождения в состав ВМФ. Для АПЛ «К-45» этими датами соответственно являются 20 декабря 1958 г., 12 мая 1960 г., 18 сентября 1960 г. и 28 июня 1961 г.

О дате спуска на воду (всплытия в доке) основная часть экипажа, да и многие строители, узнали за несколько часов до этого события. Конечно, его ждали. Но даже ожидаемое ча-

сто происходит неожиданно. Так было и на этот раз. Всех разбудили в начале ночи 12 мая и на автобусах доставили на завод. Личный состав, кроме командования корабля, разместился на своих боевых постах и процедуры спуска на воду не видел. Даже момент всплытия прошел для многих из нас незаметно. Об этом нам объявили по трансляции.

Всплытие «К-45» сопровождалось несколькими эпизодами. Один из них и комичен, и трагичен. Во время вывода всплывшей АПЛ из дока по трансляции на весь завод включили Гимн Советского Союза. При этом слова гимна оказались «сталинские»: «Нас вырастил Сталин на верность народу» и т.д. Но времена были уже «хрущевские»! Сразу после включения трансляции партийное руководство забегало, но так и не успело ничего сделать. Гимн дослушали до конца в «сталинской» редакции. Говорят, что «крайним» оказался наш в то время заместитель командира по политической части Ф.А. Волков. Лично у меня воспоминания о нем вполне положительные. Однако за «гимн» и какие-то другие проступки он был снят с должности.

После всплытия в доке и проведения швартовых испытаний АПЛ предполагалось не позже конца сентября провести по Амуру и, далее, к месту Государственных испытаний и постоянного базирования в бухту Павловского. На период первых пусков реакторов обоих бортов и перевода подводной лодки к месту базирования на завод прибыл академик А.П. Александров. Он лично принимал экзамены у операторов АЭУ, обсуждал особенности перехода, сопровождал переход до устья Амура. Такое внимание со стороны научного руководителя программы создания атомного флота страны было не случайно. Впервые на Дальнем Востоке предстояло почти в центре большого города запустить сразу два ядерных реактора, затем переправить в доке АПЛ на большую воду и вновь запустить там АЭУ без всякого берегового обеспечения. Такое у нас в стране делалось впервые.

Переход длился почти неделю, только в дневное время и был достаточно труден. На переходе произошел инцидент, о котором вспоминает военпред Г.И. Стрекалов.

«На переходе из Комсомольска по Амуру к месту базирования Анатолий Петрович Александров, сопровождавший наш переход, простудился! Павел Григорьевич Котов, адмирал-заместитель Главкома по кораблестроению, заволновался и говорит: «Как же мы допустили, что академик, член Верховного Совета СССР, ночью на стоянке пошел на рыбалку и промочил ноги?! Простудился! Вы, товарищ Стрекалов, зайдите к Анатолию Петровичу (АП) и узнайте, что и как... Я пришел к АП в каюту (это было в транспортном доке в самом конце сентября) и вижу – лежит наш академик весь красный и с температурой. Увидев такое, я порекомендовал ему хорошее средство от простуды (рецепт моей мамы) – «пунш». Узнав, что это 1/3 стакана спирта, 2/3 крепкого чая и 2 ложки сахара, Александров сразу согласился.

После первого стакана «пунша» ему стало легче. Я порекомендовал «закрепить» и повторить прием. Выпили по второму стакану, а потом и по третьему. После третьей порции АП стал сильно потеть. Я попросил вестового поменять белье и, если потребуется, ночью сделать это еще раз. Пожелал АП спокойной ночи и ушел к себе.

Наутро мы с П.Г. Котовым увидели академика, бодрого и веселого. Подойдя к нам, он поблагодарил за помощь и сказал: «Век живи, век учишься!»

Необходимо отметить, что роль А.П. Александрова в деле создания атомного флота страны, в том числе и на Дальнем Востоке, уникальна.

В создании первых АПЛ Советского Союза принимали участие около 20 конструкторских бюро, 35 НИИ, 80 различных заводов. Все организации были представлены конкретными людьми – учеными, конструкторами, технологами, инженерами, рабочими. Без всякого сомнения, первым в перечне имен основных создателей атомного флота, особенно первых АПЛ, стоит имя научного руководителя академика А.П. Александрова. Это он еще в 1948 г. впервые вышел в правительстве с идеей создания атомных подводных лодок. Это он многие годы нес непомерный груз ответственности за решение этой важнейшей государственной задачи и обеспечил ее быстрое и успешное решение. Сейчас просто удивительно, что в то время каждый следующий этап создания первых АПЛ начинался намного раньше завершения этапа предыдущего. Так, строительство первых двух АПЛ «К-3» и «К-5» началось до завершения испытаний наземного прототипа в Обнинске. Монтаж атом-

ной энергетической установки (АЭУ) этих кораблей прошел до первого энергетического пуска реактора ВМ-А на стенде. Серийное строительство АПЛ первого поколения (проекты 627, 658, 659) началось до испытаний первой АПЛ «К-3». Такое могло быть только при глубокой убежденности научного руководителя в правильности принятых решений, его смелости и огромном личном авторитете. Убежден, что без А.П. Александрова атомный флот у Советского Союза появился бы на 5–8 лет позже. Такого отставания от вероятного противника в то время допустить было нельзя!

Переход первой АПЛ к месту базирования прошел без серьезных замечаний. Корабль шел в надводном положении со скоростью 12–14 узлов, вызывая удивление экипажей многочисленных рыболовецких судов. Они и предположить не могли, что видят атомную подводную лодку. Считали, что идет дизельная с работой винтов от аккумуляторных батарей. Ведь шума работающих дизелей не было слышно. Не раз с таких судов по громкоговорящей связи советовали «поберечь аккумуляторы». На мостике субмарины по этому поводу только смеялись!

Комплексные и Государственные испытания первой дальневосточной АПЛ продолжались до июня 1961 г. Это были самые продолжительные испытания из тех, которые проводились до и после этого на атомных подводных лодках. Дело было не только в энергетике. Главные проблемы возникли при испытании нового оружия – крылатых ракет. За время испытаний корабль прошел 7073 мили за 706 ходовых часов, в том числе 2569 миль в подводном положении. За время испытаний произошло немало значимых или несущественных происшествий, оставивших след в памяти строителей корабля и экипажа. Вот некоторые из них.

В период между подписанием акта приемки АПЛ в состав флота и началом боевой подготовки корабль очередной раз посетила большая группа руководителей ВМФ и Главного политического управления МО. Возглавляли группу Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков и Главком ВМФ С.Г. Горшков.

Необыкновенные происшествия в период их пребывания на корабле начались с первых же минут. В АПЛ они спустились через люк 1-го отсека и сразу же прошли в центральный пост. Здесь маршал, видимо, решив поговорить с личным составом, задал вопросу первому встречному: «Как вас тут кормят?» Ответ старшины, стоявшего рядом, поверг всех в легкий шок. «Умереть не дают!» – сказал он. Маршал как-то сразу сник, потоптался на месте и без слов двинулся дальше. В следующем, 4-м отсеке маршала встретил командир отсека Володя Подопригора. Он четко представился и стал рассказывать о системах отсека, в том числе о рефрижераторной установке Э-300. Вот тут Ф.И. Голиков и задал ему вопрос, поставивший Володю в тупик: «Скажите, какого происхождения слово «рефрижератор» и где в этом слове корень, суффикс и окончание?» На раздумье было дано время до окончания осмотра.

Не задерживаясь в реакторном отсеке, группа проследовала в 6-й турбинный. Здесь внимание всех привлек портрет Е.А. Фурцевой, висевший между маневровыми устройствами. Он оказался в отсеке, когда замполит И. Катченков раздавал по отсекам портреты членов Политбюро. Старшина 6-го отсека В. Кудин попросил разрешения у командира 1-го дивизиона И. Мухина повесить в отсеке именно портрет Фурцевой. Тот согласился не сразу, но доводы В. Кудина были убедительны (член ЦК, министр культуры и вообще «пусть хоть одна женщина будет на корабле»). Войдя в отсек, Голиков на этот портрет и наткнулся.

В турбинной команде был у нас такой матрос Новокшенов, который имел обыкновение в самый неподходящий момент попадаться большому начальству на глаза. Так и на этот раз. Перемазанный, он вылез из трюма прямо под ноги Голикову, который и обратился к нему с вопросом, указывая на портрет: «Кто это?» Ответ Новокшенова бы быстр и категоричен: «Это Фурцева, жена Ленина, и звать ее Надежда Константиновна!!!» Пораженный таким ответом, Голиков махнул рукой, больше не говоря ни слова, прошел в 8-й отсек и вышел на пирс.

Несколько запоминающихся событий, в том числе и опасных инцидентов, произошло во время выходов корабля в море.

Из воспоминаний командира БЧ-5 И.Е. Бригиды:

«Я был страшно удивлен сообщением командира о том, что с нами на глубоководное погружение, которое обычно венчает ходовые испытания, пойдут Главком ВМФ, министр судостроительной промышленности и сопровождающие их лица. Об этом и о возможных нежелательных явлениях, обычно встречающихся при первых таких погружениях, я сказал командиру. Но, оказывается, его об этом никто не спрашивал, а просто поставили в известность и потребовали организовать должным образом встречу и нахождение на АПЛ высокопоставленных лиц. Всего в свите Главкома ВМФ на борт прибыло 17 человек. Там были и командующий ТОФ, и командующий Дальневосточным военным округом, и адмирал П.Г. Котов, и заместитель министра Егоров. Только адмиралов и генералов – 10 человек! Они разместились в центральном посту на верхней палубе, а вот капитаны 1-го ранга могли найти себе место только на 2-й палубе и в трюме 3-го отсека.

Для прибывших были полностью освобождены все каюты 2-го отсека, кроме командирской и моей. Мы отошли от 3-го пирса б. Павловского и начали дифферентовку. Хотя меня очень смущало присутствие такого большого количества начальников в районе моего боевого поста, на качество и время дифферентовки это не повлияло. Через 5 минут после ее начала я доложил командиру об окончании дифферентовки, за что получил громко выраженную благодарность от П.Г. Котова. Главком ВМФ, министр Минсудпрома и другие в это время пили чай в кают-компани.

Переход в точку глубоководного погружения, переговоры с обеспечивающими кораблями и АСС флота прошли практически без замечаний.

По приказанию командира ПЛ я провел контрольную дифферентовку. После ее окончания при продувании ВВД цистерн средней группы главного балласта неожиданно в районе переборки между 4-м и 5-м отсеками по сварному шву разорвало трубопровод ВВД на продувание СГБ №6. Это выяснилось, конечно, несколько позже. Лодку при этом изрядно качнуло с борта на борт. А в тот момент через включенную на все отсеки громкоговорящую систему «Каштан» все в ЦП (и главком тоже) услышали очень сильный шум поступавшего в отсек воздуха. Тут же командир объявил аварийную тревогу, и личный состав приступил к положенным в таком случае действиям.

Как только верхний рубочный люк был открыт, большое начальство без лишних слов в полном составе поднялось наверх. Когда минут через 10, разобравшись в случившемся, я поднялся на мостик для доклада командиру, то увидел кабельтовых в пяти эсминцев, уходящий с гостями в сторону Владивостока». Так и не удалось главкому поучаствовать в глубоководных испытаниях на первой АПЛ Тихоокеанского флота.

Ко всему, что здесь сказано, хотелось бы добавить рассказ о двух эпизодах, в которых я принимал непосредственное участие. Первый касается режима 12-часового полного подводного хода. Он проводился на полигоне в ночное время и начался как раз во время моей вахты на пульте управления. Я, как обычно, был оператором левого борта. В начале режима мощность реакторов была поднята до 80% (больше не разрешалось) и обороты на валах были где-то 465–470 в минуту. Надо отметить, что при такой скорости (24–25 узлов) все механизмы работают на пределе, стрелки приборов стоят далеко вправо и шум (вибрация) в энергетических и концевом отсеках был очень большой. Прошло не больше часа с начала режима, как вдруг, на «ровном месте», у меня на левом борту срабатывает аварийная защита реактора по сигналу «АЗ 1-го рода» – снижение расхода первого контура. Сигнал ложный... Действия в этом случае известны: закрывается питательный клапан, подхватывается компенсирующая решетка и т.д. Несмотря на эти действия, все основные параметры, естественно, сильно проваливаются и на самописцах рисуются интересные кривые... Поскольку сигнал был ложным, возвращаюсь обратно на мощность 80%, и режим полного хода начинается снова. Проходит минут 30, и аварийная защита падает вновь! В центральном большое возбуждение. На пульте командир дивизиона, операторы и киповцы соображают, что делать. В конце концов причину нашел Валентин Крюков. Кажется, в приборе ППД-01 что-то замыкало на землю при вибрации. Замыкание быстро устранили, и режим был проведен в полном объеме.

На следующий день председатель энергетической секции Госкомиссии Ю.А. Агаджанян попросил у меня вырезать и передать ему куски лент с записью изменений параметров при срабатываниях аварийной защиты. Я за них, сказал он, получу ящик водки в Первом

институте. Просьбу его я выполнил и об этом забыл. Где-то через четыре года я присутствовал на защите докторской диссертации П.И. Залевского и неожиданно увидел на плакатах «мои» кривые! Вот для кого, оказывается, брал ленты Агаджанян! Так аварийные срабатывания защиты реактора подводной лодки «поработали» на науку.

Другой эпизод также имел место во время ночной вахты. Проверялась шумность АПЛ при движении под гребными электродвигателями на большой глубине. Обе установки работали в ТГ-режиме, глубина погружения 280 метров, скорость хода 4–5 узлов. В какой-то период времени мы в пульте управления АЭУ заметили, что лодка постепенно стала проваливаться. Видимо, из-за обжатия корпуса она стала тяжелее, а удержать ее рулями из-за малой скорости не удавалось. При достижении 300 метров (предельной глубины) я доложил об этом в центральный. Однако реакции на доклад почему-то не было, а глубина погружения постепенно возрастала. Понимая, что наиболее радикальным способом спасти ситуацию будет увеличение скорости и что скоро может последовать команда о переходе в режим ГТЗА – на винт с подъемом оборотов вала, мы без всякой команды подняли мощность реакторов до 35–40%. К этому времени стрелка глубиномера перевалила за 300... Действительно, через несколько секунд команда о переходе в режим ГТЗА – на винт была получена. Она была исполнена быстро, и через 20–30 секунд обороты вала достигли 265. Лодка быстро вернулась на заданную глубину.

Случись в этот период какое-либо аварийное поступление забортной воды, удержать лодку от провала было бы очень сложно. Очевидно, в такой ситуации погибла АПЛ США «Трешер». Мы этого избежали.

Еще об одном событии. В один из дней испытаний на глубине около 240 метров в 3-й отсек начала поступать забортная вода через плиту кабельных вводов от контейнера. На этот раз вода сначала поступала в контейнер, а затем по кабельной трубе в отсек. Опять аварийная тревога и аварийное всплытие. После всплытия подняли аварийную пару контейнеров, открыли крышки и осмотрели аварийный контейнер. В нем были обнаружены следы воды, но откуда она поступала, было не ясно, так как металлическая зашивка полностью закрывала прочный корпус контейнера. Посоветовались и решили посадить в контейнер людей и погрузиться. Находящиеся в контейнере люди должны были определить место течи. Организовали освещение в контейнере и телефонную связь его с центральным постом. В контейнер забралась строитель по электрочасти и вооружению В.Г. Дробинский, начальник испытательной партии П.Х. Фельдман, а от личного состава командир группы управления ракетной боевой части Б.Ф. Громов и старшина 1-й статьи В.И. Хватов. На этот раз погрузились на глубину менее 100 метров, когда находившиеся в контейнере люди обнаружили место течи. После этого подводная лодка вернулась на базу. Оказалось, что при производстве сварочных работ либо на заводе «Красное Сормово», либо уже в Комсомольске-на-Амуре был прожжен прочный корпус контейнера. Это отверстие снаружи было закрыто приклеенным резиновым акустическим покрытием. На глубине 240 метров это покрытие под давлением воды было прорвано, и в контейнер стала поступать забортная вода. Подобных происшествий в период испытаний было еще немало.

Жизненный цикл первой атомной подводной лодки Тихоокеанского флота, начавшийся со спуска на воду 12 мая 1960 г., завершился через 29 лет, в 1989 г. Всего за время после постройки кораблем было пройдено 197 894 мили за 24 907 ходовых часа. Эти показатели – одни из лучших, а по выработке энергии лучшие среди всех АПЛ проекта 659.

В целом судьба корабля сложилась удачно. За все годы на корабле не было крупных аварий, пожаров и происшествий, при которых пострадал бы личный состав. Другие АПЛ этого проекта подобных неприятностей не избежали.

После вывода из эксплуатации «К-45» содержалась личным составом на плаву в бухте Павловского. Выгрузка ядерного топлива из реакторов произведена в 1990 г., а в 2000 на заводе «Звезда» из АПЛ были вырезаны и утилизированы 1, 2, 3, 9, 8, 7-й отсеки и образован реакторный блок (система из 4, 5, 6-го отсеков). Этот блок в настоящее время содержится на плаву в бухте Разбойник, ожидая подготовки береговой площадки для длительного хранения реакторных отсеков. Так завершился жизненный цикл первой атомной подводной лодки Тихоокеанского флота Советского Союза, к тому времени еще не распавшегося.

Гольдблат Йозеф

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Новый справочник о переговорах и соглашениях. Полностью пересмотренное и дополненное второе издание. Новое приложение с документами на CD-ROMe. L., Thousand Oaks, CA, New Dehli. 396 стр. + CD-ROM, 2002

Goldblat Jozef

ARMS CONTROL

The New Guide to Negotiations and Agreements. Fully Revised and Updated Second Edition with New CD-ROM documentation Supplement. L., Thousand Oaks, CA, New Dehli. 396 pp. + CD ROM, 2002

Рецензия – Роланд Тимербаев

Можно без преувеличения сказать, что обширная библиотека книг по контролю над вооружениями пополнилась теперь подлинной энциклопедией по проблемам ограничения вооружений и разоружения – практически во всем ее объеме, начиная с оружия массового уничтожения – ядерного, химического и биологического и вплоть до мелкострелкового оружия. Это – второе издание. Первое вышло в 1994 г., и можно только поздравить автора с проделанным им огромным объемом работы по сбору и анализу бесчисленного количества новых направлений в ограничении вооружений, увидевших свет за последние годы. Хорошо подобранная документация, помещенная на CD-ROMe, позволяет ознакомиться со всеми основными документами, имеющими отношение к данной проблематике.

Хотелось бы уже с самого начала нашей рецензии обратить внимание на то, что Й. Гольдблат не только скрупулезно анализирует достигнутые и не достигнутые или еще не реализованные соглашения, но и стремится заглянуть в будущее. Целый раздел (стр. 125–134) посвящен предложениям о полном запрещении и уничтожении оружия массового уничтожения, появившимся в середине 1990-х гг. Это заявление 61 человека – высокопоставленных отставных генералов и адмиралов из 17 стран, включая США и Россию, доклад Канберрской комиссии, доклад Национальной академии наук США, доклад Токийского форума и др. Включение в справочник предложений, ведущих к созданию мира, свободного от ядерного оружия, открывает перед читателем – и это весьма важно – перспективы дальнейших действий в направлении освобождения человечества от ужасов использования оружия массового уничтожения¹.

К позитивным аспектам труда следует отнести не только строго исторический подход к изложению материала, но и максимально объективный анализ предпосылок выработки тех или иных соглашений по ограничению вооружений в самых различных областях, а также четкий разбор основных положений тех или иных соглашений. В России сейчас уже устоялся термин «контроль над вооружениями» вместо «ограничение вооружений», стоит, видимо, и дальше пользоваться им. Иногда мы говорим «разоружение», но понимаем его в более широком смысле слова, поскольку в практическом плане можно и нужно иметь в виду только те соглашения в этой области, которые ведут к *полному уничтожению* тех или иных видов вооружений (например, химического). В то же время вряд ли оправдано применение автором термина «контроль над вооружениями» применительно к соглашениям о перемирии, заключенным после корейской войны 1950–1953 гг. или войны в Индо-Китае в 1946–1954 гг. (стр. 3).

Мы не можем согласиться с авторским анализом одного важного положения, содержащегося практически в каждом соглашении по контролю над вооружениями. Речь идет о

праве выхода из договора (стр. 8). Й. Гольдблат считает, что существующие соглашения обычно недостаточно конкретно формулируют право выхода из договора при исключительных обстоятельствах, очевидно, считая, что такое право должно быть более конкретизировано. На наш взгляд, для соглашений, которые, в отличие от других международных договоров, зачастую затрагивают коренные интересы национальной безопасности государств, большей конкретики не требуется; более того, она может в каких-то случаях оказаться и вредной. Выход из договора – суверенное право государства, особенно в том, что касается национальной безопасности, и вряд ли было бы правильным как-то ограничивать это право. Излишне говорить о том, что попытка выработать перечень исключительных обстоятельств, дающих право на выход из договора, может крайне осложнить его согласование, а может быть, даже и вообще затруднить этот процесс, сделать выработку соглашения невозможной.

Впервые положение о праве выхода из договора появилось в международно-правовой практике в 1963 г. – в Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Делегация США (ее возглавлял А. Гарриман) предлагала включить в договор формулу, согласно которой право выхода наступает в случае проведения каким-либо государством ядерных испытаний (таким образом, прямо имелся в виду Китай, который и провел свое первое испытание в следующем году). Руководитель советской делегации А.А. Громыко предложил более гибкую формулу: участник договора имеет право выйти из него, если решит, что **связанные с содержанием договора** исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы страны. А. Гарриман тут же согласился с этой формулировкой, отлично понимая, что она в полной мере обеспечивает интересы США, поскольку запрет на испытания в трех средах как раз и составляет содержание договора. В дальнейшем аналогичная формула включалась и в другие соглашения в области контроля над вооружениями и каких-либо нареканий не вызывала.

Уделяя в своем справочнике довольно пристальное внимание механизму ведения переговоров по разоружению, автор (причем уже не в первый раз) подвергает критике работу Женевской конференции по разоружению (КР). КР, действительно, вот уже более семи лет по существу пробуксовывает на месте, не будучи в состоянии подготовить ни одного соглашения, хотя имеет содержательную и весьма актуальную повестку дня и немало проработок по существу рассматриваемых проблем. Критика КР безусловно справедлива (стр. 16), однако переговорщикам еще не удалось найти более совершенный механизм подготовки соглашений по контролю над вооружениями. Автор дает высокую оценку так называемому «Оттавскому» процессу, в рамках которого было выработано соглашение о противопехотных минах. Но ведь хорошо известно, что основные державы так и не присоединились к этому соглашению.

Читателям будет полезно ознакомиться с исторической частью рецензируемой работы, связанной с деятельностью Комиссии ООН по атомной энергии 1946–1949 гг. Автор дает объективную оценку работе Комиссии, оценивая должным образом и позицию США, и позицию Советского Союза и раскрывая причины, сделавшие невозможным достижение договоренности. Описание деятельности Комиссии было бы более полным, если бы он привел недавно ставшие известными данные о позициях Великобритании и Франции в Комиссии, которые, как и Советский Союз, весьма критически отнеслись к попытке американского представителя Б. Баруха отстранить создаваемый международный орган по контролю над атомной энергией от права вето в Совете Безопасности ООН.

Новый всеобъемлющий справочник по разоружению, содержащий практически все основные документы, будет неоценимым подспорьем и настольной книгой для всех, кто интересуется проблемой контроля над вооружениями и разоружением и ищет пути решения этих сложных проблем.

Примечание

¹ К этому списку следовало бы добавить и монографию, изданную ПИР-Центром: Международный контроль над атомной энергией. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003. № 22.

СОТНИКОВ В.И. ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА В ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (вторая половина XX – начало XXI века). Монография №1. М.: Научная книга, 2003. 256 с.

Наличие ядерного оружия в арсеналах Индии и Пакистана является одним из главных вызовов современному режиму нераспространения и представляет собой серьезный дестабилизирующий фактор с точки зрения как региональной, так и глобальной безопасности. В монографии научного сотрудника Института востоковедения РАН В.И. Сотникова предпринята попытка комплексного анализа этой проблемы. В своей работе В.И. Сотников рассматривает предпосылки и причины появления ядерного оружия у Индии и Пакистана, проводит сравнительный анализ истории ядерных программ этих двух стран и рассматривает современную динамику их соперничества в ядерной области.

Первая глава книги посвящена анализу ядерной политики Индии и Пакистана в период до 1974 г., когда Индия провела свое первое ядерное испытание. По мнению автора, проблема ядерного оружия в индийско-пакистанских отношениях возникла в результате китайских ядерных испытаний 1964 г., которые вызвали в Южноазиатском регионе своего рода «цепную реакцию». Во второй главе рассматривается период 1974–1998 гг., характеризующийся автором как время «скрытой гонки вооружений» в Южной Азии. В третьей главе анализируется современное состояние проблемы после проведения ядерных испытаний двумя странами в 1998 г. При этом автор уделяет внимание не только рассмотрению эскалации ядерной гонки вооружений между Индией и Пакистаном, но и анализирует проблему «горизонтального распространения», связанную с угрозой попадания ядерного оружия в руки безответственных лидеров, авторитарных режимов и террористов. В своей работе В.И. Сотников также показывает особенности позиции Индии и Пакистана по отношению к Договору о нераспространении ядерного оружия и Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Несмотря на то, что на страницах монографии рассматривается вопрос о сотрудничестве в ядерной области, которое Индия и Пакистан ведут с другими государствами, данная работа несомненно бы выиграла от более детального анализа связей в ядерной области Пакистана с другими государствами, в частности с Северной Кореей и Ираном.

В заключении автор прогнозирует, что в кратко- и среднесрочной перспективе будет происходить дальнейшее наращивание ракетно-ядерных вооружений Индии и Пакистана при сохранении сложившегося после ядерных испытаний 1998 г. «ядерного статус-кво» в регионе. При этом, по мнению В.И. Сотникова, продолжение ядерной гонки вооружений в регионе создаст серьезную угрозу российским национальным интересам на южном направлении и ограничивает возможность внешнеполитических маневров России в Южной Азии. Автор также предлагает уравновесить активное осуществление военно-технического сотрудничества России с Дели путем развития политических (а в перспективе и военных) связей с Пакистаном с целью придания российской политике в регионе большей гибкости и свободы маневра.

Книга содержит приложения с выдержками из двусторонних индо-пакистанских документов, относящихся к области ядерного оружия и мерам доверия и безопасности, а также текст Резолюции СБ ООН 1172 от 6 июня 1998 г, принятой после проведения ядерных испытаний Индией и Пакистаном. Работа также содержит обширную библиографию.

TUCKER JONATHAN B. BIOSECURITY: LIMITING TERRORIST ACCESS TO DEADLY PATHOGENS. *United States Institute of Peace*. 2003, 49 p.

Актуальность темы исследования американского исследователя Дж. Такера обусловлена возросшей в последнее время угрозой осуществления актов терроризма с использованием оружия массового уничтожения, в том числе биологического.

В работе исследуются усилия, предпринимаемые США, а также международным сообществом по недопущению попадания опасных биологических агентов в руки террористов. Автор утверждает, что основной акцент в области предотвращения биотерроризма должен быть сделан именно на превентивных, а не на ответных мерах. Дж. Такер проводит разграничение между двумя терминами, обозначающими биологическую безопасность – *biosecurity* и *biosafety*. В то время как понятие *biosafety* обозначает меры, направленные на предотвращение непреднамеренного ущерба от использования опасных биологических агентов, *biosecurity* включает в себя меры по предотвращению их умышленного использования в террористических целях. Автор отмечает, что большая часть американского и международного законодательства относится именно к области *biosafety*, а не *biosecurity*. По его мнению, необходимо усиление законодательства именно в этой области. Дж. Такер отмечает отсутствие единых международных стандартов в сфере обеспечения биологической безопасности. По мнению автора, международный режим биологической безопасности должен основываться не на юридически обязывающих международно-правовых документах, обладающих международными интрузивными механизмами контроля их исполнения, а на соглашениях, которые должны реализовываться через принятие соответствующих мер на национальном уровне. Механизм международного надзора за реализацией таких соглашений должен осуществляться через периодические обзорные конференции стран-участниц. В качестве модели автор рассматривает Конвенцию по ядерной безопасности, принятую МАГАТЭ в 1994 г., и предлагает создать техническую рабочую группу стран-участниц КБО для проведения переговоров с целью выработки единых глобальных стандартов в области биологической безопасности.

Многие положения исследования во многом совпадают с официальной позицией США по данному вопросу.

WILLET SUSAN. COSTS OF DISARMAMENT – DISARMING THE COSTS: NUCLEAR ARMS CONTROL AND NUCLEAR REARMAMENT. *UNIDIR*. 2003, 156 p.

Главной целью исследования С. Уиллет является демонстрация того, что, несмотря на высокие затраты, связанные с процессом разоружения и верификации соглашений по контролю над вооружениями, эти затраты все же выглядят незначительными по сравнению с возможными издержками новой ядерной гонки вооружений. Автор отмечает, что в случае с Договором СНВ-1 США должны были нести как собственное бремя расходов по исполнению договора, так и оказывать содействие России через программу совместного уменьшения угрозы (СУУ). Высокая стоимость программы СУУ позволила ряду критиков усомниться в экономической эффективности контроля над вооружениями. На основе детального анализа стоимости и эффективности СНВ/СУУ С. Уиллет убедительно показывает экономические преимущества разоружения. Автор приходит к выводу, что даже с учетом затрат на программу СУУ в целом США смогли сэкономить приблизительно 1,23 млрд долл. в результате сокращения стратегических наступательных вооружений.

По мнению автора, новые тенденции в политике США, включая пересмотр ядерной доктрины 2002 г. и Стратегию национальной безопасности 2002 г., которые предусматривают использование ядерного оружия (в том числе его новых типов, например миниатюрных ядерных бомб) в более агрессивной односторонней политике США, а также увеличение военного бюджета повышают риски для режима нераспространения в будущем. Автор указывает на то, что процесс нового ядерного перевооружения происходит в то время, когда существует огромное количество проблем, связанных с «наследием холодной войны», в первую очередь в экологической области, которые требуют срочного решения.

Подводя итог своего исследования, С. Уиллет отмечает, что только политика, направленная на укрепление контроля над ядерными вооружениями, и, в перспективе, на их окончательное уничтожение, может принести плоды в виде ликвидации издержек и рисков, связанных с ядерным оружием.

SUMMARY

Libya's recent decision to cut short its WMD programs is an important step in the strengthening of the nonproliferation regime. In the editorial **"What Does Colonel Qadhafi's Admission Mean?"** Libya's motivations for taking this decision are considered and the international implications of this step analyzed.

The article notes that if the December statements of intent by Libya take the form of concrete agreements on the dismantlement of existing arsenals and those in the process of being created, we will witness an unprecedented step, by which a state ends all its military programs in the sphere of WMD and means of their delivery, and places their dismantlement under international control.

Pakistan is the main proliferating state in the world today. Traces of its nuclear technologies can be found in North Korea, Iran, and now Libya. Who else has benefited from its *nuclear brains* still has to be determined. Pakistan's last deliveries to Libya, it appears, occurred after September 11, 2001, when the United States strongly warned President Musharraf about the inadmissibility of *sharing* nuclear technologies and received the appropriate promise from him. Pakistan is an unstable and weak state, where the central government does not control significant swaths of territory and where international terrorist organizations find sympathy. Can the international community continue to be reconciled to a nuclear Pakistan that is a proliferator?

And finally article notes, the Libyan decision, or, more exactly, the way it came to that decision, is a lesson for Russia as well. Russia cannot remain outside of the process of deciding the vital, concrete questions relating to the struggle against global WMD proliferation. This would contradict our declared foreign policy. We should more actively make use of the traditional ties and levers of influence that remain to us. A successful example of Russia's involvement in the solution of a critical proliferation problem was the painstaking work with Iran in the past few years and particularly past few months, in large part thanks to Moscow, and already subsequently through the efforts of Berlin, Paris, and London, leading to Iran's signing of the Additional Protocol in the same days last December when Libya was opening up information on its nuclear program. It does not make sense for us to remove ourselves from the dialogue with our traditional partners, like Syria.

But if in certain situations Russia would be better off acting alone, in most cases we would work more fruitfully *in concert* with the United States. The best example of this sort of concrete cooperation in the past few months is the removal of spent nuclear fuel from research reactors in Central and Eastern Europe (Serbia, Bulgaria, and Romania). The geography of this cooperation has now been extended to the former Soviet states.

Perhaps if the removal of nuclear components from Libya becomes necessary Russia and the United States could do it together, under the aegis of the IAEA? The slight softening in Washington's tone with regard to Iran lets us look into the distant future and – although today this

still seems a fantasy – suggest that we consider the possibility of joint Russian–U.S. projects to develop peaceful nuclear energy in Iran. This is precisely the sort of cooperation that could serve as a guarantee against mutual suspicion, and against the emergence of secret nuclear weapon programs.

In PIR Center Executive Council Chairman Roland Timerbaev’s interview of Mohamed El Baradei **“The Nuclear Nonproliferation Regime in Hard Times,”** the IAEA Director General speaks of the current shortcomings of and challenges to the regime. In El Baradei’s opinion, to maintain regime effectiveness one must periodically adapt it to new realities and emerging threats. In the 1990s, one such “modernization” was successfully carried out when a new mechanism, the so-called “Additional Protocol,” was created.

Concerning questions regarding the role of the IAEA in the advancement of the Global Partnership programs, the Director General noted the following areas of possible collaboration: IAEA assistance in missions to inspect various sites, in the development and adoption of general standards in the area of physical security in the nuclear sphere, and others.

El Baradei also believes that the G-8 might finance IAEA projects, such as those focused on increasing the security of nuclear materials and highly radioactive materials.

In his interview **“The Nuclear Industry is One of the Most Important National Exporters”** with *Yaderny Kontrol* editor-in-chief Vladimir Orlov, Minister of Atomic Energy of the Russian Federation Aleksandr Rumyantsev discusses the future of nuclear power engineering in detail, and examines the prospects for the development of nuclear power engineering in Russia.

The head of Minatom notes that “nuclear energy production using fast-neutron reactors is virtually limitless as far as fuel is concerned, and can provide humanity with energy. Furthermore, new generation fast reactors also solve the problem of radioactive wastes, minimizing both their quantity and activity. If we add to this the organization of international nuclear fuel cycle centers, then the nonproliferation problem is reduced as well.”

As for Russian-American cooperation in the sphere of weapons plutonium disposition, Rumyantsev notes that “a site for the construction of a mixed uranium and plutonium oxide fuel (MOX fuel) plant has already been selected, and a decision on the use of French technology for MOX fuel production made.”

In his article **“On the Way to Strategic Stability,”** Igor Sergeev, the Russian president’s aide on strategic stability issues, analyzes contemporary global security issues. The author notes that “nuclear deterrence no longer serves as the basis for strategic interactions between states. The world community widely subscribes to the idea that using nuclear weapons in armed conflict is both inadmissible and inexpedient.”

However “the strategic concepts and plans of nearly every nuclear power include the principle of the first use of nuclear weapons.”

As for counterproliferation, the president’s aide notes that “the use of counterproliferation to resuscitate power politics could become a delayed action mine, blessing the arrogant plans of an array of regional leaders.”

In addition, Sergeev opines, “nonproliferation, like the war on terror, must not become an end in itself or the vision of any one state. It is in the interests of the entire global community not to tolerate emerging threats, but this must be by legitimate means, and the goal of joint efforts must be the security of all countries.”

Yuri Baluyevsky, first deputy chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, in his article **“Nuclear Deterrence and Strategic Offensive Reductions,”** evaluates the role and place of nuclear deterrence policy in the contemporary world, and uses the SORT treaty as the basis for an examination of its future role in Russian-American relations.

The author notes that “today we are participants in a sort of ‘qualitative jump’ in both the theory and practice of nuclear deterrence. New forms of nuclear deterrence are appearing, such as deterrence by threatening not use, but merely acquisition of nuclear weapons.” However, in Baluyevsky’s opinion, “we will not part with nuclear weapons in the foreseeable future.”

As for the SORT treaty, the author observes that “the new SORT treaty is unique in that it answers basic questions about the future development of strategic weapons, determining their levels and the time frame for the further reduction of both parties’ nuclear forces.”

The deputy chief of the General Staff comes to the conclusion that a “peculiar paradox” has been formed at present. “The nuclear factor, which for a long time led to confrontation and to a worsening in relations, mutual suspicion and distrust, is now working in exactly the opposite direction.”

In an article by President of the Institute on the Study of Israel and the Middle East Yevgeny Satanovsky entitled “**Power Centers: a Forecast of the Geopolitical Situation after the War in Iraq,**” a prognosis of the strategy of contemporary global power centers is presented. The war in Iraq is used as the starting point for the analysis.

The author argues that “heterogeneous in their levels of economic development, political consolidation and possibilities for influencing the outside world, these centers will become the source of political and military initiatives, which, in the final analysis, will determine the hierarchical structure of international relations in the near future.”

Senior PIR Center Adviser Gennady Yevstafev, in his article “**WMD Nonproliferation: Several Problems and Risks,**” sums up the successes and failures in the area of nonproliferation in the year 2003, and it also analyzes possible challenges to the nonproliferation regime. The author pays special attention to questions of the legitimacy of the use of force, and to the circumstances under which one might initiate a preventive war. Yevstafev also examines challenges to the NPT in detail: North Korea’s withdrawal from the agreement, and the existence of the de facto nuclear powers of India, Pakistan and Israel in the absence of mechanisms to deter them. In the article he notes that in the immediate future the major “new challenge” in the area of nuclear nonproliferation may be the threat of the use of a “dirty bomb” or analogous surrogate device using other WMD technology and diverse possible means of their delivery.

In the article “**The NPT and the NATO Concept of ‘Joint Control’ of Nuclear Weapons,**” Anatoly Anin looks at the NATO concept for the “joint control” of nuclear weapons, or “nuclear sharing.” The author analyzes the compatibility of this concept with the letter and the spirit of the NPT, the problem of the presence of U.S. nuclear weapons in Europe, and new NATO members’ adoption of “nuclear sharing” and NATO nuclear policy as a whole. In Anin’s opinion, “NATO’s use of the ‘nuclear sharing’ concept creates a sort of loophole in the NPT, which can be used by other states as well.”

In the article by Russian Ministry of Foreign Affairs staffer Vladimir Khlebnikov “**Urgent Nonproliferation Issues and the Role of the IAEA,**” the author presents his views on the reasons for the growth of the IAEA’s political role not only in the area of nonproliferation, but also in promoting atomic energy. Khlebnikov examines in detail the various ways the IAEA carries out its basic functions of monitoring and cooperation, how the Agency reacts to new challenges and threats, and the potential directions of future IAEA activity. In addition, he examines the Agency’s work in the “problem” countries of Iraq, North Korea and Iran.

In the article by Russian Federation Ministry of Foreign Affairs Department on Security and Disarmament Issues expert Victor Lichayev “**Libya’s Choice: Consequences for Global WMD Counterproliferation,**” the political consequences of Libya’s decision to forego the development of WMD programs are analyzed. The author notes that in the Arab world they consider Tripoli’s decision to be a responsible step, confirming its efforts to make a real contribution to improving the peace and security of the region. At the same time, the Russian diplomat notes, “the intriguing aspect of the situation consists in the fact that Mu’ammar al-Qadhafi, the leader of a country that up until very recently has been among the most active in the Arab states to subject the Israeli nuclear program to sharp criticism, challenged Syria and Iran to follow the Libyan example and forego the development of WMD programs, without mentioning Israel.”

Anna Abayeva, in her article “**Russia and the Countries of Scandinavia: the Expansion of the Global Partnership Program,**” examines the contributions of Norway, Sweden, and Finland to cooperative programs with Russia to liquidate its “Cold War heritage.” Her article notes that “Russia’s priorities within the framework of cooperation are the dismantlement of Russian

nuclear-powered submarines and the destruction of chemical weapons.” In the opinion of the author, “the accession of these countries to the Global Partnership should make it possible to enlarge the framework of this program as well as foreign capital investment. There are already a number of multinational and bilateral agreements that have been concluded with the countries of Scandinavia on rendering aid to Russia for the nonproliferation of WMD and materials. These agreements have already showed their effectiveness in practice.

In an article by Marat Kenzhetaev, an independent expert on military-technical cooperation, entitled **“Russian Military and Technical Cooperation with Countries in the Middle East,”** military imports by countries in the Middle East and Russian military-technical collaboration with Middle Eastern countries are considered.

The author notes that the countries of the region are world leaders in the import of armaments, due to the high rate of conflict in the region. However, the expert continues, “in spite of the enormous volume of the Middle Eastern arms market, its importance in the arms trade will gradually decline in future.”

Russia is one of the largest exporters of weapons to the region, and, given Russia’s dependence on India and the P.R.C. for its arms exports, the author argues that military-technical collaboration with the countries of the Middle East is very important for Russia both to diversify arms exports and for financial reasons.

The majority of the article is dedicated to Russia’s military-technical cooperation with countries in the Middle East, and goes into great detail in its survey of contracts and deliveries of Russian weapons and military equipment to these countries. It also examines the prospects and possible alternatives for the development of Russian military and technical collaboration.

Russian Academy of Sciences Nuclear Safety Institute (IBRAE) Deputy Division Head Remos Kalinin, in **“The Construction of the First Nuclear-Powered Submarine in the Russian Far East,”** uses the recollections of participants to describe the difficulties of building the Project 659 nuclear submarine K-45 at the shipyard in the Far East’s Komsomolsk-na-Amure. He also relates episodes connected with the difficult testing of the first nuclear submarine built in Komsomolsk.

Абаева Анна Ивановна – студентка факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Родилась в 1984 г. С июля по ноябрь 2003 г. проходила стажировку в ПИР-Центре. Круг научных интересов – развитие программы Глобального партнерства в странах Скандинавии, экологические проблемы современности, международные отношения.

Балуевский Юрий Николаевич – генерал-полковник, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. Родился в 1947 г. в городе Трускавец Львовской области Украинской ССР. В 1970 г. окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, в 1980 г. – Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1990 г. – Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. В 1982–1988 гг. проходил службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных сил СССР на руководящих должностях. С 1990 г. – заместитель начальника направления, начальник направления в Главном оперативном управлении Генерального штаба. В 1993–1995 гг. – начальник штаба – первый заместитель командующего Группой российских войск в Закавказье. С июня 1995 г. – начальник управления, заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ. С августа 1997 г. – начальник Главного оперативного управления Генерального штаба – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В июле 2001 г. назначен первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант в отставке. Родился в 1938 г., служил в должности начальника управления СВР по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. В 1981–1985 гг. работал специальным помощником Генерального секретаря ООН. С 1986 по 1991 г. член делегации СССР на переговорах по обычным вооружениям. Один из авторов доклада «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма.

Калинин Ремос Иванович – доктор технических наук, профессор, капитан 1-го ранга в отставке. Родился в 1935 г. в Москве. С 1953 по 2000 г. служил в Военно-морском флоте. Окончил Высшее военно-морское инженерное училище, служил на атомных подводных лодках, занимался научно-педагогической деятельностью, проходил службу в центральных органах Минобороны. Автор более 150 научных трудов. Со дня увольнения с военной службы в запас и по настоящее время – заместитель заведующего отделом Института проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук (ИБРАЭ РАН).

Кенжетаев Марат Жумабаевич – инженер-физик. Родился в 1970 г. В 1994 г. окончил Московский физико-технический институт, факультет аэрофизики и космических исследований. С 1997 г. по настоящее время – научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и охраны окружающей среды при МФТИ. Автор многочисленных публикаций по проблемам ВТС и ВПК России и стран СНГ, вопросам распространения обычных вооружений и мирового оружейного экспорта. Соавтор книги «Россия на мировом рынке оружия» (М.: Военный Парад, 2001).

Кобяков Даниил Олегович – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проектов «Глобальное партнерство» и «Серые зоны распространения». Родился в 1978 г. в Ленинграде. В 1999 г. с отличием окончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. – магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе – сентябре 2002 г. проходил стажировку в секретариате Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО. Область научных интересов включает вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, разоружения и международных переговоров.

Личаев Виктор Иванович – первый секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России. Родился в 1962 г. в городе Чите. В 1990 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. С 1990 по 1995 г. – дежурный референт-атташе Посольства СССР/Российской Федерации в Республике Индии. С 1995 по 1998 г. – третий секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России. С 1998 по июль 2002 г. – второй секретарь Постоянного представительства Российской Федерации при международных организациях в Вене. Сфера научных интересов – ядерное нераспространение, деятельность МАГАТЭ, международные режимы экспортного контроля.

Румянцев Александр Юрьевич – министр РФ по атомной энергии, академик РАН, профессор. Родился в 1945 г. В 1969 г. окончил Московский инженерно-физический институт. С 1969 по 2001 г. работал в РНЦ «Курчатовский институт». В 1993 г. назначен директором РНЦ «Курчатовский институт» по научному развитию. С 1994 г. – директор РНЦ «Курчатовский институт». С 1997 г. – член-корреспондент Российской академии наук. С 2000 г. – академик Российской академии наук, профессор Московского физико-технического института, занимается научной деятельностью в области экспериментальной физики. Основные научные интересы связаны с исследованием структуры и динамики кристаллической решетки твердых тел методами рассеяния нейтронов. Лауреат Государственной премии СССР 1986 г. Является научным руководителем Отдела физики твердого тела Института сверхпроводимости и физики твердого тела РНЦ «Курчатовский институт». Активно сотрудничает с российскими и зарубежными коллегами по проблемам рассеяния тепловых нейтронов. Член Президиума РАН, председатель НТС Минатома России, член Ученого совета РНЦ «Курчатовский институт». Член общественного совета по науке при Комитете по образованию и науке Государственной Думы РФ. Член правления Ядерного общества РФ. Член редакционных коллегий журналов *Поверхность*, *Природа*, *Neutron News*. Автор более 100 научных статей и докладов.

Сатановский Евгений Янович – президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока. Родился в 1959 г. в Москве. В 1980 г. окончил Московский институт стали и сплавов (МИСиС). С 1980 по 1984 г. – инженер трубопрокатного отдела Государственного института по проектированию металлургических заводов (ГИПРОМЕЗ). С 1984 по 1989 г. – рабочий горячего (сортопрокатного) цеха завода «Серп и молот». С 1989 г. по настоящее время – президент группы «Ариэль». С декабря 2001 г. – президент Российского еврейского конгресса. Основатель и президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока. Заведующий кафедрой израилеведения Центра иудаики и еврейской цивилизации ИСАА при МГУ. Вице-президент международного совета регентов Международного центра университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме. Член президентского совета Российского общества дружбы с арабскими странами. Член издательских советов

академических журналов *Восточная Коллекция*, *Диаспоры* и *Вестник Еврейского Университета*. Член академического совета «Библиотеки иудаики». Кандидат экономических наук. Автор книг «Экономика Израиля в 1990-е гг.» и «Израиль в мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры», а также ряда научных статей.

Сергеев Игорь Дмитриевич – помощник Президента Российской Федерации по вопросам стратегической стабильности. Родился в 1938 г. в г. Верхний Ворошиловградской области Украинской ССР. В 1960 г. окончил Черноморское высшее военноморское училище им. П.С. Нахимова, в 1973 г. – командный факультет Военно-инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского. Затем командовал ракетным полком, ракетной дивизией. В 1980 г., по окончании Военной академии Генерального штаба, продолжил службу на ответственных должностях в Ракетных войсках стратегического назначения. Занимал посты начальника штаба ракетной армии, начальника оперативного управления Главного штаба РВСН, первого заместителя начальника Главного штаба. В 1989–1992 гг. – заместитель главнокомандующего Ракетными войсками по боевой подготовке, с 1992 по 1997 г. – главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения Вооруженных сил Российской Федерации. С 1997 по март 2001 г. – министр обороны Российской Федерации. Маршал Российской Федерации. Доктор технических наук.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета и консультант ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (М.: Наука, 1999); «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)» (М.: ПИР-Центр, 2000). Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение», 1-е и 2-е изд. (М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002). Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью» (М.: ПИР-Центр, 2001), монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях» (М.: ПИР-Центр, 2001) и работ «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. №17) и «Международный контроль над атомной энергией» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2003. №22).

Хлебников Владимир Николаевич – атташе Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России. Родился в 1980 г. в г. Москве. В 2001 г. окончил МГИМО. Принимал участие в Программе повышения квалификации молодых специалистов, организованной ПИР-Центром в апреле 2001 г. Стипендиат ПИР-Центра 2003 г. Круг научных интересов: нераспространение ядерного оружия, деятельность МАГАТЭ.

Эльбаррадей Мохамед – Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии. Родился в 1942 г. в г. Каире. В 1962 г. получил степень бакалавра в области права в Каирском университете, в 1974 г. – степень доктора международного права на юридическом факультете Нью-Йоркского университета. С 1964 по 1980 г. состоял на дипломатической работе в МИД Египта. С 1974 по 1978 г. – специальный помощник министра иностранных дел Египта. В 1980 г. становится старшим преподавателем Программы международного права Института ООН по обучению и исследованиям. С 1981 по 1987 г. являлся профессором международного права на юридическом факультете Нью-Йоркского университета. С 1984 г. – ответственный сотрудник

секретариата МАГАТЭ, занимал различные руководящие посты в Агентстве, включая должность советника по юридическим вопросам и помощника Генерального директора по внешним связям. 1 декабря 1997 г. назначен на пост Генерального директора МАГАТЭ. В сентябре 2001 г. был переизбран на второй срок. Является экспертом в области международного права, международных организаций, контроля над вооружениями и мирного использования атомной энергии. Автор многочисленных книг и статей по данным вопросам.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 11 февраля 2004 г.)

Антонов Анатолий Иванович, посол по особым поручениям, к.э.н., МИД РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, член-корреспондент РАН, Центр политических и военных прогнозов ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, Минатом РФ, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Булочников Анатолий Михайлович, Центр по проблемам экспортного контроля, Москва, Россия

Бухарин Олег Александрович, к.ф.-м.н., Принстонский университет, Принстон, США

Волландер Селест, д-р, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Виноградов Михаил Сергеевич, генерал-лейтенант (в отставке), Комитет ученых за глобальную безопасность, Москва, Россия

Володин Юрий Георгиевич, Госатомнадзор, Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Джонсон Ребекка, Институт Акроним, Лондон, Великобритания

Э
К
С
П
Е
Р
Т
Н
О
-
К
О
Н
С
У
Л
Т
А
Т
И
В
Н
Ы
Й
С
О
В
Е
Т

Дьяков Анатолий Степанович, к.ф.-м.н., Центр разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института, Долгопрудный, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., *Крос*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., Казахстанский филиал Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Алма-Ата, Казахстан

Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник командующего Ракетных Войск Стратегического Назначения РФ (РВСН), Москва, Россия

Зведре Евгений Константинович, МИД РФ, Москва, Россия

Зобов Андрей Иванович, Ядерное общество, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., Помощник Председателя Правительства РФ, Москва, Россия

Калядин Александр Николаевич, д.и.н., Центр политических и военных прогнозов ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., Центр Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Козюлин Вадим Борисович, Москва, Россия

Козлов Виктор Васильевич, Атомстройэкспорт, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., Фонд «Евразия», Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, Российское авиационно-космическое агентство, Москва, Россия

Кривохижа Василий Иосифович, д.п.н., Аппарат Совета Федерации, Москва, Россия

Крючков Эдуард Феликсович, к.т.н., Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, академик РАН, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), Группа Глобал Консалтинг, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, Правительство Москвы, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, Центр АСТ, Москва, Россия

Манилов Валерий Леонидович, генерал-полковник (в отставке), Комитет по обороне и безопасности, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, Комитет по международным делам, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Михайлов Виктор Никитович, академик РАН, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Ознобищев Сергей Константинович, академик, Академия космических наук им. К. Э. Циолковского, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., Центр международной безопасности ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, д.ф.н., Центр стратегических исследований, Москва, Россия

Погорельий Михаил Михайлович, Центр журналистики войны и мира, Москва, Россия

Подвиг Павел Леонардович, Центр по изучению проблем разоружения Принстонского университета, Принстон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, академик РАН, РИЦ *Курчатовский Институт*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Пшакин Геннадий Максимович, к.т.н., Физико-энергетический институт, Обнинск, Россия

РИЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., Посольство Российской Федерации, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, проф., ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Слипченко Виктор Сергеевич, ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Смит Харольд, д-р, Голдменский институт общественной политики Калифорнийского университета, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.п.н., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Сухоручкин Владимир Константинович, к.т.н., РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, Конституционный Суд Российской Федерации, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Хромов Геннадий Константинович, *Главкосмос*, Москва, Россия

Цыгичко Виталий Николаевич, проф., академик Российской Академии Естественных Наук, Институт системного анализа РАН, Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, Московское бюро, *ВВС* Всемирная Служба, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, *Microsoft*, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ВЫ ИМЕЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ИЗДАНИЯ ПИР-ЦЕНТРА
СРОКОМ НА 2004 ГОД

Журнал *Ядерный Контроль*
выходит четыре раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – **3000 руб.**

Дайджест журнала *Ядерный Контроль* (на английском языке)
выходит два раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – **3000 руб.**

Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность
выходят три раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2004 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*. Индекс издания – **79280**

- **Компания «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США.

Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** просьба направлять по адресу:
Trekhprudny Business Center, Trekhprudny Per., 9, bldg. 1B, Moscow 123001, Russia

В этом случае стоимость подписки на 2004 г. составит **200 долл. США.**

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell

tel.: +31-252-435-111

fax: +31-252-415-888

e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com

<http://www.swetsblackwell.com>

East View Publications

Представительство в России

тел.: +7-095-777-6558

факс: +7-095-318-0881

<http://www.eastview.com>

**По всем вопросам оформления подписки
просьба обращаться в компанию «Триалог»
по тел.: +7-095-764-9896**

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

- «Ядерный Контроль», журнал на русском языке
- «Ядерный Контроль», журнал на английском языке
- «Научные Записки: национальная и глобальная безопасность»

Ф. И. О. получателя (полностью)

Организация, должность

Период подписки: 2004 год

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Количество экземпляров

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

- «Ядерный Контроль», журнал на русском языке
- «Ядерный Контроль», журнал на английском языке
- «Научные Записки: национальная и глобальная безопасность»

Наименование организации

Период подписки: 2004 год

Юридический адрес

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Р/с

ИНН

Извещение

ООО «Триалог»
 (наименование получателя)
ИНН 7729422765
 ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
 (номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
 (наименование банка и банковские
 реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
Подписка на журнал

 (наименование платежа)

Кассир

Сумма
 платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

ООО «Триалог»
 (наименование получателя)
ИНН 7729422765
 ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
 (номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
 (наименование банка и банковские
 реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
Подписка на журнал

 (наименование платежа)

Кассир

Сумма
 платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)